M 51
257

7992

ИЗЪ КНИГЪ
ЗАСЛУЖЕННАГО ПРОФЕССОРА
ПРОТОІЕРЕЯ
Д. Ѳ. КАСИЦЫНА.

СВѢТЪ АЗІИ.

М 51/257

1959

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ХРИСТІАНСТВА

ВЪ СИБИРИ

въ связи съ описаніемъ быта, нравовъ, обычаевъ и религіозныхъ вѣрованій инородцевъ этого края.

На основаніи миссіонерскихъ отчетовъ, записокъ путешественниковъ и лучшихъ изслѣдованій по данному вопросу.

Составилъ Т. А. Догуревичъ.

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА
ИМЕНИ
ЛУКИ и МАТВѢЯ
ВАСИЛЬЕВИЧЕЙ
ЛОСЕВЫХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.
1897.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Октября 1897 года.

P.129-34

2007099288

ПРЕДИСЛОВІЕ.

26-го октября 1581 года храбрый атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ и его сподвижники, разбивъ татарскаго хана Кучума, овладѣли его столицею — Сибирью (она находилась въ 16 верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска вверхъ по рѣкѣ Иртышу) и безъ особенныхъ затрудненій присоединили къ Московской державѣ обширное сибирское царство съ разнохарактернымъ населеніемъ и разнообразными вѣрованіями. Поступательное движеніе русскихъ послѣ этого продолжалось весьма успѣшно, такъ что къ началу XVIII столѣтія, черезъ 120 лѣтъ послѣ Ермака, русскіе достигли на востокѣ до водъ Тихаго океана, и сѣверѣ—Ледовитаго, на югѣ—границъ Китая и средней Азіи. Съ присоединеніемъ такихъ обширныхъ владѣній къ русскому государству открылись и новыя задачи для гражданской и церковной власти, такъ какъ вся эта масса покоренныхъ народовъ, входя, какъ младшій членъ, въ составъ государства, пріобщалась и къ русской государственности, и къ рус-

ской цивилизаціи. Но, какъ извѣстно, и та и другая покоятся на незыблемыхъ началахъ христіанства: это послѣднее преобразуетъ и обновляетъ жизнь язычника не только въ религіозно-нравственномъ отношеніи, но и во всемъ другомъ—измѣняетъ его нравы и образъ жизни, его воззрѣнія на природу и ея явленія, словомъ создаетъ новыя отношенія къ природѣ и людямъ. Ввести христіанство, какъ единственное условіе для обновленія религіозно-нравственной жизни язычника и какъ необходимую основу всякой цивилизаціи и гражданственности, среди покоренныхъ инородцевъ Сибири составляло поэтому одну изъ важнѣйшихъ задачъ государства и церкви. Этой задачи гражданское и церковное правительство не покидаетъ и до настоящаго времени, посылая въ Сибирь спеціальныхъ миссіонеровъ, которые, несмотря на всѣ невзгоды и препятствія, обходятъ необозримыя пространства ея и всюду стараются распространить свѣтъ евангельскаго ученія.

Вотъ уже болѣе трехъ столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ христіанство впервые столкнулось съ язычествомъ сибирскихъ инородцевъ. Многіе изъ этихъ послѣднихъ уже давно просвѣщены евангельскимъ ученіемъ и подъ вліяніемъ его мало-по-малу преобразуются какъ по своимъ вѣрованіямъ и понятіямъ, такъ и по своему внѣшнему образу жизни: тамъ, гдѣ еще недавно были трудно проходимыя дебри и только изрѣдка попадалась жалкая юрта инородца-ко-

чевника, теперь уже явились благоустроенныя инородческія селенія съ православными храмами, домами и другими признаками культурной человѣческой жизни. Въ то же время среди инородцевъ Сибири есть и такіе, которые еще до сихъ поръ коснѣютъ въ грубомъ язычествѣ, служа живымъ укоромъ нашему просвѣщенному XIX столѣтію. Прослѣдить ходъ просвѣщенія инородцевъ этого края, охарактеризовать ихъ религіозныя вѣрованія, раскрыть оригинальные обычаи, описать бытъ, быстро мѣняющійся подъ вліяніемъ ученія Христа,—эти задачи и затрогиваются въ нашей книгѣ.

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА
ИМЕНИ
ЛУКИ и МАТѲѢЯ
ВАСИЛЬЕВИЧЕЙ
ЛОСЕВЫХЪ.

ГЛАВА I.

Религіи сибирскихъ инородцевъ, среди которыхъ дѣйствуютъ наши миссіи.

Распространеніе христіанства среди невѣрующихъ есть въ высшей степени важное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень трудное дѣло. Перемѣна вѣры—столь рѣшительный шагъ въ жизни человѣка, что послѣдній рѣшается на него лишь послѣ глубокаго раздумья. И это вполнѣ понятно: не легко разстаться съ тою вѣрою, въ которой человѣкъ родился и выросъ и которая опредѣляетъ не только религіозную сторону его жизни, но часто проникаетъ и весь складъ его быта. Съ другой стороны—и по обращеніи человѣка ко Христу, въ немъ еще остаются прежнія религіозныя вѣрованія, которыя продолжаютъ сказываться въ разныхъ случаяхъ его жизни и такимъ образомъ служатъ однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій въ дѣлѣ усвоенія имъ христіанскаго ученія Въ виду этого, прежде чѣмъ начать рѣчь о просвѣщеніи сибирскихъ инородцевъ свѣтомъ христіанства, считаемъ нелишнимъ хотя въ общихъ чертахъ охарактеризовать ихъ религіозныя вѣрованія.

Всѣ инородцы Сибири, среди которыхъ дѣйствуютъ наши миссіи, исповѣдуютъ одну изъ слѣдующихъ трехъ формъ религіи: или *шаманство,* или *ламайство,* или же

магометанство. Шаманство—самая древняя вѣра въ Сибири; нѣкогда ее исповѣдывали всѣ сибирскія племена, обитавшія отъ Урала до Восточнаго океана и отъ предѣловъ Тибета до Сѣвернаго океана. Но потомъ шаманство начали тѣснить другія религіи, которыя появились въ южныхъ странахъ Азіи и постепенно подвигались къ сѣверу, прежде всего—ламайство, утвердившееся въ Сибири около половины прошлаго столѣтія, и затѣмъ—магометанство, принятое сначала приволжскими татарами, а потомъ и азіатскими. Напоромъ этихъ двухъ вѣръ съ юга и юго-запада (по отношенію къ Сибири) шаманство было отодвинуто на сѣверъ и теперь его держатся по преимуществу сѣверные инородцы Сибири—самоѣды, остяки, вогулы и др. Ламайство распространено главнымъ образомъ между бурятами, тунгусами и калмыками; центръ его въ Забайкальской области. Магометанство господствуетъ между татарами и киргизами. Что такое магометанство и какое его отношеніе къ христіанству, объ этомъ нѣтъ нужды говорить: оно довольно извѣстно. Поэтому мы остановимся только на шаманствѣ и ламайствѣ. Начнемъ съ перваго.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ г. Комарова, сущность *шаманскаго идолопоклонства* состоитъ въ обоготвореніи таинственныхъ силъ природы, управляющихъ ея явленіями. Вся природа, по воззрѣнію шаманистовъ, является вмѣстилищемъ или жилищемъ демоновъ — могучихъ силъ и существъ то враждебныхъ, то благодѣтельныхъ для человѣка: земля и вода, небо и воздухъ наполнены этими демонами, этими духами. Въ связи съ такимъ взглядомъ на природу развивается въ шаманствѣ и обрядовая сторона вѣры. Является прежде всего естественное желаніе оградить себя отъ этихъ духовъ, если они вредны, или приблизить ихъ къ себѣ, если они полезны. Измышляются различныя средства для этого, изобрѣтаются разныя таинственныя орудія для сношенія съ этимъ міромъ духовъ: являются особыя лица, спо-

собныя быть посредниками между духами и обыкновенными людьми, особыя священныя мѣста, какъ обиталища таинственныхъ силъ и духовъ, и разныя священныя церемоніи и дѣйствія.

Сибирскіе язычники-шаманисты высшимъ божествомъ или духомъ признаютъ *Тенгри*. Такъ какъ слово „тенгри“ означаетъ небо, то можно думать, что божество это служитъ олицетвореніемъ всей небесной области, своею таинственностію и величіемъ всего сильнѣе поражающей чувство и воображеніе мало развитаго человѣка. Тенгри — мудрый, правосудный правитель міра, источникъ жизни и всякаго добра, врагъ злыхъ духовъ и всего нечистаго. Тенгри стоитъ выше всѣхъ божествъ; другіе боги суть только орудія его воли или различныя его силы, которыя онъ употребляетъ для своихъ цѣлей и которыя народъ также боготворилъ подъ видомъ особыхъ существъ, назвавъ ихъ именемъ *тенгриновъ*. Тенгрины представляютъ собою олицетвореніе небесныхъ явленій, силъ природы, стихій и человѣческихъ свойствъ.

Наряду съ этими благодѣтельными духами, которые, будучи добрыми по самой своей природѣ, ни въ коемъ случаѣ не возбуждаютъ къ себѣ страха и опасенія, есть еще духи злые, которые питаютъ всегдашнюю вражду не только къ людямъ, но и къ самому небу. Ихъ-то шаманисты болѣе всего боятся и стараются укрощать ихъ злобу и гнѣвъ жертвами и молитвами. Злые духи имѣютъ общее названіе *читкуровъ*.

Кромѣ тенгриновъ и читкуровъ, шаманисты поклоняются еще *онгонамъ*. Подъ этимъ именемъ разумѣются души умершихъ людей, которые и по смерти не прервали своихъ отношеній къ міру и продолжаютъ дѣйствовать то на пользу, то во вредъ живымъ людямъ. Онгономъ можетъ сдѣлаться не всякій, а только тотъ, кто въ этомъ мірѣ прославился какими-нибудь особо выдающимися дѣяніями, добрыми или злыми. Сообразно съ земною дѣятельностью, души дѣлаются или добрыми

или злыми онгонами. Первые и по смерти дѣлаютъ добро и приносятъ пользу людямъ. Души же злыхъ людей, по шаманскому вѣрованію, остаются въ „средишѣ“, т. е. онѣ не могутъ переселиться на тотъ свѣтъ и потому осуждены скитаться между тѣмъ и этимъ міромъ по поверхности земли, и это скитальчество ихъ можетъ продолжаться цѣлыя тысячелѣтія. И вотъ они, озлобленные своимъ тяжелымъ положеніемъ, всячески вредятъ человѣку -производятъ болѣзни, губятъ дѣтей, истребляютъ скотъ и т. п.

Посредникомъ между язычникомъ-шаманистомъ и духами, въ которыхъ онъ вѣруетъ, и совершителемъ всѣхъ религіозныхъ обрядовъ является *шаманъ*. Названіе это манджурское и буквально означаетъ человѣка „восторженнаго“, „изступленнаго“, каковыми дѣйствительно и являются шаманы.

Шаманъ не есть только жрецъ, совершитель обрядовъ. Обязанности его гораздо обширнѣе. Будучи жрецомъ, онъ въ то же время есть врачъ и гадатель, и это придаетъ ему особенно важное значеніе въ глазахъ послѣдователей шаманства.

Шаманское званіе дается или по наслѣдству, или по особому предрасположенію. Но какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ человѣкъ, принимающійся за шаманское ремесло, долженъ имѣть внутреннее призваніе къ нему и особое душевное настроеніе, которое называется *шаманъ*. Признаками такой настроенности духа считаются: частые обмороки, дичаніе, изступленіе и вообще характеръ мрачный, задумчивый и нелюдимый. Истинный шаманъ не самъ выбираетъ себѣ это званіе, а его принуждаетъ къ тому природное влеченіе, призваніе. Въ такомъ человѣкѣ уже съ малыхъ лѣтъ замѣчается какое-то тревожное, раздражительное расположеніе духа: онъ чувствуетъ грусть, отчужденіе отъ родства, наполняетъ родительскій домъ стенаніями и воплями, впадаетъ въ безпамятство, бѣгаетъ по лѣсамъ,

мечется въ огонь и воду, хватается за оружіе, колетъ себя, такъ что родственники на каждомъ шагу должны присматривать за нимъ. Такъ какъ всѣ эти свойства болѣзненнаго состоянія могутъ быть присущи какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, то и шаманами бываютъ и тѣ и другія.

Коль скоро замѣчено будетъ лицо, обладающее признаками и задатками, благопріятными для образованія изъ него шамана, родители или родственники приглашаютъ къ себѣ наиболѣе извѣстныхъ по своей опытности шамана или шаманку и при посредствѣ ихъ стараются умилостивить духовъ жертвами и моленіями, чтобы они помогли избранному удачно пройти приготовительный искусъ къ шаманскому служенію. Съ этою цѣлью избираютъ жертвенное животное и украшаютъ его разными привѣсками и цвѣтами. Потомъ совершается самый жертвенный обрядъ, состоящій въ томъ, что животное заживо отдается духамъ, подвергается мученіямъ и, наконецъ, убивается, причемъ голова не отдѣляется отъ туловища. Кожу животнаго вѣшаютъ на деревѣ въ жертву богамъ, мясо съѣдаютъ, а кости тщательно собираютъ и сжигаютъ.

Весь этотъ обрядъ есть только начало приготовленія къ шаманскому служенію. Самое же посвященіе отлагается на нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ готовящійся подъ руководствомъ своего наставника—стараго шамана изучаетъ не только служебный чинъ, но также разные способы врачеванія болѣзней и всякаго рода фокусы. Если ученикъ понятливъ и ловокъ, то онъ мало-по-малу пріучается къ ремеслу своего наставника. Въ противномъ случаѣ дается мѣсто заключенію, что духи чѣмъ-либо недовольны, и тогда родители или отказываются отъ дальнѣйшихъ хлопотъ или сдаютъ ученика на руки опытнѣйшаго шамана. Новый учитель восполняетъ упущенія, умножаетъ жертвы и молитвенныя воззванія къ духамъ и такимъ образомъ успѣваетъ

привести ученика къ желаемому совершенству. Только послѣ такого тщательнаго искуса готовящійся посвящается въ шаманы. Довольно оригинальная церемонія посвященія совершается при слѣдующей обстановкѣ: въ лѣсу выбираютъ такое мѣсто, гдѣ-бы березы представляли собою правильную аллею или же садятъ ее не въ дальнемъ разстояніи отъ улуса (селенія) такъ, чтобы на каждой сторонѣ находилось по девяти березъ; въ томъ числѣ двѣ, вѣнчающія собою аллею, должны быть значительной высоты, и имъ усвояются почетныя названія: „мать-дерево“, „отецъ-дерево“. Послѣ того, какъ всѣ эти деревья украсятъ мѣхами лѣсныхъ животныхъ (девяти породъ—отъ бѣлки до соболя), шаманъ, облекшись въ полный служебный нарядъ и надѣвъ такой же на своего ученика, беретъ его за руку и начинаетъ бѣгать съ нимъ вокругъ деревьевъ, дѣлая прыжки и напѣвая. Потомъ оба—учитель и ученикъ быстро взлѣзаютъ на вершины двухъ высокихъ березъ и становятся въ нарочито приготовленныхъ уступахъ, похожихъ на гнѣзда. И первый изъ нихъ, вращаясь во всѣ стороны на верхушкѣ дерева, возвѣщаетъ языкомъ оракула, что опредѣленные къ изученію таинствъ шаманизма годы протекли, жертвенные обряды исполнены, духи умилостивлены и при помощи ихъ такой-то (имя посвящаемаго) оказался вполнѣ способнымъ къ прохожденію многотруднаго шаманскаго служенія, почему и вводится въ права и обязанности шамана. Слова эти повторяютъ и всѣ присутствующіе шаманы, давая тѣмъ знать, что и они принимаютъ участіе въ дѣлѣ поставленія и утвержденія. Затѣмъ молодой шаманъ произноситъ гимнъ въ честь своего наставника, благодаритъ его и клятвенно обѣщается пребыть до конца жизни въ сыновнемъ послушаніи ему. Въ заключеніе всего раздаются привѣтственные клики, соединяемые съ гуломъ шаманскихъ бубновъ и сопровождаемые играми и пиршествомъ.

Во время совершенія своихъ обрядовъ шаманы одѣ-

ваются въ особую одежду. Одежду эту составляютъ: 1) *Орой*, т. е. плащъ или лучше—обыкновенная мѣховая шуба, на которой нашито много различныхъ украшеній. 2) Особаго рода *шапка*, состоящая изъ желѣзнаго убруча, къ которому сверху прикрѣплены два полуобруча накрестъ. 3) *Абаалдай*—маска или личина изъ кожи, дерева, или металла; ее расписываютъ, привѣшиваютъ къ ней огромную бороду и разныя украшенія; вообще маска имѣетъ видъ весьма уродливый и страшный. 4) *Сорби* или *шалдай*—такъ называемая конная трость, представляющая собою уродливое изображеніе лошади: на верхнемъ концѣ вырѣзана конская голова, въ серединѣ—колѣно, а внизу—копыто. 5) *Кене*—бубенъ: онъ состоитъ изъ обода овальной, а иногда совершенно круглой формы, обтянутаго кожей; внутри его утверждены двѣ поперечины, къ которымъ привѣшаны колокольчики, погремушки, ленточки и пр. 6) *Томи*—довольно большой металлическій медальонъ съ изображеніемъ 12 живот-

ныхъ; его носятъ на груди или нашиваютъ на шаманскій плащъ. Всѣ эти шаманскія одежды и принадлежности имѣютъ своимъ назначеніемъ произвести прежде всего сильное впечатлѣніе на зрителей; и дѣйствительно, крайне своеобразная фигура, придаваемая шаману его украшеніями, затѣмъ звукъ колокольчиковъ, разныхъ привѣсокъ и погремушекъ, во множествѣ находящихся на этихъ украшеніяхъ, потрясающимъ образомъ дѣйствуютъ на присутствующихъ и приводятъ ихъ въ извѣстное настроеніе, благопріятное для шамана. Далѣе, всѣ принадлежности шамана имѣютъ свой опредѣленный смыслъ—по большей части таинственнаго характера; напр., конныя трости изображаютъ воздушныхъ коней, которые переносятъ шамана въ страну духовъ; медальонъ, надѣваемый шаманомъ, есть символъ всѣхъ силъ и стихій міра горняго и земного и т. п.

Особыхъ зданій въ родѣ капищъ или храмовъ, въ которыхъ-бы совершались религіозные обряды, у шама-

пистовъ нѣтъ. Обыкновенно мѣстомъ шаманскихъ моленій и жертвоприношеній служатъ такъ называемые *обо* или жертвенники, которые устраиваетъ каждый родъ въ своемъ владѣніи, по указанію шамана. Обо дѣлается по большей части вблизи проѣзжей дороги для того, чтобы каждый проѣзжающій могъ положить на него въ жертву богамъ какую-нибудь вещь,—напр., тряпочку, нитку, даже волосъ изъ гривы своего коня для пріобрѣтенія ихъ благоволенія и покровительства въ предстоящемъ путешествіи.

У послѣдователей шаманизма существуютъ общественные праздники и жертвоприношенія, которые отправляются въ извѣстное время года цѣлымъ улусомъ или родомъ сообща. Такія жертвоприношенія по-бурятски называются *тайлаганами* и обычно справляются три раза въ годъ: весною, лѣтомъ и въ началѣ осени. Вотъ, напр., какъ описываетъ лѣтній тайлаганъ бурятъ-шаманистовъ Аларскаго вѣдомства (Иркутской губерніи) одинъ мистеперъ.

Въ опредѣленный день съ ранняго утра все народонаселеніе улуса, за исключеніемъ замужнихъ женщинъ, устремилось къ назначенному для тайлагана мѣсту. День былъ ясный и жаркій. Легкій вѣтерокъ перегонялъ по небу бѣловатыя разрозненныя облачки, которыя на минуту закрывали солнце и опять уносились въ невѣдомую даль. Степь пестрѣла народомъ, отдѣльныя группы бурятъ рисовались точно узоры на коврѣ, шумъ и говоръ оживляли картину. Семейства расположились отдѣльными группами на войлокахъ. Передъ каждымъ семействомъ была воткнута березка, впереди которой разставлена посуда съ припасами: тарасупомъ, арсой и молокомъ. Тайлаганомъ распоряжался нарочно избранный *убугунъ* (старикъ). Онъ распредѣлялъ съѣстные припасы, указывалъ мѣста для разведенія жертвенныхъ огней, назначалъ лицъ, которыя должны были рѣзать жертвенныхъ животныхъ и т. д. На югѣ

отъ табора было поставлено 9 березъ, а около главнаго жертвеннаго огня—*залама*, т. е. двѣ небольшія березки, соединенныя шнурами. Каждый домохозяинъ, прибывшій на праздникъ, подходилъ къ заламѣ, бросалъ въ огонь верескъ или пихтовую кору, окуривалъ дымомъ принесенную съ тарасуномъ посуду и, привѣсивъ къ заламѣ два разноцвѣтныхъ коленкоровыхъ лоскутка, уходилъ на свое мѣсто. Нѣсколько вправо отъ заламы стояла обреченная на жертву лошадь, а влѣво шесть молодыхъ бурятъ держали за рога по барану, приготовленному для той же цѣли.

Жертвоприношеніе началось возліяніемъ тарасуна и молока. На этотъ разъ тайлаганъ происходилъ безъ шамана. Поэтому изъ толпы отдѣлились шесть убугуновъ съ чашками въ рукахъ, наполненными тарасуномъ и молокомъ, стали въ рядъ и, обратившись лицомъ къ югу, запѣли воззваніе батюшкѣ *Буха-ноену* („господину быку“, который, по вѣрованію бурятъ-шаманистовъ, есть одна изъ формъ воплощенія божества). Призываніе это, въ которомъ описываются различныя качества Буха-ноена, повторялось съ разными измѣненіями три раза. Съ послѣднимъ восклицаніемъ убугуны бросили чашки вверхъ, наблюдая при этомъ, какъ онѣ упадутъ: если чашка станетъ на дно, то это къ благополучію, а если опрокинется вверхъ дномъ, то къ несчастію.

Послѣ возліянія приступили къ убою обреченныхъ въ жертву животныхъ. Начали съ лошади. Окропивъ ее предварительно молокомъ, привязали къ ея переднимъ и заднимъ ногамъ веревки и, потянувши ихъ въ противоположныя стороны, свалили животное спиною внизъ. Рѣзакъ острымъ ножемъ тотчасъ же сдѣлалъ продолговатый разрѣзъ по грудной полости и, запустивъ въ нее руку, вырвалъ сердце. Та же операція исполнена была и надъ баранами. Въ нѣсколько минутъ животныя были разрѣзаны на части, причемъ для сохраненія мозга кости не разрубались топоромъ, а

при помощи ножа отдѣлялись одна отъ другой по суставамъ. Мясо раскладывалось въ отдѣльныя кучи и поступало въ распоряженіе поваровъ, которые клали его въ котлы и варили немытымъ, потому что, какъ говорятъ буряты, „чрезъ русскую глупую чистоту теряется вкусъ мясного“. Когда мясо сварилось, его вынули изъ котловъ и стали дѣлить на равныя части, причемъ въ дѣлежѣ соблюдалась строгая справедливость. Получивши слѣдуемую часть, каждый домохозяинъ складывалъ ее въ деревянное корытце и относилъ на свой войлокъ—къ своей семьѣ или артели. Убугунъ, распоряжавшійся тайлаганомъ, также взялъ свое корыто съ мясомъ и, качая его въ воздухѣ надъ главнымъ жертвеннымъ огнемъ, вслухъ всего народа произнесъ слѣдующее воззваніе: „Съ юго-западной стороны золотое счастье приди! съ китайской стороны удовольствіе въ пищѣ приди! съ тибетской стороны духовное удовольствіе приди, приди!“ Потомъ, обратившись къ народной толпѣ, громко воскликнулъ: „Черноголовый народъ, здравствуйте темноволосые люди, всѣ здравствуйте!“ Какъ бы въ отвѣтъ на это привѣтствіе, каждый домохозяинъ, качая своимъ корытомъ надъ жертвеннымъ огнемъ, крикнулъ: „Да будутъ волки безъ зубовъ, камни тупыми, а телята жирны!“

Вслѣдъ за этою обрядностью началось, можно сказать, настоящее обжорство. Въ воздухѣ разнесся запахъ араки (водки). Пирующіе съ алчностью пожирали полусваренное мясо, ловко отрѣзая ножомъ мелкіе кусочки около самаго рта. За мясомъ слѣдовали въ видѣ десерта начиненныя кровью кишки. Шумъ и говоръ ежеминутно увеличивались. Круговая чашка араки, туманя головы пирующихъ, довершала блаженство. Отрывистыя рѣчи перешли въ общій говоръ и крикъ, по временамъ слышалась крутая русская брань, изъ отдаленныхъ кружковъ доносились звуки заунывной пѣсни.

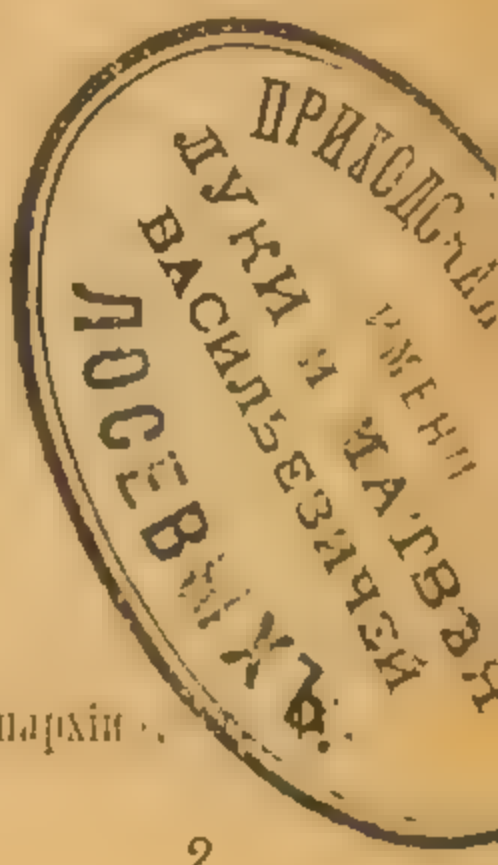
Покончивъ съ пиромъ, буряты собрали всѣ кости и

сожгли ихъ на жертвенномъ огнѣ. Этимъ и заключено было празднованіе тайлагана *).

Кромѣ общественныхъ праздниковъ и жертвоприношеній, у шаманистовъ есть много и частныхъ, которые они совершаютъ по разнымъ случаямъ своей жизни. Изъ нихъ самое обыкновенное и чаще всего совершаемое жертвоприношеніе—это *барисa*. Она приносится и дома и въ полѣ и не требуетъ никакихъ особыхъ приготовленій. Случится, напримѣръ, шаманисту проходить или проѣзжать мимо какого-либо почитаемаго мѣста, онъ непремѣнно приноситъ барису: привязываетъ къ дереву какой-либо лоскутокъ, брызжетъ вино или кумысъ, бросаетъ мелкую монету и т. п.

Въ важныхъ случаяхъ барисa совершается при торжественной обстановкѣ, и тогда уже непремѣнно приглашается шаманъ. Жертва эта приносится въ юртѣ. Къ четыремъ сторонамъ юрты привязываются березки, а подлѣ огня ставятъ тарасунъ и кадку со сметаной, въ которую опущена стрѣла, увѣшанная разными привѣсками и лоскутками. Въ юртѣ наступаетъ мертвая тишина; всѣ сидятъ на своихъ мѣстахъ, поджавши подъ себя ноги. Шаманъ зажигаетъ пихтовую кору, окуривается самъ, кадитъ тарасунъ и сметану и, наливши чашку тарасуну, заводитъ на распѣвъ слѣдующее обращеніе къ духамъ:

Владѣющіе эхомъ высокой горы,
Держащіе вѣтеръ широкаго моря,
Цари мои живущіе на горахъ,
Божества мои сидящія на муравищахъ!
Въ бѣдахъ вы наша опора,
Въ скудные годы являетесь милостивы.
Когда мы сидимъ въ юртахъ,
Вы не опасны для насъ.
Когда находимся въ пути,
Нѣтъ препятствій отъ васъ.



*) «Труды православныхъ миссій Иркутской епархіи». стр. 570—574.

Окончивши воззваніе, шаманъ плещетъ изъ чашки вверхъ. Призываніе съ возліяніемъ повторяется три раза. Затѣмъ шаманъ дѣлаетъ изъ чашки глотокъ и передаетъ ее хозяину. Въ заключеніе слѣдуетъ угощеніе для всѣхъ присутствующихъ.

Изъ семейныхъ обрядовъ и жертвоприношеній шаманистовъ заслуживаютъ вниманія тѣ, которыми сопровождается рожденіе и смерть человѣка.

Рожденіе въ семьѣ дитяти и нареченіе ему имени сопровождается домашнимъ праздникомъ и обычными жертвами. Но если опасаются за здоровье и жизнь ребенка, то приглашаютъ шамана. И онъ, совершивши возліяніе, ставитъ въ юртѣ на почетномъ мѣстѣ свой абагалдей, т. е. уродливую личину или маску. До тѣхъ поръ, пока абагалдей находится въ юртѣ, его чествуютъ и умащаютъ; а долгъ шамана—навѣдываться о здоровьѣ ребенка и исправлять при немъ обязанности жреца и врача. Когда дитя благополучно достигнетъ однолѣтняго возраста, абагалдей берется назадъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ для шамана устрояется большой пиръ: ему дается конь, одежда и, что всего важнѣе, почетный титулъ *найдыми*, т. е. благонадежнаго. Въ бѣдныхъ семействахъ, во избѣжаніе значительныхъ расходовъ на шамана, абагалдей замѣняется изображеніями онгоновъ, которые развѣшиваются по стѣнамъ юрты въ войлочныхъ сумочкахъ.

При заключеніи браковъ шаманская религія проявляется въ поклоненіи огню. Невѣста подъ покрываломъ вводится въ юрту, принадлежащую женихову отцу и, переступивъ черезъ порогъ, становится вмѣстѣ съ двумя провожающими ее подругами предъ огнемъ на колѣни. Шаманъ произноситъ молитвенныя воззванія и благожеланія, на которыя невѣста отвѣчаетъ земными поклонами. Послѣ этого она сперва кланяется домашнимъ богамъ и приноситъ имъ чрезъ посредство тысяцкаго (распорядителя свадебной церемоніи) нѣкото-

рыя мелкія вѣщицы. Потомъ кланяется огню и бросаетъ въ него въ видѣ жертвы кусокъ барапьяго жиру; тысяцкій же украшаетъ лентами треножникъ, стоящій надъ огнемъ, и тѣмъ воздаетъ должную честь священной стихіи огня. Далѣе слѣдуетъ длинный рядъ поклоновъ родственникамъ и знакомымъ и раздача подарковъ. Шаманъ же во все это время читаетъ на распѣвъ молитвы и воззванія богамъ. Наконецъ, подруги уводятъ невѣсту въ женихову юрту. Несложны, такимъ образомъ,свадебныя религіозныя церемоніи шаманистовъ. Да это и понятно: по взгляду послѣднихъ, бракъ есть почти исключительно гражданская или лучше житейская сдѣлка, причемъ главную роль играетъ *калымъ*, т. е. выкупъ, вносимый женихомъ отцу или роднымъ невѣсты. Когда договоръ о калымѣ кончепъ, и калымъ внесенъ исправно, вопросъ о бракѣ считается рѣшеннымъ, и женихъ тотчасъ же вступаетъ въ права мужа.

Погребальные обряды шаманистовъ отличаются въ высшей степени мрачнымъ характеромъ. Никто не смѣетъ сказать отправляющемуся въ вѣчность слово утѣшенія, такъ какъ всѣ убѣждены, что умирающій идетъ въ царство тьмы, въ страну нуждъ и лишеній. Въ силу такого убѣжденія покойника надѣляютъ пищею, одеждою, оружіемъ и т. п. И все это при мертвенномъ безмолвіи или же при завываніи шамана кладется въ могилу. Покойникамъ дается въ могилѣ большею частью сидячее положеніе. Но шаманисты не охотно хоронятъ своихъ умершихъ въ могилахъ. По древнему шаманскому обычаю, трупы умершихъ должны быть оставляемы на поверхности земли. Поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаютъ особой формы ящики, въ которые кладутъ трупы, и ставятъ ихъ на подмосткахъ въ лѣсахъ и дебряхъ.

Шамановъ и шаманокъ, во вниманіе къ ихъ религіозному значенію, погребаютъ на горахъ и утесахъ, которые особенно чтутся шаманистами, причемъ поль-

зуются или натуральными пещерами или складываютъ ихъ изъ камней. Усадивъ въ такую пещеру шамана во всемъ его парадномъ облаченіи, входъ въ нее закладываютъ наглухо, оставляя только небольшое отверстіе, чрезъ которое можно видѣть фигуру шамана. Затѣмъ неподалеку отъ пещеры протягиваютъ отъ одного дерева къ другому веревку и вѣшаютъ на неё бубенъ, лукъ, котелъ и другіе предметы, бывшіе въ употребленіи у покойника. Послѣ этого вокругъ могилы обводятъ принадлежавшаго шаману копя и убиваютъ его, иногда же отпускаютъ на волю; тогда онъ считается собственностью духовъ.

Очень важную сторону дѣятельности шамановъ составляетъ лѣченіе всякаго рода недуговъ и болѣзней. По шаманскому вѣрованію, причина всѣхъ человѣческихъ бѣдствій, и особенно же болѣзней и смерти—злые духи; и только шаманамъ извѣстны средства, которыми можно изгнать этихъ духовъ изъ больныхъ, умилостивить ихъ и вообще отвести отъ человѣка всякую бѣду и напасть. Такими средствами являются различные обряды и жертвы, совершаемые шаманами при разныхъ болѣзняхъ. Обряды эти весьма многочисленны и разнообразны. Мы остановимся на описаніи одного изъ нихъ, извѣстнаго подъ названіемъ *кырыка*.

Онъ совершается такъ. На дворѣ, близъ юрты больного, устраиваютъ костеръ и зажигаютъ его. Затѣмъ приводятъ барана, назначеннаго для жертвы, приносятъ вина, сметаны и прочихъ припасовъ для угощенія. Кырыкъ обыкновенно устраивается при большомъ стеченіи народа. Если больной не слишкомъ слабъ, то и его выводятъ на дворъ и сажаютъ около огня. Когда все готово и соберется много народу, приходитъ шаманъ, беретъ въ правую руку небольшую деревянную чашку, зачерпываетъ ею вина и, ставъ лицомъ къ огню, провозглашаетъ различныя заклинанія. Во время заклинаній онъ качается изъ стороны въ сторону, то прибли-

ясь къ огню, то удаляясь отъ него; часто хватаетъ себя за голову и по временамъ, брызгая въ огонь виномъ изъ чашки, называетъ имя больного. Чѣмъ дальше продолжается кырыкъ, тѣмъ болѣе шаманъ приходитъ въ изступленіе: черты лица его измѣняются, всѣ члены трясутся, голосъ становится дикъ и ужасенъ и далеко разносится по окрестностямъ. Въ заключеніе онъ подбѣгаетъ къ огню и, какъ будто изгоняя изъ него кого-то трясетъ головою и съ пронзительнымъ нечеловѣческимъ крикомъ падаетъ всѣмъ тѣломъ назадъ. Когда затѣмъ шаманъ придетъ нѣсколько въ себя, то беретъ немного эметапы и мажетъ ею барана; народъ тотчасъ убиваетъ животное, разрѣзываетъ на части и варитъ въ котлѣ. Между тѣмъ шаманъ садится на землю, пьетъ вино, даетъ выпить больному, затѣмъ угощаются и всѣ присутствующіе. Когда мясо сварится, шаманъ, бросивъ нѣсколько кусковъ въ огонь, ѣстъ самъ, даетъ больному и всѣмъ гостямъ. По окончаніи пира, кости принесеннаго въ жертву барана сжигаются, а шаманъ, взявъ шкуру животнаго и деньги за трудъ, уѣзжаетъ домой.

Кромѣ врачеванія болѣзней, шаманы занимаются еще предсказаніемъ будущаго. Способы и пріемы гаданія очень разнообразны. Гадаютъ, напримѣръ, съ кольцомъ или монетою: шаманъ беретъ одинъ изъ этихъ предметовъ, кладетъ его на ладонь вопрошающаго и, подвигая въ разныя стороны, предсказываетъ будущее. Затѣмъ гадаютъ посредствомъ бубна: на него кладутъ кольцо-указатель и ударомъ колотушки по бубну приводятъ кольцо въ движеніе; оно переходитъ отъ одного изображенія на бубнѣ къ другому и показываетъ, что желательно узнать. Весьма употребительно такое гаданье по лопаткѣ барана, принесеннаго въ жертву: лопатку бросаютъ въ огонь и, когда она обуглится и дастъ трещины, вынимаютъ изъ огня и по расположенію послѣднихъ шаманъ предсказываетъ будущее.

Вотъ и всѣ существенные пункты шаманской религіи. Не трудно видѣть, какою массою суевѣрій опутывается вся жизнь шаманиста-язычника, какимъ безсильнымъ онъ является самъ по себѣ во всѣхъ даже самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ своей жизни и какая открывается здѣсь благопріятная почва для злоупотребленій со стороны шамановъ. Шаманъ въ глазахъ наивнаго и суевѣрнаго язычника является великимъ существомъ и служитъ посредникомъ между міромъ духовъ и людьми: онъ владѣетъ различными таинственными средствами въ родѣ обрядовъ, заклинаній и т. п., которыми можетъ привлекать къ человѣку и благоволеніе и гнѣвъ духовъ. Словомъ вся жизнь и благополучіе язычника—въ рукахъ шамана.

Другое распространенное между инородцами Сибири вѣроученіе есть, какъ мы уже сказали выше, *ламаизмъ*. Оно представляетъ собою извращеніе древне-индійской религіи—буддизма.

Основателемъ ламаизма былъ *Шакьямуни*, сынъ одного раджи (князя), управлявшаго областью Мунке или Джангаръ, лежащею при источникахъ рѣки Ганга. До 29 лѣтъ своей жизни онъ утопалъ въ невообразимой роскоши: одно преданіе говоритъ, что у него было до 84 тысячъ женъ. Наконецъ, ему все опротивѣло; но онъ не переставалъ думать, что есть еще удовольствія, не испытанныя имъ. И вотъ, побуждаемый внутреннимъ голосомъ, Шакьямуни сталъ призадумываться надъ вопросомъ о смыслѣ человѣческой жизни и пришелъ къ той мысли, что всѣ земныя удовольствія должны быть отвергнуты человѣкомъ, такъ какъ они наводятъ скуку, причиняютъ болѣзни, приближаютъ къ старости и подвергаютъ преждевременной смерти. Подъ вліяніемъ этой мысли онъ оставилъ дворецъ своего отца и удалился въ пустыню. Занявшись здѣсь размышленіемъ и чтеніемъ таинственныхъ книгъ, Шакьямуни окончательно убѣдился въ томъ, что истинное удовольствіе и поскон-

чаемое наслажденіе человѣка состоитъ въ добродѣтельной жизни и что духовныя наслажденія выше всѣхъ удовольствій плотскихъ. Пришедши къ такому положенію, онъ рѣшился сообщить его людямъ и потому перевелъ буддійскія священныя книги съ „таинственнаго“ языка на употребительный и началъ проповѣдывать содержащееся въ нихъ ученіе. Пріобрѣвъ себѣ многихъ послѣдователей, Шакьямуни скончался за 2134 года до Рождества Христова и, по прошествіи нѣкотораго времени, былъ признанъ ими за бога, покровителя нынѣшняго міра.

Ламайство представляетъ собою религію въ высшей степени безотрадную. Достаточно изложить хотя главные пункты этой религіозной системы, чтобы убѣдиться въ сказанномъ. Начнемъ съ ученія о мірозданіи.

По вѣрованію ламантовъ, міръ произошелъ изъ хаоса. Отъ движенія вѣтровъ образовалось облако, изъ котораго пошелъ дождь до того проливной, что составилось цѣлое море. Настала тишина, и на поверхности воды начала формироваться, какъ на молокѣ, пѣна, твердь. Изъ тверди образовалась высочайшая гора *Сумберъ*. Она состоитъ изъ четырехъ видовъ вещества: одна сторона у нея золотая, другая серебряная, третья изъ краснаго камня, а четвертая изъ синяго. Гора эта возвышается отъ воды на 560 верстъ и настолько же углубляется въ море. Она раздѣлена на четыре уступа, гдѣ обитаютъ духи различныхъ степеней: внизу менѣе совершенные, а вверху болѣе совершенные: на вершинѣ же горы утвержденъ престолъ, на которомъ возсѣдаетъ Шакьямуни и созерцаетъ всѣ дѣла человѣческія. Въ подводной части горы расположены мѣста мученій, и чѣмъ глубже мѣста, тѣмъ мученіе ужаснѣе. Къ горѣ Сумберъ прилегаетъ четыре великихъ міра: сѣверный, южный, восточный и западный. У каждаго изъ этихъ міровъ есть свои спутники — по два малыхъ міра: такимъ образомъ всѣхъ міровъ считается двѣнадцать. На каждомъ изъ

нихъ обитаютъ особаго рода существа. Четыре великихъ міра раздѣлены между собою четырьмя обширнѣйшими морями: восточное имѣетъ бѣлый цвѣтъ, южное—синій, западное — красный, сѣверное — желтый. Окружность всего мірового пространства составляетъ 29.400,000 верстъ.

Какъ образовавшіеся во времени, міры будутъ имѣть и конецъ: разрушеніе ихъ произойдетъ отъ огня, который ниспадетъ съ неба въ видѣ семи солнечныхъ планетъ. Но такъ какъ сотвореніе міровъ происходило нѣсколько разъ, то и разрушеніе ихъ будетъ не послѣднее. Міры будутъ создаваться и разрушаться въ теченіе всей вѣчности, а обладающіе ими боги—смѣняться по очереди. Теперь вселенною управляетъ Шакьямуни: а когда она разрушится и вновь будетъ создана, тогда ею станетъ владѣть *Майтри*, существующій нынѣ въ тѣлѣ тибетскаго далай-ламы. Предъ кончиною нынѣшняго міра Шакьямуни опять придетъ на землю для исправленія даннаго имъ закона, испорченнаго людьми.

О происхожденіи человѣка ламаиты разсказываютъ такъ: за нѣсколько тысячъ лѣтъ до появленія рода человѣческаго на небѣ обитали могущественные духи, которые силою одной воли могли производить подобныхъ себѣ существъ. Но, утративъ свою чистоту, эти небожители были переселены на землю. Не смотря однако-жъ на это, они были настолько духовны, что питались эѳиромъ, летали по воздуху и испускали изъ себя сіяніе, которое замѣняло собою свѣтъ солнца и луны (этихъ свѣтилъ тогда еще не было). Переселеніе на землю падшіе духи считали временнымъ наказаніемъ и надѣялись получить прощеніе; оно, дѣйствительно, и было обѣщано имъ подъ условіемъ соблюденія нѣкоторыхъ заповѣдей. Между тѣмъ одинъ изъ духовъ нашелъ запрещенный плодъ, называемый *земнымъ масломъ*: сперва попробовалъ его самъ, а потомъ склонилъ къ тому и прочихъ духовъ. За нарушеніе этой заповѣди духи лишились эѳирной пищи, способности летать и собственнаго свѣта; тогда-то,

по волѣ могущественной судьбы, созданы были для освѣщенія вселенной солнце, луна и звѣзды. Спустя нѣсколько вѣковъ другой духъ нашелъ сѣверное растеніе *ой*, отвѣдалъ его и накормилъ прочихъ духовъ. Слѣдствіемъ этого было раздѣленіе половъ и вмѣстѣ съ тѣмъ взаимное стремленіе ихъ другъ къ другу: духи перестали уже размножаться силою воли, какъ было прежде.— Наконецъ, по прошествіи еще нѣсколькихъ вѣковъ, одинъ изъ недостойныхъ духовъ нашелъ плодъ *салу* и ввелъ его въ употребленіе. Вслѣдствіе этого бывшіе обитатели горняго міра лишились пищи, которая до сихъ поръ была посылаема имъ съ неба, и стали питаться салою. Случилось, что одинъ духъ собралъ салы въ запасъ для будущаго дня и такимъ образомъ произвелъ грѣхъ любостяжанія, вслѣдствіе котораго сала исчезла. Тогда духи принялись воздѣлывать землю и питаться въ потѣ лица пріобрѣтенною пищею, причемъ, естественно, начались споры о земляхъ, а потомъ и драки: отъ неравнаго урожая плодовъ произошла зависть, а эта послѣдняя повела къ убійствамъ и войнамъ.

Когда пороки возрасли до такой степени, что ссоры и драки были повсюду, на землѣ явился невѣдомый духъ, обладавшій необыкновеннымъ умомъ, кроткимъ сердцемъ и всѣми качествами добродѣтельной жизни. Чтобы прекратить споръ о земляхъ, онъ раздѣлилъ ихъ по равной части на каждаго и клятвенно обязалъ всѣхъ не нарушать его установленія. Духи въ знакъ общаго уваженія къ нему обѣщались добровольно повиноваться ему и всѣ единодушно признали его царемъ. Съ этого именно времени они и стали называться людьми.

Догматическое ученіе ламаитовъ допускаетъ милліоны боговъ, полубоговъ и геніевъ. Самыми высшими изъ нихъ считаются такъ называемые боги вѣнца: *Абиди*, *Амога-сиди*, *Бирюзана*, *Очир-садова* и *Радна самбоба*. Хотя вся эта пятерица пользуется предметомъ величайшаго благоговѣнія у ламаитовъ, тѣмъ не менѣе первенство при-

знается за Абидою. „Какъ свѣтъ огня, говорится у нихъ, тысячами подобныхъ свѣтовъ отражается въ кристалахъ водъ, такъ существо Абиды, при единичности божеской натуры, способно проявлять себя въ безконечномъ множествѣ своихъ *арбиланов* (геніевъ), не измѣняя тождеству, а тѣмъ болѣе не нарушая своего покоя“ *).

За богами вѣнца слѣдуютъ міроправители и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые уже приходили и правили вселенною въ опредѣленныя эпохи. Рядъ такихъ міроправителей завершаетъ собою нынѣ царствующій Шакьямуни.

Далѣе ламайская мивологія даетъ мѣсто такимъ богамъ, которые хотя и могущественны, но не близки къ человѣку, и болѣе грозны, чѣмъ милостивы. Главнѣйшій изъ этихъ боговъ—*Эрлик-хан* или *Чойджил*, распоряжающійся адомъ. Какъ только душа человѣка явится въ преисподнюю, онъ при помощи магическаго зеркала открываетъ всѣ ея дѣла и помышленія, послѣ чего сила неотвратимаго рока влечетъ эту душу, какъ ничтожную пылинку, въ опредѣленную ей сферу, и тамъ она начинаетъ ощущать послѣдствія прежней своей жизни и вступаетъ въ среду безконечныхъ превращеній.

Послѣдній разрядъ чтимыхъ ламаитами существъ—самый многочисленный. Сюда относятся духи всѣхъ міровъ и странъ всякаго рода и вида, лишь бы только они не были членами темнаго царства.

У послѣдователей ламайскаго идолослуженія есть свои нравственныя правила, мощную силу которымъ придаетъ вѣра въ безсмертіе человѣческой души. Но это безсмертіе понимается ими не въ смыслѣ вѣчнаго существованія души въ общеніи съ Богомъ или въ отчужденіи отъ Него, а въ смыслѣ безконечнаго ряда ея переселеній. Ламаиты вѣрятъ, что за добрыя дѣла душа,

*) Иером. архіеп. Ярославскій. «Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири», стр. 45.

по выходѣ изъ тѣла, или восходитъ на небо, или же переселяется въ тѣло болѣе знатнаго человѣка, напр., царя, вельможи и т. п.; за худыя дѣла она, напротивъ, нисходитъ въ адъ или переходитъ въ животное и тамъ пребываетъ до тѣхъ поръ, пока не очистится отъ грѣховъ, послѣ чего опять переселяется въ человѣческое тѣло. Въ силу такого вѣрованія ламанъ обязанъ не только не убивать животныхъ, но даже облегчать ихъ труды. Однако-жъ для употребляющихъ мясо есть свое оправданіе. „Мы ѣдимъ, говорятъ ламаиты, только тѣло, душа же безсмертна и переходитъ въ другую плоть“.

Отъ участи переселенія не свободны даже сами ламаïскіе боги; но для пребыванія ихъ на землѣ избраны тѣла особенно уважаемыхъ людей. Такъ, Шакьямуни постоянно пребываетъ въ тѣлѣ индійскаго раджи, управляющаго областью Мупкэ. Здѣсь само собою вызывается одно недоумѣніе. Выше сказано было, что Шакьямуни сидитъ на вершинѣ горы Сумберъ и наблюдаетъ за дѣлами всѣхъ смертныхъ; какимъ же образомъ онъ одновременно существуетъ и въ тѣлѣ индійскаго правителя? Противорѣчіе — очевидное, и остается только удивляться, какимъ образомъ люди могутъ увлекаться вѣрою, въ которой встрѣчаются подобнаго рода нелѣпости, и упорно держаться ея даже до сихъ поръ!

Всѣ признаваемые ламаитами законы мірозданія, догматы вѣры и правила нравственности содержатся въ священныхъ буддійскихъ книгахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Ганджур-Данджура*. Первоначальный языкъ этихъ книгъ—санскритскій, и только въ VIII вѣкѣ по Р. Х. онѣ переведены были на тибетскій языкъ. До тѣхъ поръ, пока сибирскіе ламаиты находились въ сношеніяхъ съ Тибетомъ, они понимали языкъ священныхъ буддійскихъ книгъ; но съ прекращеніемъ этихъ сношеній утратили всякое пониманіе его, такъ что въ настоящее время все религіозное познаніе послѣдователей ламаïскаго идолослуженія ограничивается однимъ

только безсмысленнымъ чтеніемъ тибетскихъ книгъ. Не имѣя такимъ образомъ возможности получить надлежащее понятіе о своей религіи, народъ долженъ вѣрить фантастическимъ, а часто даже и нелѣпымъ разсказамъ своихъ духовныхъ руководителей.

Духовенство послѣдователей Шакьямуни носитъ общее названіе *ламъ*. Это слово означаетъ „питающую мать“ и заключаетъ въ себѣ тотъ смыслъ, что каждый лама долженъ духовно воспитывать человѣка и тѣмъ приводить его къ достиженію вѣчнаго блаженства. Іерархическихъ степеней ламства весьма много. Первая, высшая степень между ламами есть *далай-лама*, вторая—*кутухта*; далѣе слѣдуетъ: *хамба-лама, ширетуй, гелунъ, гецулъ, баньди*. Обыкновенная одежда ламъ — длинный халатъ (для послѣдней степени—желтый, а для всѣхъ остальныхъ—красный), подпоясываемый кушакомъ. При отправленіи богослуженія высшіе ламы надѣваютъ плащъ и особаго вида шапку, перекидываютъ черезъ лѣвое плечо длинный поясъ и обвиваютъ его около рукъ.

Интересны обряды посвященія въ ламское достоинство. Дѣйствіе поставленія въ низшій іерархическій чинъ—баньди обыкновенно совершается въ юртѣ ширетуемъ и однимъ или двумя гелунами. Перекинувъ черезъ плечо длинный поясъ, ширетуй садится и вслухъ прочитываетъ исповѣданіе ламайской вѣры. По окончаніи чтенія посвящаемый подноситъ совершителю обряда умилостивительную жертву, отъ которой жрецъ беретъ нѣсколько зеренъ и въ знакъ приношенія богамъ бросаетъ ихъ въ воздухъ. Затѣмъ ставленникъ сдѣлавъ по три поклона кумирамъ, номамъ (книгамъ закона) и самому ширетую, становится на колѣни и выслушиваетъ обѣты, которые долженъ выполнять во все время своего служенія. Послѣ этого на него возлагается священный поясъ и остригается коса, нарочито оставленная для этого дѣйствія на макушкѣ головы при обритіи ея во время приготовленія къ принятію новаго

званія. Весь обрядъ посвященія оканчивается приношеніемъ благодарственной жертвы. Подобнымъ же образомъ совершается поставленіе и въ гецулы. Но дѣйствіе происходитъ уже въ капищѣ, и совершителемъ его бываетъ шпретуй при участіи четырехъ или пяти гелуновъ.

Особенно оригиналенъ обрядъ посвященія въ гелупы. Онъ совершается хамба-ламою съ сонмомъ прочихъ ламъ. Жрецы въ полныхъ облаченіяхъ усаживаются на своихъ мѣстахъ. Затѣмъ предъ первенствующимъ изъ нихъ кладутъ съ одной стороны колокольчикъ, чашу, жезлъ, бубенчикъ и пр., а съ другой—священныя одежды для готовящихся къ принятію гелунства. Посвящаемые разомъ выходятъ на капищную арену, хотя бы ихъ было нѣсколько десятковъ, и приносятъ умилостивительную жертву, послѣ чего снимаютъ съ себя рѣшительно всю одежду и въ такомъ видѣ дѣлаютъ по три поклона предъ идолами, ломами и первенствующимъ жрецомъ. Затѣмъ они облачаются въ священныя одежды, даютъ обѣты и приносятъ благодарственную жертву. Производство въ остальные чины ламства не сопровождается никакими обрядовыми дѣйствіями и обыкновенно ограничивается однимъ пожалованіемъ со стороны правительства.

Для совершенія богослуженія у ламаитовъ существуютъ капища, извѣстныя подъ именемъ *дацановъ*. Дацаны бываютъ каменные, деревянные и даже войлочные и обращены алтаремъ на сѣверъ, потому что тамъ, согласно ламайскому вѣрованію, находится гора Сумберь, гдѣ возсѣдаетъ Шакьямуни. Главный входъ съ запада; но въ большихъ капищахъ бываютъ еще входы съ юга и востока. Подъ Дацаномъ возвышается иногда особаго рода пристройка, въ которой хранятся идолы; на самомъ верху ставится изображеніе солнца въ молодой лунѣ. Внутри капища, на сѣверной сторонѣ, развѣшиваются изображенія боговъ, рисуемыя на китай-

ской бумагѣ. На полу, подъ картинами помѣщается жертвенникъ, на ступеняхъ котораго стоятъ небольшіе мѣдные идолы — бурханы; предъ каждымъ изъ нихъ ставится жертва, состоящая изъ деревянной или мѣдной чашки съ рожью, молокомъ, виномъ и т. п. Вдоль дацана расположены лавки, на которыхъ во время богослуженія сидятъ ламы, поджавъ подъ себя ноги; старшіе занимаютъ мѣста подлѣ самаго жертвенника.

Ламайское богослуженіе раздѣляется на общественное и домашнее. Общественное богослуженіе, извѣстное подъ названіемъ *хурала*, состоитъ въ чтеніи молитвъ, сопровождаемомъ музыкой. Музыка эта ужасна; она представляетъ собою нѣчто дикое и въ высшей степени непріятное. Достаточно назвать нѣсколько инструментовъ, чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этой музыкѣ. Одна труба называется *труба-корова* и по звуку вполнѣ соотвѣтствуетъ своему названію. Трубы *джуру* и *дулу*, по формѣ своей имѣющія нѣкоторое сходство съ птицами, напоминаютъ дикій птичій голосъ. Труба *тунгра* издаетъ звуки, подобные собачьему лаю. Затѣмъ слѣдуютъ металлическія тарелки, барабаны и много другихъ въ этомъ же родѣ инструментовъ. Въ общемъ ревъ трубъ, звонъ тазовъ, свистъ рожковъ оглушаютъ молящихся, и остается только удивляться, какъ ихъ нервы выносятъ такіе потрясающіе и дикіе звуки. По окончаніи музыки начинается чтеніе молитвъ одновременно всѣми ламами или пѣніе речитативомъ. При каждомъ знаменательномъ мѣстѣ молитвы производится звонъ колокольчика, находящагося въ рукахъ главнаго ламы. По временамъ лама складываетъ руки, прижимая одну ладонь къ другой, и съ благоговѣніемъ склоняетъ голову къ рукамъ. Такое богослуженіе совершается ежемѣсячно въ 15-й день по рожденіи луны; сверхъ того, бываетъ служба 8-го и 30-го чиселъ каждаго мѣсяца.

Домашнее богослуженіе ламаитовъ состоитъ въ по-

клопахъ и произношеніи таинственныхъ словъ: *ум-мани-падме-хунъ*, которыя въ переводѣ на русскій языкъ означаютъ: „поклоняюсь премудрости, красотѣ и любви". Ламаиты держатся очень высокаго мнѣнія относительно этой молитвы, думая, что кто въ теченіе своей жизни прочтетъ ее 100 милл. разъ, тотъ непремѣнно получитъ вѣчное блаженство. Они читаютъ ум-мани по четкамъ, въ которыхъ бываетъ 27 или 108 шариковъ (эти числа имѣютъ свой таинственный смыслъ). Во время молитвы обыкновенно ходятъ, сидятъ, говорятъ и т. п.; важность въ томъ, лишь бы только прочитать извѣстное количество разъ ум-мани. Для избѣжанія скучнаго и утомительнаго труда повторенія однихъ и тѣхъ же словъ ламаиты придумали облегченіе, при которомъ легко можно получить вѣчное блаженство. Нѣсколько тысячъ клочковъ бумаги, исписанныхъ молитвою ум-мани, кладутъ въ деревянную бочку, сквозь которую проходитъ ось, утвержденная на козлахъ. Къ одному изъ концовъ оси прикрѣпляется колѣно, къ которому привязывается снурокъ. Поддерживая этотъ послѣдній, заставляютъ бочку вертѣться. Ламаитъ думаетъ, что, повернувши бочку, онъ произнесъ таинственное ум-мани столько разъ, сколько написано оно на бумагѣ. Трудъ можно облегчить еще болѣе, если къ бочкѣ придѣлать крылья вѣтряной мельницы. Ламаиты, дѣйствительно, и ставятъ подобные вѣтряки около своихъ юртъ, предоставляя такимъ образомъ вѣтру исполнять ихъ религіозныя обязанности. У нашихъ забайкальскихъ бурятъ-ламаитовъ на берегу рѣки Оны, при большомъ каменномъ дацанѣ, устроена огромная бочка, въ которую положено 100 милл. ум-мани, писанныхъ на тонкой китайской бумагѣ. Стоитъ такимъ образомъ только одинъ разъ повернуть бочку,— и вѣчное блаженство пріобрѣтено.

Изъ семейныхъ религіозно-обрядовыхъ дѣйствій заслуживаютъ вниманія тѣ, которыми сопровождается рожденіе, бракъ и погребеніе. Всѣ они направлены, по-

видимому, къ тому, чтобы руководить состояніею въ распоряженіи ламъ душею человѣка, а на самомъ дѣлѣ — чтобы служить средствомъ къ обогащенію самихъ ламъ.

Въ третій день по рожденіи дитяти совершается *милапюръ*. Онъ состоитъ въ томъ, что лама раскрываетъ книгу *Джурхейн-лите* и по ней старается опредѣлить условія стихій и созвѣздій, могущія вліять на судьбу человѣка. Опредѣливъ ихъ, лама торжественно провозглашаетъ, что по непложному указанію Джурхейн-лите, рожденіе дитяти послѣдовало (примѣрно говоря): въ стихіи огня, подъ краснымъ знакомъ, въ годъ тигра, въ мѣсяцъ овцы, въ день вепря, въ часъ дракона, въ сороковомъ отдѣлѣ сутокъ, подъ вліяніемъ десятой звѣзды и потому новорожденному усвояется имя Демберель. Заканчивается обрядъ чтеніемъ молитвъ и заклинаній по книгѣ пяти боговъ хранителей.

При заключеніи браковъ обращаютъ вниманіе сколько на родство, столько же на условія стихій и созвѣздій, подъ вліяніемъ которыхъ родились женихъ и невѣста. И если окажется, что эти условія взаимно противоположны (если, напр., одно лицо родилось подъ стихіей огня, а другое—подъ стихіей воды), то такія лица признаются немогущими сочувствовать другъ другу, и потому бракъ между ними воспрещается. Впрочемъ, рѣшительные отказы бываютъ рѣдко: въ неблагопріятныхъ случаяхъ ламы находятъ средства къ умилостивленію враждебныхъ духовъ и къ примиренію противоположныхъ стихій. По устраненіи этихъ религіозныхъ препятствій, приступаютъ къ формальнымъ переговорамъ, сущность которыхъ всегда заключается въ вопросѣ о калымѣ. За уплатою этого послѣдняго слѣдуетъ самый свадебный обрядъ, состоящій въ поклоненіи огню и совершаемый точно такъ же, какъ и у послѣдователей шаманства.

Различные обряды, соблюдаемые при погребеніи умершихъ, извѣстны подъ общимъ названіемъ *проводы души*.

Вотъ главные моменты этого религіознаго дѣйствія. Омывать покойника не дозволяется, но вмѣняется въ обязанность одѣть его въ чистую одежду, закрыть лицо и положить на правый бокъ такъ, чтобы одна рука была подъ головой, а другая—на бедрѣ; лѣвая нога должна быть нѣсколько согнута. Уложивъ такимъ образомъ покойника, зажигаютъ предъ бурханами свѣчи и начинаютъ читать молитвенную книгу *Ганжо*. Въ день похоронъ къ юртѣ подводятъ осѣдланнаго коня и ставятъ съ лѣвой стороны у двери. Этимъ символическимъ дѣйствіемъ даютъ знать, что насталъ часъ разлуки съ покойникомъ, и тутъ же приступаютъ къ отпѣванію. По окончаніи послѣдняго, нарочито избираемый человѣкъ дотрогивается до покойника иногда рукою, а иногда стрѣлою или другимъ какимъ либо орудіемъ. Потомъ всѣ выходятъ изъ юрты и садятся на лошадей; покойника же кладутъ на телегу или (зимой) на сани. Прибывъ на мѣсто, назначенное для погребенія, разстилаютъ на землѣ бѣлый войлокъ, на которомъ раскладываютъ жертвенные сосуды съ сѣменами и молокомъ. Затѣмъ совершается выкупъ земли, который обходится ламамъ очень дорого: богатые платятъ ламамъ до 80 головъ скота, а бѣдные до 20. Послѣ выкупа жрецы приступаютъ къ обрѣзу земли. Каждый изъ нихъ, обходя три раза вокругъ войлока, проводитъ борозду по землѣ. Въ это время жертвенныя принадлежности разсыпаются и разливаются во всѣ стороны. По окончаніи обрѣза земли, начинаютъ рыть могилу. Пока идетъ работа, ламы молятся за умершаго; ихъ пѣніе и чтеніе по временамъ оживляется звономъ колокольчиковъ. Изготовивъ могилу, посреди ея зарываютъ небольшой сосудъ съ мелкими монетами и разными бездѣлицами, а потомъ уже кладутъ покойника, обративши его лицомъ на западъ. Засыпавъ гробъ землей, сверху надъ могилой ставятъ нѣсколько шестовъ и обтягиваютъ ихъ веревками, на которыя навѣшиваютъ цвѣтныя тряпочки и исписан-

ныя молитвами бумажки. По возвращеніи домой, всѣ приступаютъ къ обряду очищенія: умываютъ предъ огнемъ руки, выслушиваютъ произносимую ламами молитву и окуриваются пахучей травой. Затѣмъ начинаются поминки, жертвоприношенія богамъ, заключающіяся въ закланіи животныхъ—быка, лошади или барана, смотря по состоянію.

Подобно шаманамъ, ламы являются не только совершителями общественнаго богослуженія и частныхъ религіозно-обрядовыхъ дѣйствій, но также врачами и гадателями.

Ламаиты вѣрятъ, что въ человѣкѣ двѣ души—животная и духовная. Послѣдняя можетъ быть похищена демонами. Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что человѣкъ быстро слабѣетъ умомъ и памятью. Его томитъ смертная тоска, мучатъ и приводятъ въ отчаяніе страшные недуги. При такихъ-то обстоятельствахъ надъ больнымъ совершается священный обрядъ, называемый *призывомъ души.*

Когда не останется сомнѣнія, что душа у больного похищена демономъ, то первымъ долгомъ считаютъ умилостивить адскаго бога Чойжила, чтобы при помощи его вызвать похитителя и отобрать у него душу. Съ этою цѣлью дѣлаютъ изображенія девяти демоновъ; затѣмъ, дождавшись полуночи, кладутъ ихъ въ мѣшокъ изъ сырой пестрой кожи и обвязываютъ арканомъ въ девять оборотовъ. По окончаніи этихъ приготовленій, девять нарочито избранныхъ смѣльчаковъ, ставъ вокругъ заключенныхъ истукановъ съ оружіемъ въ рукахъ, выслушиваютъ заклинанія, произносимыя ламами по таинственной книгѣ *Сидилъ.* Послѣ этого одинъ изъ отважнѣйшихъ, схвативъ мѣшокъ за арканъ, начинаетъ бѣгать съ нимъ вокругъ юрты въ сопровожденіи толпы, старающейся, какъ можно болѣе, встревожить ночныхъ духовъ дикимъ крикомъ, стукомъ оружія и звуками трубъ. Какъ только мѣшокъ поравняется съ дверями

юрты, его встрѣчаютъ стрѣльбою и поспѣшно выбрасываютъ истукановъ на землю, замѣчая, какъ они упадутъ—ницъ или на спину. Упавшихъ ницъ раздробляютъ молотомъ; напротивъ, лежащихъ на спинѣ признаютъ требующими новыхъ заклинаній. Поэтому ихъ опять кладутъ въ мѣшокъ и послѣ усиленныхъ заклинаній снова бѣгаютъ съ ними вокругъ юрты. Подобнаго рода сцена повторяется до тѣхъ поръ, пока всѣ истуканы не упадутъ ницъ и не подвергнутся сокрушительному дѣйствію молота. Послѣ этого раздробленныхъ идоловъ уносятъ въ пустыню и зарываютъ въ землю, а на могилѣ кладутъ черный камень съ надписью, выражающею ту мысль, что хищные духи, какъ получившіе удовлетвореніе, не станутъ болѣе причинять вреда семейству, ради котораго совершенъ священный обрядъ.

Кромѣ врачевства, ламы занимаются еще предсказываніемъ будущаго, употребляя для этого различные способы. Важнѣйшій изъ нихъ состоитъ въ томъ, что гадающій опутываетъ мысль вопрошающаго массою вопросовъ, совершенно не относящихся къ дѣлу, послѣ чего раскрываетъ книгу судебъ и даетъ по ней отвѣтъ на желанный вопросъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гадаютъ при помощи столика. Для этого лама садится на землю, причемъ въ одной рукѣ держитъ книгу, а другую кладетъ на столикъ. Послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго чтенія столикъ, подчиняясь будто-бы вліянію руки, самъ собою начинаетъ двигаться и бросаться въ разныя стороны (на самомъ-же дѣлѣ онъ вращается посредствомъ нитки, привязанной къ его ножкамъ). Смотря по тому, куда и какъ упалъ столикъ, лама угадываетъ требуемое. Если указанія столика неопредѣленны, тогда прибѣгаютъ къ помощи стрѣлы. Жрецъ ставитъ эту послѣднюю остріемъ на ладонь, слегка придерживая ее пальцами и въ то же время читая что-то по таинственной книгѣ. Стрѣла яко-бы сама по себѣ начинаетъ двигаться и стремится вырваться

изъ рукъ. Тогда или даютъ ей свободу, чтобы ея полетъ открылъ искомую тайну, или-же заставляютъ ее написать эту тайну на пескѣ.

Изъ всего сказаннаго о ламайствѣ видно, что, будучи извращеніемъ буддизма, оно въ этомъ своемъ видѣ является какъ нѣчто невозможное. Вся жизнь ламанта опутана массою суевѣрій и самыхъ нелѣпыхъ обрядовъ, благодаря которымъ опытные ламы пользуются безграничнымъ вліяніемъ на простой непросвѣщенный народъ. Въ глазахъ послѣдняго они являются какъ боги низшаго разряда, и послѣдователи Шакьямуни относятся къ нимъ не только съ уваженіемъ, но и съ благоговѣніемъ. Даже въ томъ случаѣ, если лама ведетъ зазорную жизнь, онъ не теряетъ уваженія къ себѣ со стороны язычниковъ. Въ книгѣ *Уитерун-далай* (море притчей) находится такого рода поученіе: „Всегда смотри на ламу, какъ на перерожденца Будды; не соблазняйся, если замѣтишь за нимъ что-либо худое; думай, что тебѣ такъ показалось, ибо лама, если и дѣлаетъ, повидимому, что-либо худое, то единственно для испытанія твоей вѣры. Такъ и всесовершеннѣйшій Будда принималъ на себя видъ волка, льва, дракона и т. п. для испытанія своихъ учениковъ“ *).

Разсмотрѣнныя нами языческія религіозныя системы, шаманство и ламайство, представляютъ собою главное противодѣйствіе успѣхамъ евангельской проповѣди среди сибирскихъ инородцевъ. Поэтому, чтобы расположить ходящихъ во тьмѣ язычниковъ къ принятію христіанства, миссіонерамъ прежде всего надобно поколебать ихъ прежнюю вѣру, т. е. прежнія ложныя вѣрованія замѣнить новыми, истинными, вмѣсто прежняго

---

*) «Труды православныхъ миссій Иркутской епархіи», т. IV, стр. 611.

суевѣрнаго богослуженія и обрядовъ, которыми удовлетворялось доселѣ религіозное чувство инородца, дать ему возвышенное христіанское богослуженіе съ его умилительными обрядами и молитвенными дѣйствіями. Но проповѣдью миссіонера собственно только начинается обращеніе язычника ко Христу. Дѣло въ томъ, что препятствія успѣшному распространенію христіанства встрѣчаются не въ однихъ только религіозныхъ вѣрованіяхъ инородцевъ, а и въ ихъ дикости и невѣжествѣ вообще, въ грубости образа жизни, правовъ и обычаевъ. Поэтому обращеніе язычника ко Христу не должно ограничиваться одною только проповѣдью Евангелія, но должно быть завершено измѣненіемъ его быта, правовъ и обычаевъ и пріобщеніемъ его къ общей гражданской жизни русскаго народа. Въ виду этого вслѣдъ за характеристикою языческихъ религіозныхъ вѣрованій считаемъ не лишнимъ хотя въ общихъ чертахъ описать быть сибирскихъ инородцевъ и раскрыть ихъ нравы и обычаи. Далѣе: такъ какъ шаманство и ламайство вслѣдствіе смѣшенія народонаселенія не всегда являются въ раздѣльномъ видѣ, то мы коснемся также и тѣхъ религіозныхъ особенностей, которыя свойственны тѣмъ или другимъ инородцамъ Сибири. Отсюда для насъ яснѣе будутъ тѣ условія, среди которыхъ совершается дѣятельность миссіонеровъ, а равно и тѣ великія трудности, которыя имъ приходится преодолѣвать, проповѣдуя ученіе Христово. Этнографическій очеркъ Сибири мы начнемъ съ западной части ея.

ГЛАВА II.

Инородцы Западной Сибири.

Западную Сибирь населяютъ самоѣды, остяки, вогулы, калмыки, татары и киргизы.

Сибирскіе *самоѣды* бродятъ на пространствѣ отъ сѣверо-восточнаго склона Уральскихъ горъ до Сѣвернаго Ледовитаго океана. Въ прежнее время, говоритъ одно преданіе, самоѣдовъ было „тысяча тысячей, раздѣленныхъ на сто родовъ“. Между тѣмъ, въ настоящее время ихъ насчитываютъ не болѣе 16 тысячъ. Причиной вымиранія ихъ служатъ разныя неблагопріятныя условія жизни, главнымъ же образомъ—заразительныя болѣзни и страсть къ водкѣ.

Несмотря на свой мрачный видъ, самоѣды добродушны и миролюбивы. Между ними бываютъ драки только тогда, когда они пьяны. Умственный кругозоръ самоѣдовъ крайне ограниченъ, отчего и языкъ ихъ бѣденъ. Если самоѣду приходится разсказывать какое-нибудь происшествіе, то свой разсказъ онъ сопровождаетъ всевозможной мимикой и жестикуляціей, стараясь пояснить ими то, для выраженія чего у него недостаетъ словъ.

Главное занятіе самоѣдовъ—оленеводство. Самоѣдъ, не имѣющій нѣсколькихъ десятковъ оленей, считается бѣднымъ; богатые же имѣютъ ихъ по нѣскольку сотенъ и даже тысячъ. Олени доставляютъ самоѣду все—пищу, одежду, постель и покрышку для жилища; они же возятъ какъ самихъ самоѣдовъ, такъ и ихъ имущество. Между тѣмъ уходъ за этими полезными животными не требуетъ особенныхъ заботъ: олени круглый годъ питаются мохомъ, который и лѣтомъ и зимой добываютъ себѣ сами. Самоѣду приходится лишь время отъ времени перемѣнять мѣсто своей кочевки.

Въ лѣсахъ, гдѣ самоѣды проводятъ зиму, съ на-

ступленіемъ весны обыкновенно является безчисленное множество комаровъ, оводовъ и мошекъ, которые причиняютъ невыносимыя страданія какъ людямъ, такъ и животнымъ. Олени, чтобы избавиться отъ мученій, инстинктивно рвутся на сѣверъ, гдѣ насѣкомыхъ меньше, и самоѣдъ принужденъ бываетъ сняться съ зимней стоянки, чтобы перекочевать въ тундру, прилегающую къ Ледовитому океану. Съ приближеніемъ же зимы олени, наоборотъ, стремятся къ югу, въ лѣса, гдѣ не бываетъ такихъ суровыхъ мятелей, какъ въ тундрѣ, и гдѣ они легче могутъ добывать себѣ кормъ. Сверхъ этихъ періодическихъ переходовъ, самоѣды должны перекочевывать съ мѣста на мѣсто, когда олени съѣдятъ въ окрестности весь мохъ. Кромѣ оленеводства, самоѣды занимаются также звѣроловствомъ и рыболовствомъ.

Въ свободное отъ занятій время самоѣды сидятъ, ничего не дѣлая, въ своемъ дымномъ жилищѣ, да глядятъ на разведенный огонь. Особенно любитъ самоѣдъ, если въ это время къ нему завернетъ гость. Нужно замѣтить, что всѣ вообще самоѣды очень гостепріимны. Если у нихъ случится гость, то они не преминутъ раздѣлить съ нимъ лакомый кусокъ. Въ досужее время самоѣды нерѣдко также забавляются игрою въ карты. Этой игрѣ лѣтъ сорокъ тому назадъ ихъ научили русскіе торговцы, которые и привозятъ имъ карты. Случается, что самоѣды играютъ на рыбу и разные предметы своего хозяйства.

Жилищемъ самоѣдовъ служитъ *чумъ*, который устраивается такимъ образомъ: нѣсколько длинныхъ жердей вбивается въ землю такъ, чтобы образовалось круглое основаніе; затѣмъ эти жерди связываются своими вершинами въ одинъ пучекъ и покрываются лѣтомъ берестой, а зимой — оленьими шкурами. Вверху оставляется отверетіе для выхода дыма; дверью же служитъ боковое отверстіе, которое завѣшивается оленьей шкурой. Внутри, по сторонамъ чума, стелются циновки изъ

прутьевъ, сверхъ которыхъ настилаются оленьи кожи. Посреди чума—очагъ, на которомъ почти всегда поддерживается огонь. Надъ очагомъ укрѣпляются перекладины, на которыхъ висятъ котлы для варки пищи. Мѣсто противъ входа, у противоположной стѣны, считается священнымъ, и женщина не смѣетъ переступить черезъ него. Въ этомъ мѣстѣ складываются съѣстные припасы и домашняя утварь; тутъ же стоятъ и истуканы.

Одежда и обувь самоѣдская шьется изъ шкуръ оленей, собакъ и дикихъ звѣрей. Бѣлья самоѣды не носятъ, а непосредственно на тѣло надѣваютъ *малицу* изъ оленьей шкуры. Эта одежда имѣетъ форму мѣшка съ рукавами. Подолъ ея обшивается сперва нѣсколькими узкими полосками изъ оленьихъ шкуръ разнаго цвѣта шерстью наружу, а затѣмъ—широкою полосою изъ собачьяго мѣха. Поверхъ малицы самоѣдъ опоясывается широкимъ кожанымъ поясомъ, украшеннымъ мѣдными пуговицами въ нѣсколько рядовъ. На голову надѣвается треухъ, сшитый изъ мягкой оленьей шкуры и прикрѣпленный къ малицѣ; иногда впрочемъ, онъ замѣняется круглой оленьей шапкой. Нижнюю одежду составляютъ короткія замшевыя брюки съ такими же чулками, имѣющими подошву изъ тверыхъ частей оленьей кожи. Женская одежда состоитъ изъ *ягушки*, т. е. длиннаго оленьяго халата, подпоясаннаго шерстянымъ поясомъ; къ рукавамъ ягушки привязываются колокольчики, бубенчики, погремушки и длинные кусочки разноцвѣтнаго сукна. Голова покрывается шапкой съ мѣховымъ околышемъ. Двѣ косы, переплетенныя красной или желтой лентой и украшенныя на концахъ кольцами или погремушками, выходятъ изъ-подъ шапки. Къ ушамъ женщины прицѣпляютъ мѣдныя серьги, а на пальцахъ носятъ массу такихъ же колецъ.

Пищей самоѣдовъ служитъ, главнымъ образомъ, оленье мясо. Убивши оленя и снявши съ него шкуру, они сейчасъ же отрѣзываютъ по куску мяса и ѣдятъ

его, обмакивая въ теплую кровь; вареное и копченое мясо у самоѣдовъ въ рѣдкомъ употребленіи. Второе мѣсто въ ихъ пищѣ занимаетъ рыба, которую они рѣдко варятъ, а большею частью ѣдятъ сырою, вяленою или же замороженною; въ послѣднемъ случаѣ ее строгаютъ и солятъ. Не пренебрегаютъ самоѣды и мясомъ дикихъ звѣрей. На хлѣбъ они смотрятъ, какъ на лакомство, которое достается большою цѣною, а потому и питаться имъ могутъ лишь болѣе зажиточные.

Всѣ самоѣды до страсти любятъ вино: за бутылку водки они готовы отдать лучшаго оленя, самую дорогую шкуру лисицы. Этимъ пользуются торговцы, которые, переѣзжая изъ чума въ чумъ, возятъ съ собою запасы вина и вымѣниваютъ на него мѣха, рыбу, оленей.

Слѣдуетъ также замѣтить, что самоѣды очень пристрастны къ табаку, который они курятъ изъ костяныхъ трубокъ. Набравши въ ротъ дыму, самоѣдъ передаетъ трубку другому, а самъ старается какъ можно дольше удержать его во рту и груди и постепенно выпускаетъ его чрезъ носъ.

Религіозное міровоззрѣніе самоѣдовъ отличается крайнею грубостью и невѣжествомъ. Верховнымъ богомъ они признаютъ *Нума*, называемаго иначе *Ильдта*, что значитъ „старецъ“, „дѣдъ“. При этомъ одни изъ нихъ отожествляютъ Нума со всей видимой природой—землей, моремъ, солнцемъ и пр. Другіе же, вѣроятно подъ вліяніемъ христіанства, считаютъ его творцомъ и промыслителемъ міра и приписываютъ ему нѣкоторыя божескія свойства, какъ-то: всевѣдѣніе, караніе зла и награжденіе добра. Нумъ, однако, мало доступенъ человѣку; его трудно умилостивить молитвами и жертвоприношеніями. Болѣе доступны *лохеты*—незримыя духовныя существа, но и съ ними можно сноситься лишь чрезъ шамановъ. Поэтому у самоѣдовъ существуютъ видимые идолы лохетовъ, извѣстные подъ именемъ *хахе*. Каждый самоѣдъ имѣетъ своего хахе, такъ что со смертію перваго, пере-

стаетъ почитаться и послѣдній: онъ бросается въ рѣку, какъ тоже умершій.

По воззрѣніямъ самоѣдовъ, только одни шаманы пользуются привилегіей вѣчной загробной жизни. Для всѣхъ же остальныхъ людей существованіе оканчивается земной, безотрадной жизнью. На вопросъ, что будетъ съ человѣкомъ послѣ смерти, одинъ путешественникъ (Кастренъ) получилъ отъ самоѣдовъ такой отвѣтъ: „то же, что съ собакой: будетъ лежать — гдѣ лежитъ и гнить—гдѣ гніетъ“. Но съ другой стороны и для обыкновенныхъ смертныхъ допускается возможность переселенія на небо. Такъ, если пропадетъ безъ вѣсти хорошій человѣкъ, извѣстный своими добродѣтелями, то самоѣды думаютъ, что онъ переселился на небо къ богамъ. Вообще пунктъ о загробной жизни въ религіозномъ міросозерцаніи самоѣдовъ страдаетъ неопредѣленностью, невыясненностью, да и все оно характеризуется неполнотой, противорѣчіями.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о бытовыхъ обрядахъ самоѣдовъ.

Самоѣдская свадьба не сопровождается, какъ это обыкновенно бываетъ, особенными обрядами. Послѣ соглашенія между женихомъ и невѣстою родные жениха ѣдутъ къ роднымъ невѣсты и уговариваются относительно калыма и приданаго. По окончаніи переговоровъ, начинается угощеніе мясомъ, а если есть, то и водкой. На слѣдующій день происходитъ такое же угощеніе у родныхъ жениха, причемъ молодые сидятъ рядомъ. Женихъ, отрѣзавъ кусокъ мяса, передаетъ его невѣстѣ; та молча беретъ и ѣстъ. Затѣмъ онъ наливаетъ вина и, отпивъ самъ, остатокъ черезъ плечо передаетъ невѣстѣ, которая и допиваетъ его. Получивъ слѣдуемый калымъ, родные невѣсты складываютъ ея приданое въ нарты (легкія сани, въ которыхъ сибирскіе инородцы ѣздятъ и зимой и лѣтомъ) и отправляются въ чумъ жениха. Невѣста обыкновенно ѣдетъ

въ передней, богато украшенной нартѣ. По прибытіи къ чуму, невѣсту нѣсколько разъ обвозятъ вокругъ жилья, а родственники и знакомые, стоя вокругъ, привѣтствуютъ ее радостными криками. Оканчивается свадьба новымъ шествомъ.

Какъ только родится ребенокъ, его вытираютъ снѣгомъ, а лѣтомъ купаютъ въ холодной водѣ, чтобы такимъ образомъ съ первыхъ же дней закалить его для перенесенія стужи и всѣхъ климатическихъ невзгодъ. Воспитаніе дочерей лежитъ исключительно на обязанности матери: она учитъ ихъ съ малолѣтства сучить нитки, шить одежду и обувь и вообще исполнять работу, составляющую удѣлъ женщины-самоѣдки. Воспитаніе же сыновей лежитъ на обязанности отца: онъ беретъ ихъ съ собою на охоту, пріучаетъ владѣть лукомъ и аркапомъ, учитъ ихъ ловить рыбу, загонять оленей и т. п.

Умершій человѣкъ, по вѣрованію самоѣдовъ, переселяется въ далекую страну, за море, гдѣ живетъ вмѣстѣ съ Нумомъ (богомъ), постоянно пируетъ и пьетъ вдоволь вина. Трупъ покойника самоѣды выносятъ изъ чума не чрезъ входную дверь, а чрезъ отверстіе, нарочито сдѣланное въ противоположной отъ входа стѣнѣ. Вынесши покойника, его одѣваютъ въ чистое платье, кладутъ на нарту, въ которую впрягаютъ лучшихъ оленей, везутъ на мѣсто погребенія и здѣсь роютъ неглубокую могилу, въ которую и опускаютъ тѣло покойника, а съ нимъ вмѣстѣ ножъ, топоръ, рожокъ табаку и вообще все то, что необходимо было ему въ жизни; въ могилу женщины кладутъ чашку, иголки, нитки и другія предметы хозяйства. Самоѣды вѣрятъ, что всѣ вещи, положенныя въ могилу умершаго, послужатъ ему и въ загробной жизни. Зарывши покойника, убиваютъ нѣсколькихъ оленей, причемъ рога ихъ втыкаютъ въ могилу, а мясо съѣдаютъ или упосятъ въ чумъ. Принесши жертву, всѣ присутствующіе при похоронахъ начинаютъ поносить смерть за то, что она отняла у нихъ близкаго

человѣка, а затѣмъ восхваляютъ покойника. По окончаніи похоронныхъ обрядовъ, всѣ возвращаются въ чумъ и окуриваются дымомъ сожигаемаго олепьяго жира. Для сохраненія воспоминанія объ умершемъ жена и дѣти его дѣлаютъ деревяннаго истукана, одѣваютъ его въ платье покойника и помѣщаютъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно умершій сидѣлъ при жизни. Этотъ истуканъ изображаетъ собою покойника. Во время ѣды передъ нимъ ставятъ корытце съ пищей; кромѣ того вдова или кто-либо изъ сыновей ежедневно мажетъ губы истукана кровью или жиромъ, какъ бы угощая самого покойника. Такое ухаживаніе продолжается годъ и даже болѣе, послѣ чего истуканъ уничтожается.

Остяки, въ количествѣ около 24 тысячъ душъ, живутъ разбросанно въ Тобольской, Томской и Енисейской губерніяхъ, преимущественно по берегамъ рѣкъ Оби, Таза, Енисея и ихъ притокамъ. Между остяками и самоѣдами происходитъ постоянное общеніе: оба эти племени вмѣстѣ кочуютъ съ одного мѣста на другое. Къ тому же до XVI в. остяки господствовали надъ самоѣдами. Все это послужило причиною выработки многихъ одинаковыхъ условій быта и жизни у названныхъ народовъ. Чтобы не повторяться, мы не будемъ останавливаться на сходныхъ чертахъ, а отмѣтимъ лишь тѣ особенности, которыя присущи исключительно остяцкому племени.

По своему характеру, остяки миролюбивы, кротки, малоподвижны и молчаливы. Они способны къ упорному труду, если къ тому побуждаетъ ихъ голодъ; въ противномъ же случаѣ предпочитаютъ сидѣть у огня, ничего не дѣлая. Выносливость остяка просто изумительна: ему нипочемъ и стужа, и зной, и даже голодъ. Осенью, напр., когда морозъ уже сковываетъ рѣки, остяки, засмотрѣвшись на что-нибудь, по-долгу стоятъ босые на берегу рѣки и только по временамъ приподнимаютъ то ту, то другую ногу. Пробыть сутокъ двое безъ пищи

для остяка не въ диковинку; зато, если добудетъ много пищи, онъ съѣстъ за троихъ. Одну изъ привлекательныхъ сторонъ остяцкаго характера составляетъ честность: рѣдкій остякъ позволитъ себѣ украсть или обмануть. Кромѣ того, подобно всѣмъ другимъ инородцамъ, остяки отличаются гостепріимствомъ. Заѣдшій гость, кто бы онъ ни былъ, всегда найдетъ себѣ въ чумѣ остяка и пріютъ и пищу.

Образъ жизни остяковъ опредѣляется ихъ занятіями. Въ этомъ отношеніи всѣхъ ихъ можно раздѣлить на оленеводовъ, рыболововъ и звѣролововъ. Образъ жизни первыхъ, какъ и самоѣдовъ, всецѣло зависитъ отъ оленей. Остякъ-оленеводъ не можетъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ, но принужденъ перекочевывать туда, куда идутъ олени, т. е. лѣтомъ на сѣверъ, а зимой въ тайгу. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторые остяки, имѣя небольшія стада оленей, даже и на лѣто оставляютъ ихъ въ лѣсахъ и не переселяются къ берегамъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Для защиты же своихъ стадъ отъ насѣкомыхъ они строятъ большіе шалаши, въ которыхъ разводятъ постоянное курево; въ этихъ убѣжищахъ олени и спасаются отъ своихъ мелкихъ, но докучливыхъ враговъ, выходя отсюда для корма лишь во время утренниковъ или сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ. Остяки второй категоріи, т. е. рыболовы, съ ранней весны и до поздней осени ѣздятъ по рѣкамъ и ловятъ рыбу. Наибольшій уловъ производится ими на Оби, а потому они боготворятъ эту рѣку, называя ее не иначе, какъ своимъ богомъ, своей кормилицей. Остяковъ, занимающихся исключительно звѣроловствомъ, сравнительно не много. Промыселъ этотъ служитъ лишь добавочнымъ занятіемъ къ рыболовству или оленеводству.

Жилищемъ остяковъ служатъ небольшія хижины, которыя строятся изъ дерева и покрываются берестой, засыпанной землею. Въ углу хижины, близъ дверей, всегда находится глиняный чувалъ, на которомъ весь

день горятъ дрова. Надъ чуваломъ, въ потолкѣ, оставляется отверстіе для выхода дыма. Возлѣ стѣнъ идутъ нары съ разосланными на нихъ рогожами, сплетенными изъ травы или камыша. Свѣтъ въ хижину проникаетъ чрезъ единственное окошце, у богатыхъ со стекломъ, а у бѣдныхъ пузырчатое или со вставленной въ него льдиной. Въ хижинахъ, впрочемъ, остяки живутъ только зимою; съ началомъ же весны они складываютъ все свое имущество на лодки или нарты и отправляются на рыболовныя мѣста, гдѣ устраиваютъ себѣ чумы или шалаши. Стѣны шалаша они выводятъ низенькія, крышу же изъ новыхъ стволовъ дѣлаютъ высокую и обкладываютъ ее древесной корой. На верху крыши оставляется отверстіе, въ которое выходитъ дымъ изъ очага, сложеннаго изъ камней.

Одежда остяка похожа на одежду самоѣдовъ. Только осѣдлые остяки переняли отъ русскихъ лѣтнюю одежду, т. е. носятъ русскія рубахи, шаровары и зипунъ; зимою же они ходятъ въ самоѣдскомъ костюмѣ, который очень удобенъ при сильныхъ сѣверныхъ морозахъ. Остячки лѣтомъ носятъ крашеннаго холста рубахи, вышитыя на груди и по подолу разноцвѣтною шерстью, и холщевыя или ситцевыя однорядки; зимою же онѣ ходятъ въ оленьихъ шубахъ съ частыми завязками и кисточками спереди. Голову онѣ покрываютъ длиннымъ и широкимъ цвѣтнымъ платкомъ съ бахромою, называемымъ *вокшимъ*; имъ окутываютъ и лицо.

Главной пищей остяковъ служитъ рыба, которую они ѣдятъ въ разныхъ видахъ: и сырую, и варепую, и вяленую; второе мѣсто въ ихъ столѣ занимаетъ оленье мясо; не пренебрегаютъ, впрочемъ, остяки и мясомъ дикихъ звѣрей: песцовъ, лисицъ, волковъ и др. Хлѣба остяки ѣдятъ мало; но изъ ржаной муки пекутъ въ золѣ прѣсныя лепешки или варятъ *салмыгъ* — похлебку, заправленную рыбьимъ жиромъ.

Подобно самоѣдамъ, остяки страстно любятъ водку.

Напиться до-пьяна для нихъ величайшее наслажденіе. Получаютъ остяки водку большею частью отъ русскихъ торговцевъ въ обмѣнъ за рыбу, мѣха и оленей, а также изъ буфетовъ пассажирскихъ пароходовъ, плавающихъ по рѣкѣ Оби. Какъ только пароходъ пристанетъ къ берегу, сейчасъ же остяки подходятъ къ нему съ рыбою и спрашиваютъ: „кабакъ (т. е. буфетъ) есть?..“ Если остякъ видитъ, что у него недостаетъ водки, то для усиленія дѣйствія онъ размѣшиваетъ ее съ нюхательнымъ табакомъ и пьетъ эту смѣсь. Не менѣе водки остяки любятъ и табакъ, при чемъ охотно курятъ, нюхаютъ и даже жуютъ его.

Остяки-язычники имѣютъ нѣкоторое понятіе о верховномъ божествѣ, которое называется у нихъ именемъ *Турома*. Слово „туромъ“ буквально означаетъ „свѣтъ“. Отсюда естественно заключить, что остяки въ лицѣ Турома обоготворяютъ не что иное, какъ именно свѣтъ. Туромъ живетъ на небѣ и говоритъ съ людьми разгнѣваннымъ голосомъ грома и вѣтровъ. Онъ всюду слѣдитъ за человѣкомъ, такъ что отъ него ничто не укроется въ мірѣ — ни худое, ни хорошее, и каждому воздаетъ по заслугамъ. Но, несмотря на это, Туромъ — существо страшное для людей; его нельзя умилостивить никакими жертвами и молитвами, потому что онъ смотритъ исключительно на внутреннее достоинство человѣка, а не на внѣшнія проявленія его религіозно-нравственной жизни. Изображеній Турома, этого верховнаго божества остяковъ, не существуетъ.

Кромѣ недоступнаго Турома, остяки вѣрятъ въ другихъ болѣе близкихъ къ себѣ боговъ, которые имѣютъ власть дѣлать людямъ добро или зло и потому раздѣляются на добрыхъ и злыхъ. Эти боги слѣдующіе: *Ортикъ*, *Лонгъ*, *Елянь* и *Мейкъ*. Ортика почитаютъ другомъ и ближайшимъ помощникомъ Турома. Идолъ, изображающій этого бога, имѣетъ такое устройство: голову составляетъ деревянный отрубокъ, къ которому придѣлано лицо, вы-

битое изъ серебра; туловищемъ служитъ мѣшокъ, туго набитый мягкою рухлядью; руки состоятъ изъ рукавовъ, одѣтыхъ одинъ на другой; ногъ совсѣмъ нѣтъ. Къ Ортику обращаются съ различнаго рода просьбами и приносятъ ему всевозможныя жертвы. Лонга считаютъ помощникомъ Ортика, вѣстникомъ воли боговъ, также и богомъ здравія. Идолъ Лонга—не что иное, какъ большой мѣшокъ, набитый другими мѣшками и туго завязанный сверху. Больной, требующій отъ Лонга исцѣленія, долженъ сшить ему новый мѣшокъ. Елянь почитается прислужникомъ высшихъ боговъ. Онъ дѣлается изъ деревяннаго отрубка, на которомъ вырѣзывается лицо; голова у него не круглая, а нѣсколько заостренная; остальная часть отрубка поскоблена; ни рукъ, ни ногъ у идола нѣтъ. Обращающіеся къ Еляню съ просьбой привѣшиваютъ къ его истукану кольца и металлическія пуговицы, кладутъ сукно и приносятъ въ жертву оленей. Мейкъ считается богомъ зла. Онъ дѣлается изъ дерева и одѣвается въ бобровую парку (въ родѣ рубахи). Заблудившіеся въ лѣсахъ или степяхъ просятъ его покровительства и защиты и умилостивляютъ его различными жертвами.

За поименованными божествами у остяковъ слѣдуютъ такъ называемые *шайтаны*, которые будто бы обитаютъ только въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, куда и стекаются язычники для ихъ чествованія. Шайтанами оканчивается длинный рядъ боговъ, почитаемыхъ всѣми остяками. Далѣе идутъ боги, составляющіе принадлежность частныхъ лицъ. Каждая семья имѣетъ своего идола, къ которому остякъ обращается съ просьбой о помощи, когда собирается на рыбный или звѣриный промыселъ. По возвращеніи съ промысла, онъ, въ случаѣ удачи, благодаритъ своего идола и приноситъ ему въ жертву кусокъ мяса, въ противномъ же случаѣ сѣчетъ его плетьми.

Остяки имѣютъ нѣкоторыя представленія о загробной жизни; но эти представленія очень грубы и неопре-

дѣленны. Такъ, напр., остяки полагаютъ, что и послѣ смерти они будутъ кочевать, охотиться и т. п. Впрочемъ и въ такомъ видѣ представляемая загробная жизнь, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть продолжительна: она прекратится вмѣстѣ съ окончательнымъ разложеніемъ тѣла, послѣ чего человѣкъ исчезнетъ весь, безъ слѣда.

Бытовые обряды остяковъ въ общемъ сходны съ обрядами самоѣдовъ и различаются только въ частностяхъ.

Необходимою принадлежностью каждаго брака у остяковъ, какъ и у самоѣдовъ, служитъ уплата за невѣсту калыма. Обыкновенно остякъ, желающій женить своего сына, первымъ дѣломъ посылаетъ къ родителямъ невѣсты свата, который ведетъ переговоръ относительно количества калыма. Иногда сватъ нѣсколько разъ побываетъ то у родителей невѣсты, то у родителей жениха, прежде чѣмъ между ними состоится соглашеніе. Родители невѣсты обыкновенно запрашиваютъ какъ можно больше калыма, такъ какъ величиною послѣдняго опредѣляется достоинство невѣсты, а родители жениха, напротивъ, упрашиваютъ уменьшить калымъ. Уплачивается послѣдній оленями, мѣхами, одеждой и деньгами. Въ свою очередь родители невѣсты даютъ за дочерью приданое, состоящее обыкновенно изъ одежды, домашней утвари, оленей и т. п.; иногда въ приданое идетъ и часть калыма, полученнаго отъ жениха. Кромѣ уплаты калыма, у нѣкоторыхъ остяковъ существуетъ довольно оригинальный обычай подношенія свадебныхъ подарковъ. Женихъ беретъ котелокъ съ подарками, идетъ къ невѣстѣ, которая ждетъ его, закрытая покрываломъ, кладетъ предъ нею этотъ котелокъ и уходитъ обратно. Невѣста, откинувъ покрывало, пересматриваетъ подарки и, если находитъ, что ихъ недостаточно, выбрасываетъ все изъ котелка, а сама по прежнему садится подъ покрывало. Черезъ нѣсколько времени женихъ является вторично и, видя, что его подарки разбросаны, собираетъ и уноситъ ихъ въ свою хижину, гдѣ или пере-

мѣняетъ ихъ, или дополняетъ новыми, послѣ чего снова приходитъ къ невѣстѣ. Такого рода браковка свадебныхъ подношеній можетъ повторяться нѣсколько разъ. Наконецъ, когда подарки понравятся невѣстѣ, она бережно складываетъ ихъ въ котелокъ, и это служитъ знакомъ для жениха, что она согласна выйти за него замужъ. Сейчасъ же послѣ этого въ хижину родителей невѣсты собираются родные и знакомые и начинается угощеніе рыбой, олениной, мясомъ дикихъ звѣрей и водкой.

Съ приближеніемъ времени родовъ остячка переселяется изъ общей хижины въ особую, гдѣ и живетъ около четырехъ недѣль послѣ рожденія у нея ребенка. По истеченіи означеннаго времени родильница окуривается и возвращается къ мужу въ общую хижину.

Покойника остяки погребаютъ въ томъ же платьѣ, въ которомъ онъ умеръ. Предъ погребеніемъ они обвертываютъ его въ бересту и затѣмъ кладутъ въ могилу, а вмѣстѣ съ нимъ и тѣ вещи, которыя необходимы были ему при жизни, какъ-то: лукъ, стрѣлы, съѣстное, трубку съ табакомъ и т. п. Жена и дѣти покойника въ знакъ сожалѣнія и скорби царапаютъ себѣ до крови лицо, вырываютъ волосы и бросаютъ ихъ на трупъ, полагая, что душа умершаго черезъ шесть недѣль придетъ узнать, насколько сожалѣли о немъ оставшіеся въ живыхъ. Послѣ погребенія остяка жена и дѣти его, подобно самоѣдамъ, дѣлаютъ чурбанъ, одѣваютъ его въ платье покойника и кладутъ на томъ мѣстѣ, гдѣ любилъ лежать умершій. Съ этимъ чурбаномъ обходятся такъ же, какъ бывало обходились съ покойникомъ, и по истеченіи года съ плачемъ зарываютъ его въ землю.

Вогулы живутъ разбросанно въ Тобольской губерніи, отъ Урала до рѣкъ Иртыша и Оби. Всѣхъ ихъ насчитывается въ настоящее время до 4 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ одни ведутъ еще кочевой образъ жизни, а другіе перешли къ осѣдлости.

По своему характеру вогулы отъ природы малоподвижны и молчаливы. На лицѣ ихъ рѣдко можно замѣтить выраженіе удовольствія; но при всемъ томъ они никогда не жалуются на свою жизнь и вполнѣ хладнокровно относятся къ различнымъ житейскимъ невзгодамъ. Случается, что въ семьѣ нѣтъ куска хлѣба, а вогулъ преспокойно куритъ свою трубку или играетъ въ карты. Гостепріимство свойственно имъ въ такой же мѣрѣ, какъ и прочимъ инородцамъ.

Занятія осѣдлыхъ вогуловъ почти нигдѣмъ не отличаются отъ занятій нашихъ сосѣднихъ крестьянъ: вогулы, подобно этимъ послѣднимъ, преимущественно занимаются земледѣліемъ, причемъ сѣютъ рожь и ячмень; но вслѣдствіе суровости климата хлѣбъ не всегда созрѣваетъ, и занятіе земледѣліемъ мало обезпечиваетъ ихъ существованіе. Поэтому многіе вогулы занимаются и другими промыслами, особенно рыболовствомъ и пчеловодствомъ. Что касается бродячихъ вогуловъ, то они, подобно самоѣдамъ, занимаются оленеводствомъ; но главное ихъ занятіе составляетъ охота. Какъ только земля покроется первымъ снѣгомъ, вогулы небольшими партіями отправляются на промыселъ за пушнымъ звѣремъ, причемъ подъ ноги привязываютъ деревянныя лыжи, обитыя оленьей шкурой, а провизію и охотничьи принадлежности складываютъ въ нарты и везутъ съ собою.

Жилищемъ для осѣдлыхъ вогуловъ служатъ избушки, а для кочующихъ—землянки и чумы, покрытые лѣтомъ берестой, а зимой шкурами звѣрей.

Одежда вогуловъ, ведущихъ бродячій образъ жизни, шьется изъ шкуръ оленей и дикихъ звѣрей и покроемъ своимъ похожа на одежду самоѣдовъ; осѣдлые же вогулы носятъ одежду, похожую на одежду русскихъ крестьянъ.

Пища вогуловъ всецѣло зависитъ отъ ихъ занятій. Такъ, вогулы земледѣльцы питаются хлѣбомъ, ягодами, кедровыми орѣхами, а иногда рыбой и мясомъ; рыболовы

питаются преимущественно рыбой, звѣроловы же—мясомъ убитыхъ ими звѣрей. Слѣдуетъ замѣтить, что вогулы вообще неразборчивы въ пищѣ. Если случится, что у кого-либо изъ нихъ истощился запасъ пищи, а между тѣмъ голодъ даетъ себя чувствовать, то вогулъ собираетъ выброшенныя кости, разбиваетъ ихъ и варитъ.

Языческая религія вогуловъ въ общемъ сходна съ религіей ихъ сосѣдей остяковъ. Высшимъ божествомъ они, подобно остякамъ, считаютъ *Турома*. Это—богъ, не досягаемый для простыхъ смертныхъ, и вогулы не только не смѣютъ обратиться къ нему зачѣмъ-либо, но даже считаютъ себя недостойными приносить ему жертвы. У Турома есть мать *Торм-чукъ* и сынъ. За Туромомъ слѣдуютъ три болѣе доступныхъ божества: *Чёхоль-вонзи*, *Водъ* и *Осетръ* или *Виш-отръ*. Первые два живутъ на облакахъ и завѣдуютъ громами; они имѣютъ женъ; изъ жертвенныхъ животныхъ любятъ больше всего оленей и коровъ. Третій богъ Осетръ живетъ въ Оби вмѣстѣ съ рыбами; онъ завѣдуетъ всѣмъ воднымъ царствомъ и также имѣетъ жену. Жертвы этому богу опускаются въ воду; онъ любитъ все бѣлое, какъ-то: серебро, бѣлыхъ барашковъ, бѣлыхъ лошадей и т. д. Эти три бога добрые; они помогаютъ человѣку во всѣхъ его предпріятіяхъ. Но есть еще одно высшее божество—*Куль*. Это существо злое, враждебное человѣку и даже богамъ. Кромѣ этихъ главнѣйшихъ божествъ, у вогуловъ есть не мало второстепенныхъ, мелкихъ. Всякая мѣстность, по ихъ вѣрованію, имѣетъ своего покровителя—шайтана. Наконецъ, у каждаго вогула есть свои домашніе идолы, поклоненіе которымъ совершается обыкновенно при пылающемъ очагѣ. Высшимъ выраженіемъ религіознаго чувства у вогуловъ служитъ самобичеваніе предъ идолами прутьями или сухими оленьими кишками.

Калмыки, въ числѣ около 80 тысячъ человѣкъ, живутъ по сѣвернымъ склонамъ Алтайскихъ горъ, на югѣ

Семипалатинской области и Томской губерніи. Хотя нѣкоторые изъ нихъ и перешли уже къ осѣдлости, но большинство продолжаетъ вести еще кочевой образъ жизни.

По своему характеру калмыки въ большинствѣ случаевъ—люди угрюмые, упрямые, малоподвижные и лѣнивые. Сидѣть, поджавши ноги, по цѣлымъ часамъ у очага, пить любимый кумысъ, ѣсть жареную баранину, да слушать разсказы—вотъ любимое времяпровожденіе калмыка. Нравится ему также, если къ нему зайдетъ гость, особенно такой, котораго не приходится стѣсняться и который можетъ кое-что разсказать. При появленіи такого гостя хозяинъ тотчасъ закуриваетъ трубку, затягивается раза два самъ, потомъ предлагаетъ ее гостю и спрашиваетъ: „что худого?..“ Кстати замѣтимъ, что калмыки до того любятъ курить, что нерѣдко даже и засыпаютъ съ трубкой во рту. Курятъ у нихъ не только мужчины, но и женщины, даже дѣти.

Главное занятіе кочующихъ калмыковъ состоитъ въ скотоводствѣ. Кочевники разводятъ лошадей, верблюдовъ, рогатый скотъ и овецъ. Обыкновенно скотъ весь годъ остается на подножномъ кормѣ; для защиты же его отъ холода и бурановъ устраиваются загороди и хлѣвы. Кромѣ скотоводства, нѣкоторые изъ кочующихъ калмыковъ занимаются охотой. Но этотъ промыселъ имѣетъ у нихъ не болѣе, какъ второстепенное значеніе, и къ нему прибѣгаютъ лишь въ случаѣ нужды. Необходимо, напр., осенью уплатить ясакъ, а денегъ или шкурокъ нѣтъ,—и вотъ калмыкъ беретъ ружье и идетъ на нѣсколько дней въ горы промышлять звѣря. Незначительная часть калмыковъ занимается также рыболовствомъ, но и этотъ промыселъ не составляетъ важнаго подспорья для ихъ существованія. Что касается осѣдлыхъ калмыковъ, то, подобно своимъ сосѣдямъ—русскимъ крестьянамъ, они занимаются хлѣбопашествомъ; но это занятіе стоитъ у нихъ еще на очень

низкой ступени и потому малоупотребительно, хотя плодородная почва калмыцкихъ степей при правильномъ веденіи земледѣлія могла бы давать обильные урожаи.

Жилищемъ калмыковъ служитъ войлочная юрта. По срединѣ ея находится очагъ, согрѣвающій ее въ холодное время. Налѣво отъ входа обыкновенно устраивается изъ войлока постель, у богатыхъ покрытая шелковымъ одѣяломъ и завѣшенная пологомъ; а направо складываются мѣшки и сундуки съ имуществомъ и вся вообще хозяйственная утварь калмыка: котлы, миски, корыта и т. п. *Турсукъ* или кожаный мѣшокъ для кумыса занимаетъ здѣсь самое видное мѣсто. У передней стѣны на сундукѣ или другомъ возвышеніи помѣщаются металлическіе или деревянные идолы (бурханы) съ большими головами и пуговками вмѣсто глазъ; предъ ними нерѣдко можно видѣть въ чашечкахъ жертвы: воду, пшеницу, крупу и пр.

Одежда калмыковъ составляетъ лѣтомъ бумажный бешметъ, а зимой—шуба изъ лошадиныхъ шкуръ или овчинный тулупъ, опоясанный кожанымъ кушакомъ, за которымъ висятъ ножикъ въ кожаномъ чехлѣ, трубка, кисетъ и нагайка; голову они покрываютъ мерлушечьей или войлочной шапкой, края которой заворачиваются кверху; ноги обуваютъ въ кожаные съ острыми носками сапоги.

Пищей калмыковъ служитъ мясо почти всѣхъ животныхъ и молочные продукты, среди которыхъ заслуживаетъ вниманія сладковатый овечій сыръ; его сушатъ мелкими кусками и употребляютъ вмѣсто хлѣба. Мясо калмыки варятъ безъ всякихъ приправъ, даже безъ соли, и только во время ѣды обмакиваютъ его въ соленую воду. Изъ различныхъ видовъ мяса наиболѣе лакомымъ считается баранье. Любимымъ напиткомъ калмыковъ служитъ кумысъ и кирпичный чай, заправленный мукой, солью, масломъ и молокомъ.

Калмыки исповѣдуютъ ламайскую религію, которая,

впрочемъ, перепутана съ нѣкоторыми шаманскими суевѣріями и предразсудками.

Изъ множества мелкихъ боговъ у нихъ два главныхъ божества: доброе, богъ-творецъ, по-калмыцки *Ульгень* и злое—*Эрликъ*, иначе шайтанъ, т. е. діаволъ. Послѣдняго калмыки очень боятся, поклоняются и приносятъ ему жертвы усерднѣе, нежели первому, такъ какъ діаволъ, по ихъ понятіямъ, много дѣлаетъ вреда человѣку, золъ, мстителенъ, а потому его и нужно ублажать какъ можно болѣе. Такимъ образомъ выходитъ, что у калмыковъ верховное божество есть діаволъ. Мелкія божества, чтимыя ими, называются *эжигя* (діаволы низшаго разряда). Для олицетворенія божествъ дѣлаются безобразныя куклы, ставятся въ горахъ и долинахъ шесты, обвязанные тряпками, съ подвѣсками изъ конскаго волоса.

Ученіе калмыковъ о происхожденіи міра состоитъ въ томъ, что Ульгень, не имѣвшій мѣста, гдѣ бы остановиться, сказалъ: „да будетъ все!“ и произвелъ сперва небо, а потомъ и землю. Земля утверждена на трехъ рыбахъ: двѣ изъ нихъ—по краямъ, а третья—въ срединѣ. Происхожденіе на землѣ людей, по ученію калмыковъ, было таково: Богъ вдругъ сотворилъ восемь человѣкъ мужскаго пола; тѣло ихъ создалъ изъ глины, кости изъ камыша, а потомъ дунулъ въ носъ и уши, и въ человѣкѣ явилась душа и умъ. Возлѣ семи мужей Богъ насадилъ семь деревъ, для каждаго мужа по одному дереву; а восьмой изъ нихъ—*Майдеръ*, по порученію Ульгеня, началъ творить женщину, чтобы могъ размножиться родъ человѣческій. Онъ сдѣлалъ изъ глины тѣло, изъ камыша кости, а чтобы сложенный такимъ образомъ человѣкъ не разсыпался, онъ сорвалъ траву, смялъ ее въ рукахъ и дунулъ въ нее, отчего произошла змѣя, которою и обвилъ сложенный составъ. Недоставало души, и Майдеръ отправился за помощью къ Ульгеню. Этимъ временемъ воспользовался Эрликъ,

пришелъ къ творенію Майдера и оживотворилъ женщину, причемъ повредилъ ея природу и духовную, и тѣлесную: душа стала злобною, а тѣло—смраднымъ. Тогда Майдеръ позвалъ семь мужей и, взявъ одного изъ нихъ за руку, подвелъ къ женщинѣ, но тотъ сказалъ: „образъ сего человѣка инаковъ и духъ отъ него иной, худой“. Майдеръ подвелъ поочередно еще двоихъ, но и они замѣтили тоже. Давъ отвѣтъ, эти трое убѣжали. Тогда явился Ульгень, взялъ у одного изъ четырехъ оставшихся мужей изъ обоихъ боковъ по двѣ косточки и сотворилъ живую жену, которую и отдалъ ему. Отъ этой четы и произошелъ родъ человѣческій.

Въ религіозно-нравственномъ сознаніи калмыковъ есть вѣра и въ конецъ міра, который послѣдуетъ вслѣдствіе упадка вѣры, нравственности и любви. Ульгень удалится вверхъ отъ земли и человѣка, а Эрликъ станетъ господствовать, и люди совершенно забудутъ Бога. Тогда произойдутъ ужасные на землѣ перевороты: Эрликъ, склоняя людей къ себѣ, будетъ ихъ мучить и убивать, и тогда послѣдуетъ воскресеніе мертвыхъ. Старая земля сгоритъ, но не истребится, и произойдетъ новая, чистая земля. Вмѣстѣ съ нею сгоритъ Эрликъ со всѣми своими слугами и съ преданными ему людьми которые тоже обратятся въ безтѣлесныхъ діаволовъ. Ульгень проклянетъ ихъ, сказавъ: „Ты, Эрликъ, со всею силою твоею иди въ преисподнія пропасти адскія, а съ тобою пусть летятъ и твои люди“. Тогда Эрликъ, его духи и люди полетятъ въ муку, въ адскія пропасти и скроются изъ виду. Такъ будутъ жить за гробомъ души грѣшниковъ вмѣстѣ съ Эрликомъ въ аду, а души праведныхъ вмѣстѣ съ Ульгенемъ въ его жилищахъ.

Дѣтей своихъ калмыки воспитываютъ сообразно условіямъ кочевой жизни; новорожденному, тотчасъ по появленіи его на свѣтъ, даютъ кусокъ сала для сосанія, затѣмъ завертываютъ его въ войлокъ и кладутъ въ люльку, похожую на ящикъ. Если родились близнецы, то стар-

шимъ ребенкомъ считается тотъ, который позже появился на свѣтъ. Это воззрѣніе калмыки объясняютъ довольно оригинально. Дѣло въ томъ, что если двумъ братьямъ нужно выйти изъ юрты, то, по обычаю, долженъ выйти сперва младшій, отворить дверь и ждать старшаго брата. Такъ и при рожденіи: кто явился первымъ на свѣтъ, тотъ и младшій.

Когда калмыкъ становится совершеннолѣтнимъ, отецъ пріискиваетъ ему невѣсту. Съ этою цѣлью онъ подъ какимъ-либо вымышленнымъ предлогомъ ѣдетъ въ чужой улусъ и собираетъ свѣдѣнія о тамошнихъ невѣстахъ. Выбравъ изъ числа послѣднихъ понравившуюся ему дѣвушку, онъ снова пріѣзжаетъ въ улусъ, но уже вмѣстѣ съ сыномъ и является къ родителямъ невѣсты. Если послѣднимъ женихъ не нравится, они намеками даютъ ему знать объ этомъ, и гости уѣзжаютъ обратно; если же они согласны выдать за него свою дочь, то различными обрядами настолько прочно закрѣпляютъ будущій бракъ, что послѣ этого жениху почти не представляется возможности отказаться отъ него.

По смерти калмыка семья его перебирается въ другую юрту. Духовныхъ и знатныхъ покойниковъ калмыки сжигаютъ, всѣхъ же другихъ зарываютъ въ землю, причемъ трупу покойника даютъ сидячее положеніе, съ поджатыми ногами.

Сибирскіе *татары*—потомки тѣхъ татаръ, которыхъ русскіе встрѣтили при покореніи Сибири. Въ настоящее время ихъ насчитывается около 90 тысячъ. Живутъ они преимущественно въ Тобольской, Томской и Енисейской губерніяхъ; встрѣчаются также въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ и въ восточной Сибири. Они раздѣляются на нѣсколько племенъ, замѣтно отличающихся одно отъ другого образомъ жизни, обычаями и т. п. Большая часть татаръ ведетъ осѣдлый образъ жизни; меньшая же часть ихъ, именно татарскія пле-

мена, живущія въ Енисейской губерніи, продолжаютъ еще вести полукочевой образъ жизни.

Сибирскіе татары занимаются различными промыслами. Такъ, многіе изъ нихъ обрабатываютъ землю. Во время полевыхъ работъ въ татарскихъ селеніяхъ можно видѣть только старухъ и дѣтей, неспособныхъ къ работѣ; остальные же работаютъ на сѣнокосѣ или на пашнѣ. Вторымъ промысломъ татаръ служитъ скотоводство. Они разводятъ лошадей, коровъ, овецъ. Въ связи съ разведеніемъ лошадей находится извозчичій промыселъ. Рѣдкій изъ татаръ, живущихъ по большимъ трактамъ, не занимается извозомъ. Но наиболѣе любимый промыселъ ихъ—торговля. Предметомъ ея служатъ: бумажныя и шерстяныя ткани, шелковыя матеріи, чай, фрукты, шерсть, кожа, сало и т. п. Все это татары сбываютъ или на ярмаркахъ, или изъ своихъ лавокъ, находящихся во многихъ городахъ Сибири. Между татарами встрѣчаются и охотники, но охота не составляетъ главнаго ихъ промысла. Болѣе прибыльнымъ является рыболовство на рѣкахъ и озерахъ Сибири.

Осѣдлые татары живутъ въ избахъ, иногда довольно приличныхъ. Что же касается полукочевыхъ, то они въ зимнія времена скрываются въ деревянныхъ хижинахъ съ земляной крышей, а на лѣто ставятъ войлочныя или берестовыя юрты. Внутреннее устройство ихъ хижинъ и юртъ большею частью бываетъ таково: противъ входа, на нарахъ, помѣщается постель хозяина; надъ нарами придѣланы шесты, на которыхъ виситъ праздничная одежда; по стѣнамъ устраиваются полки, на которыхъ помѣщаются хозяйственныя принадлежности: на лѣвой или мужской сторонѣ складываются сѣдла, сбруя и вообще вещи, необходимыя для мужчинъ, а на правой или женской сторонѣ разставляется деревянная, глиняная и мѣдная посуда: ведра, калки, корыта, горшки котлы и т. п. Посреди юрты устраивается очагъ, надъ которымъ виситъ котелъ для приготовленія пищи. Около

очага ставится низенькій столикъ, за которымъ татары сидятъ на полу во время ѣды.

Одежда татаръ состоитъ изъ бешмета и халата, а зимою—изъ овчинной шкуры; на бритую голову надѣвается аракчинъ, а сверхъ него—суконная шапка или войлочный колпакъ съ заворочешою кверху задпею частью. Татарскія женщины особенно любятъ наряды. Ихъ шапки и халаты бываютъ обшиты позументомъ. На концахъ косъ навѣшиваются металлическія украшенія, состоящія преимущественно изъ монетъ. Въ ушахъ татарки носятъ серьги, на шеѣ—ожерелья, на рукахъ — браслеты.

Пищей татаръ служитъ конина, говядина, баранина, рыба, хлѣбъ, овощи и молочные продукты. Мясо и рыбу варятъ съ крупой или жарятъ на вертелѣ. Любимымъ напиткомъ татаръ является кирпичный чай, разбавляемый молокомъ. Сахаръ не составляетъ необходимой принадлежности къ чаю и употребляется только зажиточными татарами. Въ большомъ употребленіи у нихъ кумысъ, а также и *айранъ* — крѣпкій напитокъ, приготовляемый изъ коровьяго молока. Не пренебрегаютъ татары и аракой, т. е. водкой, перегопяемой изъ кумыса.

Большая часть татаръ исповѣдуетъ магометанскую религію. Почти въ каждомъ болѣе или менѣе многолюдномъ селеніи находится мечеть; кромѣ того, имѣется школа, гдѣ мальчики обучаются грамотѣ и знакомятся съ ученіемъ корана. Но есть среди татаръ и язычники. Таковы, напр., татары, живущіе въ Томской и Енисейской губерніяхъ. Они признаютъ два начала: доброе и злое. Доброе начало называется *Кудай*, а злое—*Ирлыкханъ*. Какъ представитель свѣта, Кудай любитъ только бѣлое, а потому ему приносятъ въ жертву исключительно бѣлыхъ животныхъ. Онъ обитаетъ на вершинахъ горъ и въ небольшихъ красивыхъ лѣскахъ. Что же касается злого бога—Ирлыкхана, то онъ имѣетъ свое обиталище подъ землею, во тьмѣ. Какъ у одного, такъ и

у другого, есть свои подчиненные духи, которые или помогаютъ или вредятъ людямъ.

Переходимъ къ описанію семейныхъ обрядовъ нѣкоторыхъ сибирскихъ татаръ.

У татаръ, живущихъ въ Енисейской губерніи, бракъ совершается при слѣдующихъ обрядахъ. Татаринъ, желающій женить сына на дочери своего знакомаго, ѣдетъ въ сопровожденіи родственниковъ къ нему въ улусъ, причемъ беретъ съ собою бутылку айрака, новую китайскую трубку и табакъ. Прибывъ въ улусъ отца невѣсты, гости входятъ въ юрту. Послѣ продолжительнаго разговора объ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ, отецъ жениха объявляетъ отцу невѣсты о цѣли своего пріѣзда. Затѣмъ онъ набиваетъ табакомъ привезенную съ собою трубку, ставитъ ее возлѣ очага и выходитъ изъ юрты. Возвратившись, онъ осматриваетъ, выкурена ли трубка. Если трубка не тронута, это означаетъ, что родители не желаютъ выдать за жениха свою дочь; если же изъ нея курили, это означаетъ, что они соглашаются выдать ее. Отецъ жениха наливаетъ чарку айрака, одинъ изъ родственниковъ его набиваетъ трубку, а другой беретъ изъ очага уголекъ или даже цѣлую головню. Отецъ невѣсты высказываетъ словесно согласіе выдать свою дочь за жениха, затѣмъ выпиваетъ чарку айрака, беретъ приготовленную ему трубку и закуриваетъ ее углемъ, подаваемымъ родственникомъ жениха. Начинается угощеніе, причемъ отецъ жениха усиленно торгуется о калымѣ. По окончаніи переговоровъ, женихъ беретъ руку невѣсты, и оба падаютъ въ ноги ея отцу. Этотъ послѣдній поднимаетъ ихъ и, обращаясь къ дочери, говоритъ: „да, дочь, выходи замужъ“. Въ назначенный для бракосочетанія день родные и знакомые собираются въ юрту родителей невѣсты, и начинается пиръ. Послѣ угощенія молодые прощаются съ родителями и родственниками и, получивъ ихъ благословеніе, отправляются въ улусъ молодого, гдѣ уже приготовлена для нихъ особая юрта.

У качинскихъ татаръ сохранился обрядъ похищенія невѣсты. Въ назначенный день женихъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ отправляется верхомъ къ улусу невѣсты. Подъѣхавъ къ нему, всадники прячутся. Когда же совершенно стемнѣетъ, то трое или четверо изъ незнакомыхъ родителямъ невѣсты человѣкъ отправляются въ юрту и просятся переночевать. Высмотрѣвъ затѣмъ, гдѣ лежитъ невѣста, или подкарауливъ ее какъ-нибудь, когда она выйдетъ на улицу, они въ благопріятный моментъ схватываютъ ее, завертываютъ ей голову, перекидываютъ ее черезъ сѣдло и мчатся въ степь, давши свистомъ сигналъ жениху и другимъ товарищамъ. Какъ бы, однако, тайно не было сдѣлано похищеніе, все-таки весь улусъ скоро подымается на ноги, каждый хватаетъ что попало и, перегоняя другъ друга, всѣ пускаются въ степь за похитителями. Обыкновенно, лошади у жениха отборныя, у догоняющихъ же всякій сбродъ; поэтому похитителей не легко бываетъ догнать, и они благополучно возвращаются въ улусъ жениха. Но если догонятъ, то происходитъ свалка: бьютъ другъ друга кнутами, палками, швыряютъ другъ на друга камни, такъ что иногда случается, что и отбиваютъ невѣсту. Примчавшись въ улусъ жениха, невѣсту снимаютъ съ лошади, вталкиваютъ ее вмѣстѣ съ женихомъ въ юрту, а ко входу приставляютъ караулъ. Между тѣмъ, въ тотъ или на другой день отъ родителей невѣсты посылаются къ новобрачнымъ посредники. Подъѣхавъ къ ихъ юртѣ, они молча и съ сердитымъ видомъ соскакиваютъ съ лошадей и торопливо подходятъ къ юртѣ. Караульные, кланяясь въ поясъ, заграждаютъ имъ дорогу. Посредники бьютъ караульныхъ; но тѣ, не сопротивляясь, продолжаютъ униженно кланяться и при каждомъ ударѣ усердно просятъ ихъ выпить вина. Вмѣстѣ съ тѣмъ, караульные просятъ лично допросить молодую о ея согласіи. Когда молодая изъявитъ согласіе, начинается уговоръ съ родителями жениха относительно

калыма, который долженъ быть или немедленно уплаченъ, или обѣщанъ къ извѣстному сроку по обоюдному согласію. Вскорѣ послѣ этого, родители молодого въ сопровожденіи постороннихъ людей и съ приличнымъ запасомъ вина отправляются къ родителямъ молодой. Послѣдніе встрѣчаютъ ихъ съ суровымъ видомъ, по нѣскольку разъ выбиваютъ у угощающихъ чашки съ виномъ, наконецъ, схватываютъ отца новобрачнаго и жестоко бьютъ его плетью. Побои бываютъ иногда такъ сильны, что нѣкоторые черезъ нѣсколько сутокъ умираютъ отъ нихъ. Когда этотъ варварскій искусъ кончится, начинается мировая попойка. Наконецъ, дня черезъ три сами новобрачные отправляются къ тестю. Тотъ, встрѣтивъ зятя, преспокойно нагибаетъ его, схвативъ одною рукою за волосы, и даетъ ему въ спину два-три полновѣсныхъ удара плетью. Этимъ и оканчиваются свадебные обряды.

Рожденіе ребенка празднуется иногда у татаръ, особенно у звѣропромышленниковъ, выстрѣлами, чтобы новорожденный былъ хорошимъ стрѣлкомъ. Новорожденному дается первое попавшееся имя — животнаго, человѣка, даже какой-нибудь вещи, такъ что у татаръ есть, напр., такіе имена: „червь“, „запасъ“, „казакъ“ (русскій), „молокапъ“ и т. п.

Покойника татары обмываютъ, одѣваютъ въ лучшее платье и затѣмъ кладутъ въ гробъ, выдолбленный изъ колоды; сюда же кладутъ табакъ, вино и вообще всѣ любимыя вещи покойника. Послѣ этого, гробъ ставятъ въ сани, крѣпко привязываютъ и быстро везутъ на мѣсто погребенія. Могилу, обыкновенно, начинаютъ копать послѣ того, какъ покойника привезутъ на кладбище. Надъ могилой богатаго колютъ его любимую лошадь. Когда покойника зароютъ, начинаются поминки, во время которыхъ пьютъ и ѣдятъ. Опѣ бываютъ на девятый, сороковой день, чрезъ полгода и годъ послѣ смерти.

Киргизы кочуютъ на огромномъ пространствѣ отъ

Каспійскаго моря и рѣки Урала до хребта Тянь-шаня и рѣки Иртыша. Всѣхъ ихъ насчитывается около 2½ милліоновъ человѣкъ.

Главное занятіе киргизовъ состоитъ въ скотоводствѣ. Они разводятъ преимущественно овецъ, лошадей, верблюдовъ, а также и рогатый скотъ. Занимаясь скотоводствомъ, киргизы поставлены въ необходимость перекочевывать съ мѣста на мѣсто. Съѣлъ скотъ траву въ одномъ мѣстѣ,—и киргизъ, забравъ свой домашній скарбъ, перекочевываетъ на другое. Слѣдуетъ замѣтить, что киргизы смотрятъ на кочевой образъ жизни, какъ на самый нормальный для человѣка. Когда профессоръ Вамбери спросилъ у одной киргизки, зачѣмъ они перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, она удивилась вопросу и со смѣхомъ отвѣчала: „Мы не такъ лѣнивы, какъ вы, молла! Намъ не усидѣть по цѣлымъ днямъ на одномъ мѣстѣ. Человѣкъ долженъ двигаться; потому что,—посудите сами,—солнце, мѣсяцъ, звѣзды, вода, животныя, птицы, рыбы—все движется, только земля и мертвые остаются на мѣстѣ“! Кромѣ скотоводства, многіе киргизы занимаются хлѣбопашествомъ. Они сѣютъ овесъ, рожь, пшеницу, а въ южныхъ степяхъ разводятъ даже бахчи съ арбузами и дынями. Занимаются киргизы также охотой и рыболовствомъ; но это занятіе не составляетъ у нихъ промысла, а скорѣе служитъ развлеченіемъ.

Жилищемъ киргизовъ служитъ юрта. Остовъ ея дѣлается изъ жердей и покрывается снаружи кошмами. Вверху оставляется отверстіе для выхода дыма. Дверь у юрты или деревянная или войлочная. Если она открыта, то это значитъ, что хозяинъ—дома и что къ нему можетъ войти каждый; если же она закрыта, то это означаетъ, что хозяинъ или спитъ, или его нѣтъ дома. Посрединѣ юрты, подъ верхнимъ отверстіемъ, устраивается изъ камней очагъ, который зимой служитъ для освѣ-

щенія и согрѣванія юрты. Надъ очагомъ обыкновенно виситъ котелъ, въ которомъ киргизы варятъ пищу.

Одежда киргизовъ состоитъ изъ халата съ длинными рукавами. По халату они подпоясываются ременнымъ поясомъ, на которомъ обыкновенно виситъ ножъ и кисетъ съ огнивомъ и кремнемъ. На головѣ носятъ ермолку, поверхъ которой надѣваютъ лѣтомъ остроконечную войлочную шляпу съ выгнутыми кверху полями, а зимой—мѣховой малахай съ надзатыльникомъ и наушниками. На ноги надѣваютъ кожаныя или бумажныя панталоны и сапоги. Киргизки носятъ бешметъ, украшенный костяными или металлическими пуговицами или блестками. Голову замужнія женщины повязываютъ большимъ бѣлымъ покрываломъ, концы котораго опускаются на плечи и спину. На лобъ, подъ покрывало, онѣ надѣваютъ накладку, обшитую мѣхомъ и украшенную серебряными монетами. Дѣвушки носятъ на головѣ шапочку изъ лисьяго мѣха, верхушка которой покрывается различнаго рода украшеніями. Волосы свои какъ замужнія, такъ и дѣвушки заплетаютъ, первыя—въ три косы, а вторыя—въ нѣсколько тоненькихъ косъ, украшенныхъ монетами и блестками. Шею киргизки, особенно дѣвушки, любятъ украшать бусами, монетами, а пальцы—перстнями съ камнями.

Пищей киргизовъ служитъ баранье, лошадиное и верблюжье мясо, которое ѣдятъ вареным или копченымъ; самымъ вкуснымъ они находятъ мясо молодыхъ жеребятъ. Изъ молочной пищи киргизы употребляютъ *ямчикъ* и *крутъ*—сыръ, который ѣдятъ въ сухомъ видѣ или разбавленнымъ водой. Изъ мучной пищи приготовляютъ такъ называемый *бауракъ*—лепешки изъ пѣснаго тѣста, изжаренныя въ салѣ. Приготовляютъ также *кужу* или *бутку*—пшеничную или просяную похлебку. Главный напитокъ киргизовъ –кумысъ, который приготовляется такъ: лошадиное молоко вливаютъ въ сабу и прибавляютъ къ нему небольшое количество кислаго

молока или крута. Смѣсь эту время отъ времени взбалтываютъ деревянной колотушкой. Черезъ два или три дня кумысъ готовъ, и его начинаютъ пить. Кромѣ кумыса, у киргизовъ въ большомъ употребленіи чай.

Киргизы исповѣдуютъ магометанскую религію, которая распространена между ними бухарскими и туркестанскими магометанами. Но, исповѣдуя эту религію, они не оставили и языческихъ вѣрованій. Такимъ образомъ, религія ихъ представляетъ смѣсь магометанства съ язычествомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ киргизской степи есть мечети; по киргизамъ вслѣдствіе кочевого образа жизни рѣдко приходится бывать въ нихъ. Не всегда они обращаются къ муллямъ и для совершенія религіозныхъ требъ; даже бракъ у нихъ совершается иногда безъ участія муллы.

Изъ предписаній магометанской религіи болѣе аккуратно выполняется киргизами постъ *рамазанъ* (въ память дарованія корана), бывающій лѣтомъ и продолжающійся цѣлый мѣсяцъ. Въ теченіе его по днямъ киргизы ничего не ѣдятъ и не пьютъ; съ заходомъ же солнца всѣ поспѣшно совершаютъ омовеніе, читаютъ молитву и принимаются пить кумысъ и ѣсть мясо. Съ этого времени до самаго разсвѣта они только то и дѣлаютъ, что ѣдятъ, пьютъ, поютъ пѣсни и вообще веселятся. Съ разсвѣтомъ же ложатся спать и спятъ какъ можно долѣе, чтобы тѣмъ сократить голодный день.

Между языческими вѣрованіями киргизовъ обращаетъ на себя вниманіе ихъ вѣра въ то, что каждый день находится подъ покровительствомъ счастливой или несчастной звѣзды, отчего и самые дни раздѣляются на благополучные и неблагополучные. Далѣе, они признаютъ священными нѣкоторыя скалы, источники и деревья, одиноко растущія въ степи. Проѣзжая мимо предмета или мѣста, признаваемаго святымъ, киргизъ слѣзаетъ съ коня, совершаетъ молитву и оставляетъ какое-нибудь приношеніе: лоскутокъ матеріи, пучекъ конскихъ

волосъ и т. п. Наконецъ, многіе киргизы вѣрятъ въ *Шайтана* (злого духа), который причиняетъ людямъ зло и наталкиваетъ ихъ на все худое. Если кто-нибудь совершилъ преступленіе, то киргизы говорятъ про него, что его Шайтанъ соблазнилъ или „Шайтанъ сѣлъ ему на шею".

Отмѣтимъ важнѣйшіе бытовые обряды киргизовъ.

При свадьбѣ совершаются слѣдующіе обряды: отецъ жениха посылаетъ къ родителямъ невѣсты сватовъ, которые условливаются о количествѣ калыма. Послѣ этого родители невѣсты въ свою очередь отправляютъословъ къ родителямъ жениха. Послы получаютъ условленный калымъ и возвращаются въ аулъ невѣсты; вслѣдъ затѣмъ совершается самый обрядъ бракосочетанія. Жениха и невѣсту вводятъ въ юрту, причемъ послѣднюю ставятъ за особую занавѣску. Мулла спрашиваетъ ихъ, желаютъ ли они вступить въ бракъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ прочитываетъ молитву, дуетъ на приготовленную воду и дастъ ее пить жениху, невѣстѣ и свидѣтелямъ. Послѣ брака отецъ невѣсты обращается къ ней со словами: „живи такъ, чтобы меня не проклинали". Затѣмъ, обратившись къ зятю, говоритъ: „не оскорбляй жены, чтобы не омрачить моей славы". Молодая уходитъ въ другую юрту и переодѣвается въ одежду замужней женщины (повязываетъ голову бѣлымъ покрываломъ). Вслѣдъ затѣмъ новобрачные отправляются въ аулъ мужа, а за ними везутъ приданое. Съ приближеніемъ поѣзда къ аулу, новобрачныхъ встрѣчаетъ свекровь съ своими родственницами и знакомыми и вводитъ ихъ въ особо приготовленную юрту. Затѣмъ чрезъ гонцовъ приглашаются гости, и устрояется пиршество.

Похороны у киргизовъ совершаются при слѣдующихъ обрядахъ. О смерти покойника гонцы извѣщаютъ родственниковъ и знакомыхъ. Тѣ и другіе спѣшатъ навѣстить его; вошедши въ юрту, они прочитываютъ установленную молитву и отходятъ въ сторону. Трупъ обмы-

ваютъ, обвертываютъ въ бумажную матерію и бѣлый войлокъ и обвязываютъ тесьмой. Затѣмъ кладутъ его на коверъ и отдѣляютъ отъ остальнаго пространства юрты запавѣской. Хоронятъ покойника въ день его смерти; если же этотъ день, по вѣрованію киргизовъ, несчастный (вторникъ, пятница и воскресенье), то похороны откладываются до слѣдующаго дня. Когда все готово для похоронъ, трупъ везутъ или несутъ на мѣсто погребенія. Могилу роютъ возлѣ дороги или рѣки, чтобы удобнѣе было посѣщать ее. Жена и дочери въ погребальной церемоніи не участвуютъ; онѣ остаются въ особой юртѣ и во всю мочь голосятъ и причитываютъ. Вдова покойнаго, кромѣ того, въ знакъ своей особой печали, царапаетъ себѣ до крови лицо и руки. Покойника помѣщаютъ въ могилѣ лицомъ къ Меккѣ, а самую могилу закладываютъ досками и засыпаютъ землей. Прочитавъ затѣмъ молитву и убивъ барана или лошадь, всѣ возвращаются въ юрту, гдѣ происходитъ угощеніе мясомъ убитаго животнаго. Вдова умершаго не принимаетъ участія въ угощеніи. Въ знакъ печали она въ первые дни послѣ смерти мужа не должна даже ѣсть днемъ, а только ночью. На третій, седьмой, сороковой день и чрезъ годъ послѣ смерти совершаются поминки по покойникѣ, причемъ бываетъ угощеніе приглашенныхъ гостей.

ГЛАВА III.

Историческій очеркъ распространенія христіанства въ Западной Сибири.

Насажденіе христіанства въ западной Сибири началось, можно сказать, съ самыхъ первыхъ шаговъ русской жизни во вновь пріобрѣтенной странѣ. Мѣста своихъ осѣдлостей русскіе поселенцы прежде всего отмѣчали крестомъ; съ теченіемъ времени за крестомъ явля-

лась часовня, а потомъ и церковь. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь появились и православные священники, которые имѣли своею цѣлію не только отправленіе божественной службы, но и распространеніе христіанства среди инородцевъ. Впрочемъ, миссіонерская дѣятельность не могла быть сколько-нибудь значительной тогда, когда каждую пядь земли приходилось брать и отстаивать силой, когда поступательное движеніе русскихъ встрѣчало на каждомъ шагу препятствія, сопротивленія.

Просвѣщеніе христіанствомъ сибирскихъ инородцевъ подвинулось нѣсколько впередъ, когда въ Сибири была учреждена особая епископская каѳедра — Тобольская (1620 г.). Первому архипастырю Сибири миссіонерство поставлялось въ непремѣнную обязанность. Не извѣстно, однако-же, чтобы первый архіепископъ сибирскій Кипріанъ и его ближайшіе преемники употребляли какія-либо особенныя усилія и мѣры къ обращенію инородцевъ. И это понятно. Всѣ заботы первыхъ пастырей были направлены на упорядоченіе нравственной жизни пасомыхъ. Русское населеніе увеличивалось быстро, а нравственное состояніе его было крайне безотрадно. Особенно много приходилось бороться архипастырямъ съ нравственною распущенностью русскаго общества со времени наплыва въ Сибирь переселенцевъ послѣ уничтоженія правъ знаменитаго Юрьева дня. Эти бѣглые переселенцы сильно злоупотребляли здѣсь своею свободою. Много-ли труда и времени можно было удѣлять сибирскимъ архипастырямъ на дѣло дальнѣйшаго распространенія христіанства среди инородцевъ, когда ихъ собственная паства, по словамъ граматы Московскаго патріарха Филарета къ архіепископу Кипріану, жила „не крестьянскими обычаями и не по преданьямъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отцевъ, но по своимъ сквернымъ похотямъ; многіе русскіе люди и крещеные иноземцы крестовъ на себѣ не носятъ и святыхъ постныхъ дней среды и пятковъ не хранятъ... и

ѣдятъ великія скверны съ басурманы, съ татары и съ остяки и съ вогуличи вмѣстѣ, и съ татарскими и съ остяцкими и вогулицкими погаными женами смѣшиваются и скверная дѣютъ; а иные живутъ съ татарками съ некрещеными, какъ есть съ своими женами и дѣти съ ними приживаютъ; а иные и горше того творятъ, поимаютъ за себя въ жены въ сродствѣ сестры свои родныя и двоюродныя и названныя и кумы крестныя, а иные на матери свои и дщери блудомъ посягаютъ и женятся на дщеряхъ и сестрахъ, еже ни въ поганыхъ и не знающихъ Бога не обрѣтается... а иные многіе служилые люди жены свои въ деньгахъ закладываютъ у своей братьи... и тѣ люди, у которыхъ онѣ бываютъ въ закладѣ, съ ними до срока, пока мѣсто, которыя жены мужъ не выкупитъ, блудъ творятъ беззазорно, а какъ тѣхъ женъ на сроки не выкупятъ, и они ихъ продаютъ, не бояся суда Божія... а попы сибирскихъ городовъ черные и бѣлые тѣмъ людямъ не запрещаютъ... а иные многіе люди мужи и жены въ болѣзнѣхъ постригаются въ иноческій образъ, а потомъ оздравѣвъ живутъ въ домѣхъ своихъ по прежнему... Такими бо дѣлами, прибавляетъ патріархъ, имя Божіе, пареченное на насъ, въ языцѣхъ хулится".

Такимъ образомъ, въ XVII ст. миссіонерское дѣло не было и не могло быть поставлено на твердую почву. Архипастыри сибирскіе должны были заботиться не столько о дальнѣйшемъ распространеніи христіанства, сколько о проведеніи христіанскихъ началъ въ жизнь русскаго населенія. Начало XVIII ст. можетъ быть названо въ данномъ отношеніи болѣе блестящимъ. Въ это время явился на Тобольской каѳедрѣ архипастырь, который весьма широко поставилъ дѣло миссіонерства. По количеству обращенныхъ это время не можетъ быть сравниваемо даже съ нашимъ временемъ. Мы разумѣемъ миссіонерскую дѣятельность митрополита сибирскаго Филовея Лещинскаго.

Филоѳей Лещинскій родился въ 1650 году въ Малороссіи, образованіе получилъ въ знаменитой въ свое время Кіевской Коллегіи. По окончаніи курса ученія онъ былъ приходскимъ священникомъ, но чрезъ нѣсколько времени овдовѣлъ и поступилъ въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ былъ экономомъ и въ то же время строителемъ зависѣвшаго отъ лавры Брянскаго Свѣнскаго монастыря. 4-го января 1702 года онъ былъ посвященъ въ санъ митрополита Тобольскаго. Отправляясь въ Сибирь, Филоѳей взялъ съ собою нѣсколькихъ монаховъ, съ помощью которыхъ и занялся обращеніемъ язычниковъ въ христіанство.

Въ 1707 г. онъ отправилъ миссіонеровъ къ березовскимъ остякамъ. Долго миссіонеры проповѣдывали евангеліе въ березовскомъ краѣ, но проповѣдь ихъ имѣла очень мало успѣха. Остяки, по приверженности къ древнимъ вѣрованіямъ своихъ предковъ, не хотѣли и слышать о новой для нихъ вѣрѣ и съ ожесточеніемъ встрѣчали и провожали миссіонеровъ. Но все-таки эти послѣдніе крестили нѣсколькихъ язычниковъ.

Въ 1711 г. митрополитъ Филоѳей вслѣдствіе болѣзни отказался отъ Тобольской каѳедры, принялъ схиму (съ именемъ Ѳеодора) и удалился въ Тюменьскій монастырь. Впрочемъ, неутомимый архипастырь не долго оставался въ бездѣйствіи; получивъ облегченіе отъ болѣзни и въ то же время будучи свободенъ отъ управленія епархіею, онъ рѣшился самъ стать во главѣ миссіонерства и посвятить свою жизнь распространенію христіанства среди массы сибирскихъ инородцевъ. Вновь назначенный сибирскій митрополитъ Іоаннъ Максимовичъ и тобольскій губернаторъ князь Гагаринъ отнеслись сочувственно къ такому желанію Филоѳея Лещинскаго. Князь Гагаринъ предложилъ ему матеріальныя средства для проповѣди, а митрополитъ Іоаннъ далъ ему въ сотрудники священниковъ и монаховъ и снабдилъ церковною утварью. Такимъ образомъ, составилась *цер-*

ковная миссія для обращенія тобольскихъ инородцевъ подъ начальствомъ Филоѳея Лещинскаго.

Въ іюлѣ 1712 г. миссія отправилась изъ Тобольска внизъ по Иртышу и прибыла прежде всего въ городъ Самаровъ, гдѣ жили остяцкіе князьки и куда собирался остяцкій народъ на поклоненіе своему идолу. Здѣсь миссія и начала свою дѣятельность. Остяки упорствовали, ссылаясь на примѣръ своихъ предковъ; говорили, что имъ гораздо удобнѣе остаться при томъ, что они видѣли и слышали съ дѣтства, нежели учиться новому и что поэтому они не перемѣнятъ вѣры. Но мало-помалу, при настойчивости Филоѳея, народъ сталъ колебаться въ своей привязанности къ идолу, сдѣлался внимательнѣе къ проповѣди о Христѣ и, наконецъ, самъ сжегъ своего идола. На мѣстѣ послѣдняго миссіонеры поставили крестъ въ основаніе будущей церкви. Направляясь далѣе по Оби, миссіонеры крестили еще нѣсколько остяковъ и достигли даже Березова. Послѣ этого миссія возвратилась въ Тобольскъ.

На первый разъ въ христіанство пріобрѣтено было не много остяковъ: крестились лишь нѣкоторые отцы семействъ. При новыхъ усиліяхъ естественно было ожидать и поваго, большаго успѣха. Поэтому въ 1713 г. Филоѳей Лещинскій вмѣстѣ съ своими сотрудниками предпринялъ *второе миссіонерское путешествіе* по Иртышу, имѣя цѣлію утвержденіе новообращенныхъ, равно какъ и привлеченіе необратившихся остяковъ въ православную вѣру. На этотъ разъ проповѣдь миссіонеровъ сопровождалась полнымъ успѣхомъ. Достаточно указать на то, что жители Малаго Атлыма сами вышли на встрѣчу миссіи и всѣ охотно крестились, кромѣ 30 человѣкъ, которые заранѣе убѣжали въ Обдорскъ, не желая принять новую вѣру. Такъ христіанство мало-по-малу брало верхъ надъ язычествомъ. Но миссіонеры, пріобрѣтая христіанству однихъ, естественно вызывали сопротивленіе въ другихъ, упорно стоявшихъ за свою вѣру. Центромъ

сопротивленія остяцкаго язычества сдѣлался Большеатлымскій городокъ, жители котораго оказались упорными до чрезвычайности: завидѣвъ миссіонеровъ, они собрались на берегъ съ луками въ рукахъ и угрожали митрополиту Филоѳею, какъ начальнику миссіи, смертію. „Отыди отъ насъ, старецъ, кричали они; не принимаемъ твоей вѣры, которая отвергаетъ нашихъ боговъ, уважаемыхъ отцами нашими и дѣдами". Между тѣмъ судно сильнымъ вѣтромъ бросило на мель, и Филоѳей, не обращая вниманія на свою старость, на свою болѣзненность и на угрозу язычниковъ, достигъ берега и безбоязненно вошелъ въ толпу остяковъ и началъ предъ ними проповѣдывать Евангеліе. Язычники въ ожесточеніи и упорствѣ! Они не внимаютъ его словамъ. Но чѣмъ болѣе было ожесточеніе, тѣмъ болѣе Филоѳей вооружался любовію къ этимъ заблудшимъ овцамъ и два дня предлагалъ имъ слова призывающей благодати. На третій день увѣщанія его не остались тщетными: язычники рѣшились принять православную вѣру, не исключая и возмущавшаго ихъ къ упорству шамана. Лишь онъ теперь препятствовалъ крещенію женъ и дѣтей остяцкихъ, говоря, что онѣ будутъ утоплены миссіонерами. „Потопите тогда меня, сказалъ митрополитъ остякамъ, если съ кѣмъ изъ васъ сіе случится; благодать Божія водою оживляетъ, а не умерщвляетъ человѣка". Послѣ этого язычники крестились. Не безплодны были труды миссіонеровъ и далѣе по пути къ Березову, такъ что въ эту поѣздку обращено было въ христіанство до 3,500 остяковъ.

Въ началѣ слѣдующаго 1714 года Филоѳей Лещинскій предпринялъ *третье миссіонерское путешествіе* и прежде всего прибылъ въ г. Пелымъ. Здѣсь проповѣдь его была обращена къ другому народу Тобольской епархіи—вогуламъ. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль миссія проповѣдывала Евангеліе собраннымъ здѣсь вогуламъ, но сначала мало имѣла успѣха. Лишь старшина во-

гульской волости съ нѣсколькими своими единоплеменниками принялъ христіанство. Примѣру ихъ послѣдовало еще нѣсколько человѣкъ. Вогулы же другихъ волостей оказались непослушными голосу призывающей благодати и даже смущали другихъ, желавшихъ креститься. Но мало-по-малу проповѣдь великаго схимника смягчила сердце идолопоклонниковъ, и большая часть пелымскихъ вогуловъ приняла христіанскую вѣру.—Рядомъ и даже среди вогульскихъ селеній жили и остатки кучумовыхъ подданныхъ — татары. Огорченные успѣхомъ христіанской проповѣди среди вогуловъ, которыхъ мусульмане думали обратить въ магометанство, они до того вооружили своихъ старшинъ противъ миссіи, что одинъ изъ нихъ хотѣлъ было даже убить Филовея, при возвращеніи его въ Тобольскъ. Но другой путь (на Тюмень), предпринятый митрополитомъ, избавилъ его отъ опасности.

Въ іюнѣ того же 1714 года Филовей Лещинскій предпринялъ *четвертое миссіонерское путешествіе*. Въ этотъ разъ онъ опять направился по Иртышу и Оби въ березовскій край, имѣя цѣлію какъ крещеніе остяковъ, живущихъ по обѣ стороны Оби, ближе и далѣе Березова, такъ и устройство церквей среди новокрещенныхъ. Сюда же устремились и мусульманскіе пропагандисты, которые до того настроили язычниковъ противъ православныхъ миссіонеровъ, что, когда послѣдніе прибыли въ бурепькинскіе чумы, тамошніе остяки встрѣтили ихъ съ оружіемъ въ рукахъ и начали стрѣлять въ нихъ изъ луковъ. Одному священнику они прострѣлили голову; келейнику Филовея пущенная стрѣла прошла сквозь плечи; монаху, воздѣвшему руки къ небу, были прострѣлены ладони... Видя такую опасность, сотрудники Филовея, бывшіе на судиѣ, ужаснулись и ушли внутрь его. Митрополитъ одинъ стоялъ на берегу. Опасно и трудно было его положеніе; но никакой страхъ не былъ въ состояніи поколебать его въ помощи Божіей. Онъ не

страшился стрѣлъ язычниковъ и среди разъяренныхъ дикарей проповѣдывалъ Христа. Но ярость язычниковъ достигла высшей степени. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Ушанко, не устрашился выстрѣлить изъ пищали въ самого Филовея, и послѣдній могъ пасть жертвою своей ревности; но пуля, направленная прямо въ сердце, прострѣлила только одежду схимника. Фанатики упорствовали, и миссіонеры направили свой путь къ Березову. Здѣсь они увидѣли множество остяковъ, собравшихся изъ разныхъ мѣстъ. Филовей открылъ проповѣдь Евангелія, и язычники не оказались упорными. Съ теплымъ словомъ и ссылкою на примѣръ новокрещенныхъ, онъ предложилъ проповѣдь о Христѣ князькамъ разныхъ волостей, и они приняли христіанскую вѣру, а по крещеніи ихъ рѣка Сосва сдѣлалась купелью остяковъ. Устроивъ для новокрещенныхъ четыре церкви и оставивъ при нихъ священниковъ, митрополитъ Филовей возвратился въ Тюмень.

Весною 1715 г. Филовей Лещинскій предпрнялъ *пятое миссіонерское путешествіе* и направилъ свой путь къ вогуламъ кондинскимъ, остававшимся еще въ язычествѣ. По прибытіи въ пахрачевскіе чумы, миссіонеры увидѣли много собравшихся вогуловъ во главѣ съ своимъ шаманомъ Нахрачею. Вогулы, приготовленные имъ, съ ожесточеніемъ встрѣтили миссіонерское судно и закричали: „Знаемъ, что ты пришелъ отвратить насъ отъ древней вѣры; напрасно трудишься, ни надъ однимъ изъ насъ не дадимъ совершить крещенія“. Но и здѣсь миссіонерскій тактъ Филовея взялъ верхъ надъ язычниками, и проповѣдь евангелія восторжествовала надъ ними. Одинъ изъ старшинъ, по имени Носнжухъ, нѣсколько дней внимательно слушавшій слово Божіе, первый изъявилъ желаніе креститься. Примѣръ подѣйствовалъ и на другихъ. Въ концѣ концовъ и Нахрача, повинуясь общему теченію, крестился вмѣстѣ со своимъ сыномъ. На пути сюда миссіонеры еще имѣли нѣко-

торый успѣхъ: они обратили въ христіанство нѣсколькихъ язычниковъ вогуловъ. Но достигнувъ сатыгинскихъ чумовъ, миссія увидѣла до 600 вооруженныхъ вогуловъ во главѣ съ своимъ княземъ. Кротко привѣтствовавъ князька и все собраніе неустрашимый Филоѳей объявилъ имъ, что онъ исполняетъ волю Государя, который желаетъ, чтобы всѣ подданные его исповѣдывали истинную христіанскую вѣру. Язычники и здѣсь очень долго не соглашались оставить свою вѣру, но, наконецъ, послѣ долгихъ увѣщаній и колебаній, всѣ они приняли крещеніе. Миссіонеры отъ радости при побѣдѣ воспѣли благодарственную пѣснь Богу и заложили въ сатыгинскихъ чумахъ храмъ во имя Срѣтенія Господня.

Въ началѣ іюня 1715 г. Филоѳей возвратился въ Тобольскъ. Тогда же скончался и Тобольскій митрополитъ Іоаннъ Максимовичъ, послѣ котораго тобольская паства снова ввѣрена была для управленія Филоѳею Лещинскому (1715 — 1720 гг.). Вступивъ вторично въ управленіе тобольскою паствою, ревностный и неутомимодѣятельный Филоѳей не оставилъ и теперь своихъ заботъ объ инородцахъ язычникахъ и новокрещенныхъ и по прежнему оставался во главѣ миссіонерскаго дѣла. Онъ опредѣлялъ особыхъ миссіонеровъ для обращенія инородцевъ западной Сибири и въ то же время самъ предпринималъ поѣздки по своей епархіи.

Для большаго укрѣпленія новокрещенныхъ въ истинахъ вѣры, Филоѳей заботился и о просвѣщеніи ихъ. Съ этою цѣлью онъ бралъ у крещеныхъ инородцевъ дѣтей и обучалъ ихъ въ Тобольскѣ. Послѣ нѣкотораго обученія, одни изъ инородцевъ опять возвращались къ своимъ родителямъ, а другіе, продолживъ образованіе въ славяно-латинской школѣ, назначались въ причетники, діаконы и священники въ мѣста своей родины, гдѣ и содѣйствовали, какъ обращенію въ христіанство, такъ и утвержденію въ немъ своихъ сородичей.

Въ сентябрѣ 1721 года митрополитъ Филоѳей былъ снова уволенъ на покой. Удалившись въ Тюменьскій монастырь, онъ и теперь, не смотря на свою старость и болѣзненность, не переставалъ заботиться о новокрещенныхъ. На этотъ разъ дѣятельность святителя выразилась въ защитѣ послѣднихъ отъ обидъ со стороны неблагопамѣренныхъ русскихъ людей—главнымъ образомъ, сборщиковъ податей, извлекавшихъ свои выгоды изъ простоты инородцевъ.

Жизнь митрополита Филоѳея догорала, но пламя ревности къ распространенію христіанства еще не погасало въ немъ;—и вотъ, въ концѣ своей многотрудной и многоплодной жизни, святитель въ послѣдній разъ (1726 г.) отправился въ Обдорскъ, чтобы проповѣдать тамъ евангеліе остальнымъ остякамъ. Проѣзжая по Иртышу и Оби мимо остяцкихъ селеній, онъ обозрѣвалъ устроенныя церкви, заповѣдывалъ священникамъ достойно пасти врученное имъ стадо, бесѣдовалъ съ новокрещенными о началахъ воспринятой ими вѣры и т. п. Остяки вездѣ выходили къ нему на встрѣчу и привѣтствовали его, вездѣ принимали его, какъ благодѣтеля своего, какъ человѣка, посланнаго отъ Бога. Наконецъ, судно митрополита Филоѳея достигло Обдорска. Но здѣсь онъ увидѣлъ болѣе сотни вооруженныхъ остяковъ, которые съ бранью кричали, чтобы архіерей не подъѣзжалъ къ нимъ, и даже стрѣляли въ него изъ луковъ. Сколько ни убѣждалъ ихъ Филоѳей, сколько ни старался склопить ихъ къ принятію христіанства, но фанатики не желали и слушать его, не допустивъ судна къ берегу. Тогда незлобивый старецъ повернулъ обратно, а 31 мая 1727 года его не стало.

Митрополитъ Филоѳей Лещинскій безспорно можетъ быть названъ апостоломъ западной Сибири. „Сей архіерей,—писалъ о скончавшемся его преемникъ по митрополичьей каѳедрѣ, Антоній Стаховскій,—труды евангельской проповѣди отправлялъ по смерть свою; окре-

стилъ въ Сибири до 40,000 язычниковъ и построилъ для нихъ до 37 церквей. Всѣ инородцы призваны имъ въ христіанство не принужденіемъ, не страхомъ, не иными какими-либо прещеніями, но „точію евангельскою проповѣдію и своими трудами". И, дѣйствительно, ни прежде, ни послѣ Филовея на Тобольской каѳедрѣ не было личности, равной ему по ревности обращенія инородцевъ въ православную вѣру. Онъ объѣхалъ съ проповѣдью о Христѣ большую часть западной Сибири и даже побывалъ въ восточной. Благодаря его неутомимымъ трудамъ, десятки тысячъ не знавшихъ имени Христа познали Его и были введены въ Его благодатное царство; 37 церквей, среди этихъ познавшихъ истинную христіанскую вѣру, сдѣлались для нихъ необуреваемымъ пристанищемъ; 37 пастырей поставлены были къ этимъ церквамъ, которые и докончивали дѣло обращенія язычниковъ.

Много инородцевъ было обращено въ христіанство трудами митрополита Филовея и его помощниковъ, но еще болѣе того ихъ оставалось въ обширной тогдашней Тобольской епархіи. Преемникамъ его поэтому оставалось дѣла еще достаточно. Но, къ сожалѣнію, послѣ Филовея Лещинскаго миссіонерское дѣло падаетъ все болѣе и болѣе и, наконецъ, почти совсѣмъ прекращается. Обращенія язычниковъ хотя и случаются, но уже какъ единичные примѣры. Попадаются даже случаи и обратнаго перехода въ язычество, противъ чего принуждены были часто принимать полицейскія мѣры. Среди самихъ миссіонеровъ не видно ни одного талантливаго, ни одного съ какими-нибудь миссіонерскими способностями. Дѣло окончилось тѣмъ, что на рубежѣ XIX ст. (1799 — 1800 гг.), вслѣдствіе одного волненія между инородцами восточной части Европейской Россіи (по случаю разнесшагося между ними слуха, будтобы ихъ хотятъ крестить насильно),правительство совсѣмъ запретило посылать къ инородцамъ проповѣдниковъ

безъ предварительнаго сношенія объ этомъ съ губернаторами, а отправленнымъ ранѣе велѣно было возвратиться назадъ. Этой судьбѣ подверглось миссіонерство и въ западной Сибири: оно было пріостановлено тамъ. Вслѣдствіе этого въ дѣлѣ распространенія христіанства произошелъ полный застой. Имѣются свидѣтельства о состояніи крещенныхъ инородцевъ, относящіяся уже къ началу тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, которыя ясно показываютъ, въ какомъ упадкѣ находилось просвѣщеніе сибирскихъ инородцевъ христіанскою вѣрою. Многіе изъ крещенныхъ инородцевъ, говорятъ эти памятники, понятія о вѣрѣ Христовой не имѣютъ, дома молятся идоламъ, въ рѣдкихъ жилищахъ имѣется икона, да и та содержится въ небреженіи, крещенные не умѣютъ изобразить на себѣ крестнаго знаменія, не знаютъ никакихъ молитвъ, нѣкоторые не бывали въ церкви съ самаго крещенія и даже рѣдкіе помнятъ свои имена, данныя имъ при крещеніи и пр.

Подобное безотрадное состояніе миссіонерскаго дѣла обратило на себя вниманіе высшаго духовнаго и мѣстнаго епархіальнаго начальства. И вотъ, послѣ столѣтняго застоя, въ XIX вѣкѣ снова начинается оживленіе миссіонерства, выразившееся въ учрежденіи различныхъ миссій и въ новой постановкѣ миссіонерскаго дѣла.

Въ 1827 г. Тобольскій архіепископъ Евгеній Казанцевъ, въ виду жалкаго состоянія миссіонерства въ западной Сибири, представилъ въ Святѣйшій Синодъ ходатайство объ учрежденіи въ Тобольской епархіи особыхъ миссій съ тѣмъ, чтобы одна изъ нихъ дѣйствовала на инородцевъ, обитающихъ на сѣверѣ, а другая—на инородцевъ, живущихъ на югѣ. Синодъ утвердилъ это представленіе архіепископа Евгенія. Вслѣдствіе этого въ западной Сибири въ началѣ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія образовалось двѣ миссіи—сѣверная и южная, которыя послужили началомъ къ открытію и многихъ другихъ.

Сѣверная или *обдорская миссія*, сформировавшаяся въ 1832 году, имѣла цѣлью обращеніе язычниковъ и утвержденіе въ христіанскихъ понятіяхъ новокрещенныхъ инородцевъ, обитающихъ на сѣверѣ Тобольской епархіи, т. е. остяковъ и самоѣдовъ. На поприщѣ евангельской проповѣди, среди этихъ язычниковъ рѣшился трудиться іеромонахъ Боровскаго Пафнутіева монастыря Макарій, который и былъ назначенъ начальникомъ миссіи. 17-го мая 1832 г. миссіонеры отправились изъ Тобольска къ мѣсту своей дѣятельности, въ Обдорскъ, изъ котораго они и начали свою дѣятельность. Труды миссіонеровъ не оставались безуспѣшными: ими крещено было нѣсколько самоѣдовъ и остяковъ. Но вскорѣ дѣятельность миссіи должна была прекратиться. Между инородцами разнесся ложный слухъ, будто-бы миссіонеры хотятъ крестить ихъ насильно, и потому большая часть инородцевъ не хотѣла пріѣзжать въ Обдорскъ не только за покупкою нужныхъ себѣ припасовъ, но и для отдачи ясака (подати). Инородцы говорили тобольскому губернатору, что ежели миссіонеръ не выѣдетъ изъ Обдорска, то ихъ никогда не увидятъ, ибо „мы боимся, добавляли самоѣды, дабы они насъ не крестили“. Мало того, инородцы даже силою стали отстаивать свою вѣру; и въ такомъ настроеніи ихъ поддерживалъ одинъ остяцкій князь Тайшинъ, хоть онъ уже былъ и христіаниномъ. 11-го января іеромонахъ Макарій хотѣлъ было крестить одно самоѣдское семейство. Онъ уже готовился начать таинство, какъ вдругъ въ церковь врывается некрещеный самоѣдъ и зоветъ семейство къ князю Тайшину. За нимъ являются еще два самоѣда и насильно уводятъ желавшихъ креститься самоѣдовъ къ князю. Видя такое насиліе, миссіонеры потребовали отъ Тайшина, чтобы онъ отпустилъ самоѣдовъ, рѣшившихся принять православную вѣру; но князь не отпустилъ ихъ и такимъ образомъ не позволилъ имъ принять крещеніе. 19-го января 1833 г. миссіонеры хотѣли крестить са-

моѣда, пожелавшаго принять христіанскую вѣру; но язычники, узнавъ объ этомъ, толпою ворвались въ квартиру миссіонеровъ и кричали: „не дадимъ крестить!“ Потребовалась полиція, при содѣйствіи которой и совершено было крещеніе этого самоѣда. Въ виду такихъ выходокъ со стороны язычниковъ, обдорскіе миссіонеры усиленно просили въ 1833 г. епархіальнаго епископа Аѳанасія Протопопова объ увольненіи ихъ отъ миссіонерскихъ обязанностей, что имъ и было дозволено. Въ мартѣ 1833 года миссіонеры возвратились въ Тобольскъ.

Такъ кончилась обдорская миссія 1832—1833 г. Но съ окончаніемъ ея не прекратились заботы высшаго духовнаго начальства объ обращеніи въ христіанство инородцевъ, обитающихъ на сѣверѣ Тобольской епархіи. Находя преждевременнымъ учрежденіе миссіи для обдорской мѣстности, Св. Синодъ опредѣлилъ назначить особую миссію въ другомъ мѣстѣ—среди кондинскихъ остяковъ. Въ силу этого распоряженія въ 1844 г. находившійся здѣсь кондинскій монастырь былъ обращенъ въ миссіонерскій, и изъ Россіи вызваны три іеромонаха, изъ которыхъ одинъ, посвященный въ санъ игумена, былъ сдѣланъ настоятелемъ монастыря и вмѣстѣ начальникомъ миссіи, а другіе два опредѣлялись его помощниками и сотрудниками. Такимъ образомъ составилась новая миссія, *кондинская*, имѣвшая цѣлію прежде всего утвержденіе въ христіанствѣ крещенныхъ кондинскихъ остяковъ, а потомъ и обращеніе остающихся еще въ язычествѣ тамошнихъ инородцевъ. Миссіонеры, по прибытіи къ мѣсту своего назначенія, первымъ долгомъ постарались устроить дѣтскую школу, собрали въ нее до 10 остяцкихъ дѣтей и занялись обученіемъ. Такъ какъ ученье пошло довольно успѣшно (съ питомцами изъ инородцевъ обращались въ монастырѣ кротко), то остяки, прежде не желавшіе и слышать о христіанствѣ, теперь стали, по крайней мѣрѣ, безъ сопротивленія отдавать своихъ дѣтей въ кондин-

ское училище, равно какъ и въ другія, заведенныя около того же времени священниками остяцкихъ приходовъ.

Между тѣмъ въ скоромъ времени была возобновлена и обдорская миссія. Первая неудача ея повела къ тому, что сама миссія, какъ мы уже видѣли, была пріостановлена, а взамѣнъ ея въ Обдорскъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія посланъ былъ священникъ Лука Вологодскій, хорошо знавшій остяцкій и самоѣдскій языки. Ему вмѣнялось въ обязанность своею жизнію и своимъ поведеніемъ дѣйствовать на инородцевъ. Эту задачу священникъ Вологодскій выполнилъ удовлетворительно и въ самомъ непродолжительномъ времени крестилъ до 20 инородцевъ. Въ то же время онъ занялся переводами на остяцкій языкъ символа вѣры, заповѣдей, молитвы Господней и одного изъ Евангелій и составленіемъ остяцкой азбуки и словаря. Фактъ обращенія инородцевъ при священникѣ Вологодскомъ и послужилъ поводомъ къ возобновленію обдорской миссіи. Согласно ходатайству Тобольскаго архіепископа Евлампія Пятницкаго, Св. Синодъ въ 1854 году утвердилъ назначеніе *въ Обдорскъ второй миссіи*, дѣйствующей и до настоящаго времени. Обдорская миссія имѣетъ цѣлью съ одной стороны утвержденіе въ христіанской вѣрѣ уже крестившихся обдорскихъ инородцевъ, т. е. самоѣдовъ и остяковъ, а съ другой—проповѣдь Евангелія еще остающимся въ язычествѣ тамошнимъ инородцамъ. Въ видахъ выполненія одной стороны своей задачи, обдорскіе миссіонеры занимаются проповѣдью Евангелія инородцамъ-язычникамъ, какъ въ самомъ Обдорскѣ, который инородцы посѣщаютъ для взноса ясака и по торговымъ дѣламъ, такъ и въ его окрестностяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ миссіонеры съ походными церквами объѣзжаютъ инородческіе улусы и юрты по берегамъ Большой и Малой Оби и по другимъ мѣстамъ пріобдорскаго края. Для утвержденія

инородцевъ въ христіанской вѣрѣ миссіонеры имѣютъ въ Обдорскѣ двѣ школы: мужскую, открытую еще въ 1846 г., и женскую, открытую въ 1862 г. Въ этихъ школахъ инородческія дѣти обучаются русской грамотности и закону Божію.

Кромѣ обдорской и кондинской миссій, въ 1867 году на сѣверѣ Тобольской епархіи учреждена была еще третья миссія—*сургутская*. Она имѣетъ своею цѣлію какъ утвержденіе въ православной вѣрѣ крещенныхъ инородцевъ—остяковъ и самоѣдовъ, такъ и обращеніе остающихся еще въ язычествѣ. Для осуществленія этихъ цѣлей миссіонеры по очереди объѣзжаютъ кочевья своихъ прихожанъ, проповѣдуя имъ Евангеліе, и содержатъ школы для обученія какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ.

Бросая взглядъ на дѣятельность названныхъ миссій (кондинской, обдорской и сургутской), нельзя не замѣтить, что хотя она и не была безплодна и немало инородцевъ было обращено въ христіанство, однако всѣ крещенные—плохіе христіане и не перестаютъ во многихъ случаяхъ придерживаться прежнихъ суевѣрій и языческихъ обычаевъ. Особенно это надобно сказать о самоѣдахъ. Такъ, напр., „христіане“ Васюгана признаютъ Бога и діавола—два самостоятельныя и одинаково всемогущія существа. Богъ сотворилъ ангеловъ и все, что есть на землѣ, діаволъ же сотворилъ подземный міръ и подобныхъ себѣ діаволовъ. Богъ творитъ на свѣтѣ добро, а діаволъ зло; но ни тотъ, ни другой другъ друга преборотъ не могутъ: Богъ имѣетъ семь сыновей и семь дочерей. Одного сына, прокараулившаго отверстіе, чрезъ которое могъ проходить изъ подземнаго царства діаволъ, Богъ въ наказаніе превратилъ въ ворона, питающагося падалью. Другой сынъ Божій—охотникъ. Богъ, творя звѣрей, сотворилъ лося о шести ногахъ, а охотникъ—сынъ Божій, будучи на охотѣ, убилъ лося и отрубилъ у него двѣ ноги, чтобы людямъ легче было

убивать четвероногихъ лосей, такъ какъ шестиногіе бѣгаютъ очень быстро. Богъ прогнѣвался за это на сына-охотника и сдунулъ его съ неба. Тотъ упалъ на землю и попалъ въ пустое, дуплистое дерево, гдѣ и замерзъ. Дочери извѣстны только двѣ: солнце и огонь, т. е. свѣтъ и теплота. Ангелы и діаволы, сотворенные Богомъ и діаволомъ, облечены такимъ же тѣломъ, какъ и люди, но только у нихъ есть крылья. Какъ ангелы, такъ и діаволы женятся, порождаютъ дѣтей и живутъ семействами, ангелы на небѣ въ золотыхъ домахъ, изъ которыхъ есть окошечки на землю, откуда они наблюдаютъ, что дѣлается на землѣ, и которыя намъ, людямъ, кажутся звѣздами; діаволы живутъ подъ землею въ городахъ. Назначеніе ангеловъ слѣдить за жизнью людей и направлять ихъ къ добру; а назначеніе діаволовъ направлять людей ко злу *).

Причинами столь слабаго вкорененія началъ христіанства въ сердцахъ новопросвѣщенныхъ являются: а) громадныя пространства, на которыхъ обитаютъ инородцы, и вмѣстѣ съ тѣмъ разбросанность и малонаселенность ихъ стойбищъ; б) отсутствіе какихъ-либо дорогъ, тайги и тундры, рѣки, озера и болота лѣтомъ, бураны и мятели зимою, крайне затрудняющіе посѣщеніе инородцевъ миссіонерами; в) кочевой образъ жизни инородцевъ, благодаря которому они находятся сегодня здѣсь, а завтра въ другомъ мѣстѣ; г) не говоря уже о кочующихъ, даже осѣдлые рѣдко живутъ на своихъ мѣстахъ, отлучаясь то на птицеводство, то на звѣроловство, то на рыболовство, такъ что пастырю-миссіонеру настоитъ необходимость искать своихъ пасомыхъ по необозримымъ пространствамъ нашего сѣвера: наконецъ, д) суровыя климатическія условія страшатъ многихъ лицъ и препятствуютъ посвятить свои силы и дѣятельность на пользу просвѣщенія инородцевъ.

---

*) «Томскія Епарх. Вѣдомости» за 1893 г., № 6, стр. 10—11.

Печальное положеніе миссіонерства на сѣверѣ Тобольской епархіи всегда обращало на себя вниманіе мѣстной духовной власти. Въ видахъ улучшенія состава миссіонеровъ ею вызывались нужныя лица изъ Россіи, приглашались также на дѣло проповѣди и вдовые священники мѣстной епархіи; но какъ тѣ, такъ и другіе отказалась посвятить себя этому дѣлу. Все это повело къ тому, что въ 1888 г. преосвященный Авраамій Тобольскій вошелъ въ Св. Синодъ съ проектомъ о закрытіи кондинской миссіи и объ образованіи вмѣсто нея женской общины, которая вліяла бы на инородцевъ примѣрною жизнью инокинь. Св. Синодъ согласился съ этимъ проектомъ, и въ 1891 г. при преосвященномъ Іустинѣ послѣдовало открытіе новой общины. Въ Кондинскъ отдѣлена была часть сестеръ Іоанно-Введенской обители, назначенъ туда священникъ и устроена школа для дѣвочекъ. Можно надѣяться, что въ аккуратныхъ женскихъ рукахъ какъ матеріальное благосостояніе пастыря, такъ и нравственное вліяніе общины на окрестныхъ инородцевъ будутъ не безъ пользы.

Мы уже упоминали, что съ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія въ западной Сибири начинается оживленіе православнаго миссіонерства, выразившееся въ учрежденіи разныхъ миссій. Мы прослѣдили возникновеніе и дѣятельность миссій сѣвернаго края Тобольской епархіи. Но мы также упоминали, что по представленію Тобольскаго архіепископа Евгенія Казанцева Св. Синодъ разрѣшилъ учрежденіе миссіи и на югѣ Тобольской епархіи. Южная или *алтайская миссія* такимъ образомъ и была учреждена въ 1828, а открыта въ 1830 году. Она имѣетъ своею цѣлію обращеніе въ православную вѣру алтайскихъ инородцевъ—татаръ, калмыковъ и др.

Основателемъ и первымъ начальникомъ алтайской миссіи былъ ученый архимандритъ Макарій Глухаревъ. Нельзя не сказать нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкѣ. Макарій

Глухаревъ, сынъ священника г. Вязьмы (Смоленской губерніи), родился въ 1792 г. Образованіе получилъ въ Смоленской семинаріи, а затѣмъ въ С.-Петербургской духовной академіи, по окончаніи которой былъ инспекторомъ Екатеринославской семинаріи, а потомъ, уже по постриженіи въ монашество, ректоромъ Костромской семинаріи. Основательно образованный, знатокъ древнихъ и новыхъ языковъ, о. Макарій отличался трудолюбіемъ, а еще болѣе благочестіемъ и глубокимъ смиреніемъ. Послѣднія качества побудили его оставить многообѣщавшую ему въ будущемъ духовно-учебную службу и посвятить себя исключительно иноческимъ подвигамъ, вслѣдствіе чего, по собственной просьбѣ, онъ и уволенъ былъ сперва въ братство Кіево-Печерской лавры, а потомъ перешелъ въ Глинскую Богородицкую общежительную пустынь (Курской губерніи), гдѣ и проходилъ нѣсколько лѣтъ, состоя уже въ санѣ архимандрита, иноческія послушанія подъ руководствомъ опытнаго въ духовной жизни пастоятеля этой пустыни, игумена Филарета. Но слабое отъ природы здоровье о. Макарія еще болѣе разстроилось отъ его ревностныхъ монашескихъ подвиговъ и усидчивыхъ ученыхъ занятій. Здѣсь, въ Глинской пустынѣ, онъ, между прочимъ, началъ переводъ съ еврейскаго языка на русскій Библіи,—трудъ, который онъ непрерывно продолжалъ и впослѣдствіи на Алтаѣ. Между тѣмъ промыслъ Божій готовилъ для своего избранника иное поприще дѣятельности, вполнѣ соотвѣтствовавшее его душевному настроенію.

Въ декабрѣ 1828 года указомъ Св. Синода на имя Евгенія, архіепископа Тобольскаго, предписано было открыть на Алтаѣ, въ Бійскомъ округѣ, духовную миссію для обращенія въ христіанство кочующихъ тамъ язычниковъ. На святое и многотрудное дѣло начальствованія надъ этою миссіею, по предложенію Св. Синода, разосланному во всѣ монастыри Россіи, добровольно вызвался о. архимандритъ Макарій и пріѣхалъ въ Тобольскъ, гдѣ

въ архіерейскомъ домѣ прожилъ около года, изучая татарскій языкъ. Только въ 1830 г. прибылъ онъ въ качествѣ начальника новооткрытой миссіи въ г. Бійскъ. Здѣсь и началась первая дѣятельность алтайской миссіи. Въ Бійскѣ много было зайсановъ—инородческихъ старшинъ. Съ ними архимандритъ Макарій и началъ вести разговоры о христіанской вѣрѣ. 2-го сентября онъ встрѣтился съ татариномъ христіаниномъ, который пригласилъ его къ себѣ въ селеніе Улалу, отстоящее отъ Бійска въ 100 верстахъ, чтобы окрестить жившаго въ его домѣ татарина, на что Макарій и изъявилъ свое согласіе. Замѣчательно практическую способность обнаружилъ на первый же разъ этотъ миссіонеръ. Окрестивъ татарина и назвавъ его Іоанномъ въ знакъ перваго случая обращенія алтайскихъ инородцевъ, архимандритъ Макарій выпросилъ его къ себѣ въ Бійскъ на нѣсколько дней, „дабы научить его молиться Богу и преподать ему наставленіе въ правилахъ жизни христіанской и потомъ возвратить въ Улалу“. Возвратившись въ Бійскъ съ новокрещеннымъ, Макарій училъ его молиться по христіански, поставляя его на молитву вмѣстѣ съ собою утромъ, вечеромъ и т. д., преподавалъ ему самыя краткія христіанскія молитвы: *Во имя Отца, Господи Іисусе, Слава Тебѣ Господи, Слава Отцу...* и т. д. Затѣмъ миссіонеры преподавали новокрещенному исторію объ Іисусѣ Христѣ въ самыхъ краткихъ чертахъ, вели бесѣды съ нимъ о таинствахъ, о добрыхъ дѣлахъ, о грѣхѣ, о вѣчной жизни и о вѣчныхъ мученіяхъ. Послѣ такого тщательнаго наставленія новокрещенный былъ отпущенъ домой. А чтобы онъ въ случаѣ забвенія молитвъ могъ найти пособіе у кого-либо изъ грамотныхъ людей, архимандритъ Макарій снабдилъ его запиской, гдѣ были написаны молитвы, которымъ обучали его миссіонеры. Вотъ съ какою осторожностію и тактичностію дѣйствовалъ новый миссіонеръ при обращеніи язычниковъ въ христіанство!

Изъ г. Бійска архимандритъ Макарій вмѣстѣ съ своими сотрудниками переселился въ Сандыпскій форпостъ. Здѣсь, въ сандыпской часовнѣ, обращенной въ церковь, и въ квартирѣ миссіи снова началась дѣятельность миссіонеровъ. Они вліяли теперь на инородцевъ двояко: въ церкви—чрезъ совершеніе богослуженія, въ квартирѣ — чрезъ бесѣды и разговоры. Кромѣ богослуженія и бесѣдъ, архимандритъ Макарій съ перваго-же времени своего пребыванія на Алтаѣ сталъ заниматься изученіемъ тамошняго инородческаго языка. При своемъ обычномъ трудолюбіи и природной способности къ усвоенію языковъ онъ скоро и основательно познакомился съ алтайскимъ нарѣчіемъ, такъ что могъ свободно и безъ переводчика объясняться съ алтайцами. Изучивъ туземный языкъ, о. архимандритъ началъ заниматься переводами на него съ русскаго и церковнославянскаго языковъ. Такимъ образомъ, имъ переведены на алтайскій языкъ всѣ главнѣйшія молитвы, краткая священная исторія Ветхаго и Новаго завѣтовъ, огласительныя поученія предъ св. крещеніемъ и т. п. Нѣтъ надобности говорить, съ какою силою могло дѣйствовать на инородцевъ слово Божіе, читаемое имъ на родномъ понятномъ языкѣ.

Въ Сандыпскомъ форпостѣ миссіонеры пробыли до 2-го мая 1831 года и возвратились въ Бійскъ; 17-го мая того-же года они отправились въ селеніе Улалу, а оттуда въ село Майму. Это послѣднее они избрали главнымъ своимъ мѣстопребываніемъ, потому что отсюда они могли дѣйствовать и на татаръ и на калмыковъ, между тѣмъ какъ изъ Сандыпскаго форпоста можно было дѣйствовать на однихъ лишь калмыковъ. Здѣсь—въ Маймѣ миссіонеры такъ же, какъ и въ Сандыпскомъ форпостѣ, прежде всего устроили походную церковь и стали совершать богослуженіе. Въ то-же время начальникъ миссіи предпринималъ миссіонерскія поѣздки по окрестнымъ мѣстамъ, углубляясь все далѣе и далѣе

въ Алтайскія горы. Полудикіе алтайцы сперва недовѣрчиво и враждебно относились къ проповѣднику невѣдомой для нихъ религіи, бѣжали при его приближеніи въ горы и дремучіе лѣса, и о. Макарію приходилось разыскивать калмыцкія стойбища въ лѣсныхъ и горныхъ трущобахъ, по непроходимымъ дорогамъ, притомъ самымъ первобытнымъ способомъ передвиженія: рѣдко на телѣгѣ, болѣе верхомъ, часто пѣшкомъ, а зимою по глубокимъ снѣгамъ на лыжахъ. Морозы и страшные сибирскіе бураны, отъ которыхъ въ тамошнихъ краяхъ ежегодно погибаетъ множество путниковъ и цѣлые табуны скота, также не разъ приходилось испытать на себѣ слабому тѣломъ, но сильному духомъ проповѣднику Евангелія. При переправахъ чрезъ безчисленныя на Алтаѣ горныя рѣки и рѣчки, всегда бурныя, а весною и въ началѣ лѣта вслѣдствіе таянія въ горахъ снѣговъ дѣлающіяся особенно стихійно-грозными, нерѣдко жизнь о. Макарія и его спутниковъ подвергалась опасности. Переправы эти совершаются верхомъ, въ бродъ или вплавь: мостовъ или паромовъ и теперь тамъ не существуетъ, а тѣмъ болѣе не могло быть ихъ въ тѣ времена. Проѣзжая однажды верхомъ по высокой горѣ, покрытой хвойнымъ лѣсомъ, о. Макарій зацѣпился ремнемъ бывшей при немъ сумки со св. дарами за сукъ дерева; конь выбѣжалъ изъ-подъ сѣдока, а послѣдній повисъ на суку; къ счастью, это замѣтилъ уѣхавшій впередъ провожатый, который воротился и снялъ о. Макарія. Многомилостивый Господь всегда и вездѣ хранилъ Своего вѣрнаго служителя.

Путешествуя съ миссіонерскою цѣлію по окрестностямъ, архимандритъ Макарій не заботился о томъ, чтобы обратить большое число инородцевъ. Въ этомъ отношеніи онъ поступалъ чрезвычайно осторожно и приступалъ къ крещенію язычника тогда, когда убѣждался въ достаточномъ знакомствѣ его съ истинами христіанскими, стараясь по возможности передать эти

истины на природномъ языкѣ алтайца и прочно утвердить ихъ въ новообращенномъ. Такъ какъ инородцы принимая христіанскую вѣру — вѣру русскую и отрекаясь отъ своего язычества, отрекались вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ жизни языческой, то естественно они должны были начинать и новую жизнь — жизнь осѣдлую, русскую. Въ устройствѣ новой жизни архимандритъ Макарій являлся истиннымъ отцомъ и благодѣтелемъ для новокрещенныхъ; съ ними онъ дѣлился послѣднимъ, чтобы какъ-нибудь устроить ихъ новую жизнь; пріобрѣталъ для новыхъ поселенцевъ изъ новокрещенныхъ дома, скотъ и пр. Въ случаяхъ болѣзни онъ оказывалъ новокрещеннымъ врачебную помощь и для больныхъ устроилъ больницу; дѣтей новокрещенныхъ старался обучить грамотѣ, а сиротъ изъ нихъ содержалъ въ своей квартирѣ. Въ 1839—1840 г. по случаю голода, бывшаго на Алтаѣ, архимандритъ М. Глухаревъ ѣздилъ за помощью голодавшимъ новокрещеннымъ въ Москву. Результаты такого отношенія миссіонера къ инородцамъ были въ высшей степени утѣшительны. Инородцы стали рѣшительно смотрѣть на него, какъ на человѣка, посланнаго отъ Бога, и спѣшили къ нему, чтобы вступить въ благодатное царство Христа.

Поставивъ изученіе инородческаго языка необходимымъ условіемъ для болѣе успѣшной миссіонерской дѣятельности, Макарій рѣшился въ устройство алтайскаго миссіонерства ввести еще новое учрежденіе, именно съ согласія Тобольскаго архіепископа Аѳанасія основать при миссіи женскую общину. Цѣль этого учрежденія онъ полагалъ въ томъ, чтобы умныя, добродѣтельныя и посвятившія себя дѣлу христіанской любви вдовы и дѣвицы, имѣвшія составить общину, исполняли относительно обращающихся и новокрещенныхъ женщинъ такія обязанности, выполненіе которыхъ не удобно для монаховъ. Онѣ, подобно діакониссамъ первенствующей христіанской церкви, должны были при-

готовить новообращенныхъ женщинъ къ крещенію, прислуживать имъ при самомъ крещеніи, въ другое время исполнять обязанности акушерокъ, пріучать новокрещенныхъ инородокъ къ лучшему и разумному домоводству и хозяйству, прививать дѣтямъ оспу, воспитывать дѣвочекъ въ христіанскихъ понятіяхъ, обучать ихъ грамотѣ и рукодѣльямъ. 4-го мая 1840 года послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на открытіе этой новой общины на Уралѣ. Въ томъ-же 1840 г. сюда прибыла изъ Москвы одна самоотверженная дѣвица, г-жа Софья Вальмонъ, желавшая потрудиться для миссіи. Поселившись въ Маймѣ, въ 8 верстахъ отъ Улалы — тогдашняго мѣстопребыванія архимандрита Макарія, она повела свое дѣло въ высшей степени практично. Софья Вальмонъ оглашала готовящихся къ крещенію инородокъ, посѣщала новокрещенныхъ для утвержденія ихъ въ вѣрѣ, старалась путемъ привѣтливаго обращенія съ дѣвицами, вдовыми и замужними женщинами пріобрѣсти ихъ довѣріе, приглашала ихъ въ свой домъ по вечерамъ и здѣсь читала имъ Евангеліе и разныя книжки, читала новокрещеннымъ женщинамъ и составленное Глухаревымъ краткое изложеніе ученія христіанской вѣры на татарскомъ языкѣ, которому и сама училась съ успѣхомъ; здѣсь-же, въ своемъ домикѣ, она завела маленькое хозяйство и учила ему алтайскихъ инородокъ; Вальмонъ также желала пріучить ихъ и къ другимъ трудамъ — раздавала инородкамъ волну и ленъ, чтобы оне пряли, потомъ брала у нихъ пряжу и платила за нее холстомъ; далѣе въ своемъ-же домѣ она устроила небольшую школу для дѣвочекъ, которыхъ обучала грамотѣ, пѣнію церковныхъ пѣснопѣній и знакомила съ первоначальною ариѳметикою; наконецъ, она лечила больныхъ гомеопатическими средствами и была акушеркой.

Въ такомъ видѣ было состояніе алтайской миссіи въ началѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Въ

1843 году первый начальникъ ея архимандритъ Макарій вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, по собственной просьбѣ, былъ уволенъ отъ управленія миссіей и назначенъ настоятелемъ Оптина Болховскаго монастыря (Орловской губерніи), гдѣ въ 1847 году и скончался, оставивъ на Алтаѣ незабвенную по себѣ память.

Періодъ дѣятельности алтайской миссіи во времена ея основателя мы должны считать весьма важнымъ въ общемъ устройствѣ миссіонерства въ западной Сибири. Правда, не велико было число обращенныхъ о. Макаріемъ и его сотрудниками. Въ тринадцать лѣтъ своей миссіонерской дѣятельности онъ обратилъ въ христіанство лишь 645 инородцевъ, т. е. среднимъ числомъ около 50 человѣкъ ежегодно. Но не съ этой стороны достойна вниманія его дѣятельность. Въ ней мы видимъ замѣчательную тактичность при обращеніи инородцевъ. Онъ не гонится за большимъ числомъ обращеній, но стремится сдѣлать новокрещенныхъ истинными христіанами. Далѣе, въ миссіонерской дѣятельности всего древняго періода мы видѣли скудость миссіонерскихъ средствъ; наоборотъ въ дѣятеляхъ алтайской миссіи мы видимъ обиліе и разнообразіе этихъ средствъ. Такъ, архимандритъ Макарій совершаетъ богослуженіе въ церкви, дома ведетъ бесѣды, изучаетъ инородческій языкъ, переводитъ на него молитвы и пр., обучаетъ инородческихъ дѣтей грамотѣ, оказываетъ медицинскую помощь больнымъ, помогаетъ новокрещенымъ въ устройствѣ новой христіанской жизни и т. д.

Задача алтайскихъ миссіонеровъ послѣ выбытія изъ миссіи ея перваго начальника состояла въ дальнѣйшемъ осуществленіи его плана, т. е. въ учрежденіи миссіонерскихъ становъ, церквей, училищъ, благотворительныхъ заведеній и т. п.

Женская община, бывшая при архимандритѣ Макаріѣ, такъ сказать, въ зародышѣ, въ этотъ періодъ окончательно устраивается. Поступающія въ нее инородче-

скія дѣвицы посвящаютъ себя иноческой жизни съ тѣмъ, чтобы помогать миссіи при обращеніи язычницъ, обучать ихъ христіанскимъ истинамъ, служить имъ въ болѣзняхъ и нуждахъ и пр.

Продолжая расширять то, что начато было еще архимандритомъ Макаріемъ, послѣдующіе алтайскіе миссіонеры рѣшились учредить на Алтаѣ мужской монастырь съ цѣлію распространенія Евангелія между алтайцами. Такой монастырь съ Высочайшаго разрѣшенія и былъ учрежденъ въ 1864 г.

Изученіе мѣстныхъ нарѣчій, начатое архимандритомъ Макаріемъ, не было оставлено и теперь. Для нуждъ миссіи и назиданія инородцевъ миссіонеры перевели на алтайскій языкъ нѣкоторыя священныя книги, чинопослѣдованія наиболѣе употребительныхъ службъ, нѣсколько житій и порядочное количество сказаній и поучительныхъ разсказовъ. Для того, чтобы удобнѣе продолжать переводческіе труды, въ 1874 г. Св. Синодъ съ Высочайшаго соизволенія разрѣшилъ алтайской миссіи имѣть собственную типографію и печатать въ ней переводы и сочиненія на алтайскомъ языкѣ.

Такъ устроенная православная миссія на Алтаѣ не могла быть безплодною. Въ настоящее время изъ 35 тысячъ алтайцевъ 20 тыс. исповѣдуетъ христіанскую вѣру. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что большинство крещеныхъ составляютъ калмыки. Такъ какъ въ языческой религіи этихъ послѣднихъ нѣтъ авторитета, который бы влагалъ въ нее духъ внутренней самозащиты и сообщалъ ей силу противодѣйствія всякой другой религіи, то калмыки безъ особеннаго колебанія принимаютъ христіанство и, оставляя свои языческія вѣрованія и обычаи, дѣлаются, можно сказать, истинными сынами церкви. Къ числу утѣшительныхъ явленій въ религіозно-нравственной жизни новокрещенныхъ калмыковъ нужно отнести прежде всего исполненіе всѣми ими долга исповѣди и св. причастія. Привыкаютъ инородцы

къ посѣщенію богослуженія и вообще ко всему порядку христіанской жизни. Есть у новокрещенныхъ и благочестивый обычай паломничества. Ходятъ обыкновенно въ ближайшія мѣста на богомолье, какъ-то: въ Улалу, Семипалатинскъ и Чолукой (въ Чолукоевскомъ храмѣ есть частицы мощей нѣкоторыхъ св. угодниковъ). Были случаи паломничества ко св. мѣстамъ и въ Россію. Такъ, прошлый годъ одинъ инородецъ путешествовалъ въ Кіевъ, былъ и на открытіи мощей св. угодника Божія Ѳеодосія Углицкаго. Замѣчательно, что открытіе мощей этого новоявленнаго угодника произвело нѣкоторое волненіе даже среди некрещенныхъ калмыковъ. Одинъ закоренѣлый и весьма богатый калмыкъ (Тюхтень, въ Улалинскомъ отдѣленіи) думалъ даже самъ ѣхать на это торжество, но свое намѣреніе отложилъ до слѣдующаго года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется къ лучшему и внѣшній бытъ калмыковъ, а также и ихъ характеръ. Тогда какъ прежде ни у одного калмыка не было теплой избы, теперь явились цѣлыя селенія съ русскими домами; смотря на новокрещенныхъ, стали строить дома и некрещенные. Въ прежнее время новокрещенные стыдились и даже боялись являться среди своихъ сородичей въ русской одеждѣ; а теперь, по примѣру новокрещенныхъ, начинаютъ носить ее и нѣкоторые некрещенные. Разорительный калымъ постепенно выводится; оставаясь обязательнымъ для некрещенныхъ, онъ составляетъ дѣло добровольнаго соглашенія у новокрещенныхъ. Рабскія отношенія жены къ мужу смѣняются гуманно-свободными, по ученію вѣры Христовой. Полная небрежность калмыковъ о воспитаніи дѣтей замѣнилась въ христіанскихъ семействахъ заботою о ученіи дѣтей грамотѣ и молитвамъ, доброй жизни и благоприличію.

Совсѣмъ другое надобно сказать о другихъ инородцахъ Алтая—татарахъ. Въ самомъ характерѣ татарина

коренится нѣчто непріязненное христіанству и миссіи. Татаринъ готовъ защищать свою вѣру потому только, что это его татарская вѣра, и оказывать противодѣйствіе христіанству единственно потому, что это чужая русская вѣра. Будучи пропитанъ духомъ своей инородческой запосчивости, онъ преслѣдуетъ насмѣшкой всякое подражаніе русскимъ обычаямъ со стороны своихъ соплеменниковъ. Онъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ говоритъ въ такомъ случаѣ: „Ты теперь, какъ русскій“. Напротивъ, о своихъ татарскихъ обычаяхъ съ тою же запосчивостью татаринъ говоритъ: „Развѣ мы покорены, чтобы намъ оставлять свои обычаи?“ Вотъ почему среди татаръ крещеныхъ очень мало. Да и тѣхъ, которые приняли крещеніе, слѣдуетъ считать христіанами скорѣе по имени, чѣмъ на дѣлѣ.

Кромѣ татаръ, въ Тобольской епархіи есть еще киргизы, тоже исповѣдующіе магометанскую религію. Вопросъ объ учрежденіи среди нихъ миссіи былъ поднятъ довольно рано, но разрѣшеніе его состоялось лишь въ недавнее время. Основатель алтайской миссіи Макарій Глухаревъ, отправляясь въ 1830 г. въ Сибирь, узналъ, что въ предѣлахъ Тобольской епархіи кочуетъ многочисленное племя киргизовъ, и хотѣлъ было открыть среди нихъ миссіонерскую дѣятельность. Но правительство не разрѣшило о. Макарію проповѣдывать киргизамъ слово Божіе на томъ основаніи, что они еще настоящіе язычники и слишкомъ дики и неразвиты. Съ тѣхъ поръ прошло 50 лѣтъ. За это время большинство киргизовъ, благодаря вліянію татаръ, успѣло омусульманиться, а нѣкоторые изъ нихъ даже заявили себя ревностными поборниками ислама. Чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему распространенію мусульманства среди киргизовъ, Св. Синодъ рѣшилъ учредить для этой цѣли особую миссію. Такая миссія и была открыта въ 1882 году.

Не смотря на свою пятнадцатилѣтнюю дѣятельность,

киргизская миссія имѣетъ очень мало успѣха. Что касается такъ называемыхъ джатаковъ, т. е. киргизовъ, живущихъ въ услуженіи у русскихъ, то они, повидимому, склонны къ принятію христіанства; но есть обстоятельства, которыя заставляютъ ихъ коснѣть въ невѣжествѣ. Джатаковъ нельзя назвать въ собственномъ смыслѣ магометанами; если угодно, это—полумагометане, и русскіе не безъ основанія говорятъ, что у нихъ нѣтъ никакой вѣры. Принадлежность ихъ къ магометанству выражается лишь внѣшнимъ образомъ—въ томъ, что они брѣютъ голову и носятъ тюбетейку; но это скорѣе вошедшая въ привычку особенность костюма, а не признакъ принадлежности къ исламу. И не смотря на все это, джатаки не принимаютъ христіанства. Главная причина этого заключается въ воздѣйствіи на нихъ степныхъ киргизовъ. Если кто-нибудь изъ джатаковъ задумаетъ креститься, степняки (чаще всего родственники) какимъ-то чутьемъ узнаютъ объ этомъ, пріѣзжаютъ и увѣщаніями или угрозами отговариваютъ его отъ крещенія, а то и насильно увозятъ въ степь. Интересно слѣдующее сообщеніе учителя Тигорѣцкаго поселка Бійскаго округа. У этого учителя много лѣтъ жилъ въ услуженіи киргизенокъ по имени Торба. Онъ совершенно обрусѣлъ, выучился свободно говорить по-русски, въ свободное время посѣщалъ школу, въ которой съ особеннымъ интересомъ слушалъ уроки по Закону Божію. Хозяинъ его и учитель подарилъ ему Евангеліе; Торба полюбилъ эту священную книгу и постоянно читалъ ее. Въ концѣ концовъ онъ изъявилъ желаніе креститься. Между тѣмъ нѣкоторыя обстоятельства заставили его отойти отъ учителя и наняться къ другому хозяину въ Устькаменогорскѣ. Здѣсь Торба встрѣтился съ своимъ старшимъ братомъ и подпалъ подъ его вліяніе, но Евангелія не переставалъ читать. Осенью пріѣхалъ въ городъ Тигорѣцкій атаманъ. Къ нему пріѣхалъ Торба, отдалъ ему Евангеліе и просилъ передать учи-

телю, причемъ сильно заплакалъ. „Почему ты возвращаешь Евангеліе?“ спросилъ атаманъ. „Братъ не велитъ читать“, отвѣчалъ Торба со слезами на глазахъ *).

Итакъ, хотя родственныя отношенія степняковъ и служатъ препятствіемъ къ обращенію въ христіанство джатаковъ, тѣмъ не менѣе эти послѣдніе очень склонны къ пріятію его. Не то надобно сказать о кочующихъ киргизахъ, степнякахъ. Благодаря вліянію татаръ, которые сотнями и даже тысячами разъѣзжаютъ по степи, они вполнѣ омусульманились и сдѣлались упорными врагами христіанства. Для доказательства за примѣрами ходить не далеко; стоитъ обратиться къ прошлому киргизовъ. По сообщенію зайсанскихъ старожиловъ и чиновъ мѣстной администраціи, 20 лѣтъ тому назадъ можно было встрѣтить на тысячу кочующихъ киргизовъ только одного человѣка, который-бы умѣлъ молиться и соблюдалъ посты. Киргизы смѣялись тогда надъ татарами, когда послѣдніе молились: имъ были непонятны и смѣшны припаданія къ землѣ, раскачиванія и движенія головой вверхъ и внизъ. Теперь—наоборотъ: на ту же тысячу человѣкъ можно встрѣтить одного киргиза, который бы не молился и не соблюдалъ обрядовъ ислама.

Послѣ всего этого нечего говорить о томъ, насколько трудною должна быть дѣятельность нашихъ вѣропроповѣдниковъ на нивѣ Христовой. Это не то, что дѣятельность среди язычниковъ. Возьмемъ для сравненія, напр., алтайскую миссію, арена дѣйствій которой граничитъ съ киргизскою степью. Язычество Алтая противодѣйствуетъ христіанству только въ силу своей косности; у него нѣтъ авторитета, который бы оправдывалъ его и влагалъ въ него духъ внутренней самозащиты противъ другой религіи. Не то мы замѣчаемъ среди

---

*) «Православный Благовѣстникъ», за 1895 годъ, т. I, стр. 92—93.

киргизовъ-магометанъ: исламъ имѣетъ опредѣленно выясненное ученіе, присваивающее себѣ божественное происхожденіе и непреложную истинность, пропитутое, кромѣ того, крайней религіозной нетерпимостью. Представители язычества на Алтаѣ не заботятся о пріобрѣтеніи себѣ новыхъ послѣдователей; представители же магометанства среди киргизовъ пропитуты духомъ ничѣмъ неудержимой пропаганды. Язычникъ-алтаецъ въ большинствѣ случаевъ открыто признаетъ превосходство христіанства надъ язычествомъ; между тѣмъ магометанинъ-киргизъ все доброе и хорошее, что онъ слышитъ въ христіанствѣ, съ наивнымъ невѣжествомъ считаетъ заимствованнымъ изъ ихъ вѣры. Обыкновенно киргизы слушаютъ миссіонера не только съ полнѣйшимъ вниманіемъ, но и съ одобреніемъ; иной даже, увлекшись, энергично потреплетъ проповѣдника по плечу и поблагодаритъ за проповѣдь. Миссіонеру отрадно видѣть такое вниманіе, но вдругъ—и это бываетъ очень часто—онъ слышитъ: „все, сказанное вами, хорошо, но только взято изъ алкорана“. Послѣ этого не удивительно, что число киргизовъ, ежегодно обращаемыхъ въ христіанство, надобно считать не сотнями, а только десятками и даже единицами.

Миссіи обдорская, сургутская, алтайская и киргизская дѣйствуютъ въ предѣлахъ двухъ епархій западной Сибири—Тобольской и Томской. Къ западной Сибири относится еще и Енисейская епархія. До 1860 г. она входила въ составъ Тобольской, и распространеніе христіанства между тамошними инородцами составляло заботу тобольскихъ миссіонеровъ. Но съ оживленіемъ миссіонерства въ новое время, съ учрежденіемъ отдѣльныхъ миссій въ западной Сибири, и здѣсь въ 1850 г. открыта была отдѣльная миссія—*туруханская*, при туруханскомъ Троицкомъ монастырѣ. Она должна была имѣть своею цѣлію распространеніе христіанства между оставшимися еще въ язычествѣ тамошними инород-

цами—тунгусами, остяками и самоѣдами. Штатъ миссіи долженъ былъ состоять изъ двухъ священниковъ и двухъ причетниковъ. Но такъ какъ въ туруханскомъ краѣ при далекихъ разъѣздахъ верстъ въ 200—300 нѣтъ ни хлѣбныхъ, ни другихъ продуктовъ, съ которыми сроднилась русская натура, то не находилось лицъ, желавшихъ принять на себя трудъ миссіонерства въ этомъ краѣ, и до 1861 г. туруханская миссія состояла лишь изъ одного священника; только съ апрѣля этого года къ нему былъ присоединенъ другой священникъ. Миссія, предоставленная своимъ собственнымъ средствамъ, при особенныхъ условіяхъ края, понятно, имѣла очень ограниченный кругъ дѣйствій. Но при всемъ томъ къ семидесятымъ годамъ настоящаго столѣтія число просвѣщенныхъ крещеніемъ инородцевъ туруханскаго края простиралось до 3,000 душъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ произошло нѣкоторое измѣненіе въ устройствѣ туруханской миссіи. Въ 1872 г. Св. Синодъ упразднилъ отдѣльную миссію въ туруханскомъ краѣ, возложивъ обязанности миссіонерства на пять приходскихъ священниковъ.

Въ туруханскомъ краѣ язычниковъ уже очень мало; но принявшіе православную вѣру инородцы нуждаются въ особомъ религіозномъ руководствѣ духовныхъ пастырей, такъ какъ въ нихъ живы еще языческія преданія и они продолжаютъ придерживаться нѣкоторыхъ языческихъ обычаевъ и обрядовъ. Для многихъ изъ крещенныхъ инородцевъ туруханскаго края не перестаютъ имѣть священное значеніе сопки и лѣса, какъ жилища боговъ и мѣста жертвоприношеній. Такъ, инородцы считаютъ необходимымъ на сопкахъ приносить въ жертву богу промысла пули, лоскутья, одежду, шкуры песцовъ и соболей. Въ лѣсахъ также можно встрѣтить высокіе шесты съ навѣшанными на нихъ шкурами звѣрей въ качествѣ жертвы богу. Быть можетъ, это и не свидѣтельствуетъ о многобожіи инородцевъ-христіанъ, но тѣмъ не менѣе ясно говоритъ о томъ,

что до чистаго представленія о христіанскомъ Богѣ имъ еще далеко. Двоевѣріе, можно сказать,—отличіе всѣхъ инородцевъ-христіанъ туруханскаго края. Только среди однихъ оно замѣтнѣе и бросается въ глаза, среди другихъ принимаетъ форму простого суевѣрія или безотчетной довѣрчивости къ унаслѣдованнымъ взглядамъ. Среди однихъ это двоевѣріе проявляется, какъ указано, въ жертвоприношеніяхъ духамъ, среди другихъ—въ томъ, что въ случайныхъ мелкихъ явленіяхъ усматривается голосъ боговъ. Какъ на примѣръ послѣдняго вида двоевѣрія, можно указать на суевѣріе тунгусовъ енисейскаго прихода, извѣстное подъ названіемъ „*того синереңъ*—огонь сказываетъ“. Сущность этого суевѣрія заключается въ слѣдующемъ: если во время какого-нибудь сужденія, выбора или рѣшенія горящія дрова издадутъ трескъ, то тунгусы, различая по звуку согласіе или несогласіе огня, поступаютъ соотвѣтственно этому указанію. Особенно сильно обнаруживается двоевѣріе тунгусовъ въ обрядахъ, совершаемыхъ при похоронахъ жены шамана. Въ это время наряду съ иконой употребляются изображенія шайтановъ, съ молитвой Богу—заклинанія шамана, съ земными поклонами—суевѣрное лизанье топора. Приводимъ описаніе похороннаго обряда, сдѣланное однимъ миссіонеромъ. „Покойную,—говоритъ онъ,—одѣли въ русскую рубашку и платье, а голову повязали шалью. Затѣмъ изъ бревенъ былъ приготовленъ срубъ въ родѣ ящика, въ который положили первопачально шкуру, спятую со лба медвѣдя, парку (родъ мѣховой рубашки), два желѣзныхъ посоха и всѣ принадлежности шаманскаго костюма. Потомъ положили покойную, закрыли шалью и заколотили срубъ, послѣ чего принесли два бубна и, продырявивъ ихъ, повѣсили на дерево, изображенія же шайтановъ разбросали вокругъ могилы. Въ концѣ принесли ковши съ горячими углями и, посыпавъ на нихъ ладону, окадили могилу, угли же высыпали у изголовья могилы,

а самый ковшъ продырявили и бросили. Сверху сруба поставили якопу и, помолившись Богу и положивъ по земному поклону, удалились въ чумъ, гдѣ былъ убитъ олень, изъ котораго вынули ливеръ (внутренности), а оставшееся мясо сварили. Затѣмъ шаманъ началъ шаманить, присутствующіе же помазали себя кровью убитаго оленя въ знакъ очищенія отъ соприкосновенія съ умершей. Шаманъ же, продолжая свои заклинанія, поочередно лизалъ каждаго изъ присутствующихъ и послѣ каждаго слизыванія сплевывалъ въ ливеръ оленя, что служило, по его объясненію, символомъ очищенія присутствующихъ. Въ концѣ церемоніи было принесено два топора, употреблявшіеся при сооруженіи сруба, которые также были облизаны шаманомъ въ очищеніе ихъ и въ предупрежденіе того, чтобы тотъ, кто первымъ будетъ употреблять ихъ, не порѣзался, что непремѣнно должно случиться безъ обряда очищенія. Обрядъ законченъ былъ поминками: ѣли сваренное оленье мясо" *).

Для искорененія этихъ и подобныхъ имъ суевѣрій туруханскіе миссіонеры устрояютъ школы, въ которыхъ обучаютъ инородческихъ дѣтей грамотѣ и Закону Божію, и такимъ путемъ вліяютъ на тамошнихъ новокрещенныхъ и остающихся еще въ язычествѣ инородцевъ.

Окидывая взоромъ миссіонерство въ западной Сибири въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, мы находимъ, что оно, широко развернувшись при митрополитѣ Филоѳеѣ Лещинскомъ, послѣ него постепенно падаетъ и, наконецъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка совсѣмъ прекращается. Но спустя 100 лѣтъ послѣ смерти этого святителя начался замѣтный поворотъ къ болѣе правильной постановкѣ миссіонерскаго дѣла,—поворотъ, закончившійся образованіемъ нѣсколькихъ миссій, изъ которыхъ четыре существуютъ и по настоящее время. Всматриваясь въ устройство ихъ и сравнивая его съ устройствомъ мис-

*) «Отчетъ Енисейскаго Комитета за 1895 г.» (см. «Православный Благовѣстникъ» за 1896 г., приложеніе, № 10, стр. 85—86).

сій прежняго времени, мы видимъ, что миссіонерство въ западной Сибири стало на болѣе цѣлесообразную почву. Въ старое время въ большинствѣ случаевъ оно было чисто внѣшнее. Миссіонеры предлагали инородцамъ новую вѣру и вмѣстѣ съ ней свободу отъ ясака; послѣдніе, принимая христіанство, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, въ сущности оставались такими-же язычниками, какими были и до принятія христіанства. Совсѣмъ другое представляетъ миссіонерская дѣятельность новаго времени. Здѣсь на первомъ планѣ миссіонеры поставили устройство школъ и чрезъ воспитаніе рѣшились внѣдрять язычникамъ христіанскія понятія. Школы во всѣхъ новыхъ миссіяхъ—одна изъ первыхъ заботъ миссіонеровъ. Есть и другая характерная особенность миссіонерской дѣятельности новаго времени, стоящая въ прямомъ отношеніи къ первой. Чтобы инородцы глубже усвоили христіанское ученіе, миссіонеры изучаютъ инородческіе языки и на нихъ излагаютъ евангельскія истины. Кромѣ того, новѣйшіе миссіонеры по мѣрѣ возможности и средствъ устрояютъ для инородцевъ разныя благотворительныя заведенія, напр. больницы. Заботясь о болѣе глубокомъ усвоеніи инородцами христіанства, они не придаютъ особеннаго значенія тому, чтобы крестить возможно большее число ихъ. Первый начальникъ алтайской миссіи архимандритъ Макарій, какъ мы видѣли, въ продолженіе своей тринадцатилѣтней миссіонерской дѣятельности обратилъ въ христіанство только 645 человѣкъ, между тѣмъ какъ митрополитъ Филоѳей крестилъ тысячи инородцевъ. Но за то первые являлись истинными христіанами, а многіе изъ обращенныхъ Филоѳеемъ Лещинскимъ послѣ его смерти по прежнему оставались въ язычествѣ. Судя по отчетамъ о дѣятельности новыхъ миссій въ западной Сибири, религіозное состояніе нѣкоторыхъ новообращенныхъ инородцевъ (напр., алтайскихъ калмыковъ) можно назвать даже довольно высокимъ.

ГЛАВА IV.

Инородцы восточной Сибири.

Восточная Сибирь—это особый міръ, вполнѣ достойный тщательнаго изученія. Тамъ въ нѣдрахъ земли драгоцѣнные металлы и камни, а въ глуши непроходимыхъ лѣсовъ пушистые звѣри. Тамъ плодоносныя, цвѣтущія равнины, изобильныя нивы и затѣмъ неприступныя горы съ вѣчно-снѣжными вершинами. Тамъ океанъ, омывающій ея сѣверъ съ необозримыми, безграничными берегами, и ледяная его поверхность только лѣтомъ въ продолженіе кратковременныхъ жаровъ, всего на полтора или на два мѣсяца, разбивается волнами и затѣмъ снова замерзаетъ. Тамъ въ восточной ея полосѣ въ свое время происходили великіе вулканическіе перевороты, слѣды которыхъ видны и донынѣ. Въ Камчаткѣ, напр., до сихъ поръ дымятся вулканы, называемые сопками.

Есть въ восточной Сибири мѣста, гдѣ лѣтомъ солнце не заходитъ за горизонтъ, а зимою бываетъ безсмѣнная ночь. Въ Нижне-Колымскѣ, напр., съ исхода мая до начала іюня солнце не скрывается, но лучи его едва грѣютъ и почти совершенно теряютъ свою яркость. За то съ 22-го сентября по 11-е октября тамъ господствуетъ безсмѣнная ночь, изрѣдка только освѣщаемая сѣверными сіяніями; а если нѣтъ густыхъ тумановъ, то постоянно видны и яркія звѣзды. Около Якутска съ іюля солнце заходитъ за горизонтъ къ десяти часамъ вечера огромнымъ шаромъ, краснымъ, какъ рубинъ, и въ два часа пополудни вновь появляется почти на сѣверѣ небосклона, имѣя совершенно бѣлый цвѣтъ. Какъ въ западной Сибири въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ ночи бываютъ свѣтлы и дни продолжительны, такъ, наоборотъ, въ восточной Сибири, кромѣ ея сѣверныхъ окраинъ, ночи темны и дни короче.

Сѣверная полоса этой страны, собственно говоря,—

дикая пустыня, не оживляемая даже и теченіемъ великихъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитое море и окованныхъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ льдами. Берега рѣкъ и вѣковые лѣса этой ея части посѣщаются только звѣрями, цѣнность которыхъ влечетъ туда массу сибирскихъ охотниковъ. На пространствѣ трехъ сотъ верстъ отъ береговъ Ледовитаго моря нѣтъ растительности; остались только слѣды давно угасшей жизни: въ землѣ иногда находятъ, особенно въ берегахъ рѣкъ и озеръ, цѣлыя деревья съ корнями и вѣтвями. Южнѣе находятся большія пространства, покрытыя болотами, тростникомъ, березами, ивами, мелкимъ кустарникомъ. Въ болѣе умѣренныхъ округахъ находятся необозримые, нетронутые лѣса — кедровые, сосновые, лиственичные. Кедры нерѣдко достигаютъ высоты ста двадцати футовъ. Природа страны—въ безпробудномъ усыпленіи, мертва и неизмѣнна, климатъ суровый и холодный по самому положенію страны и по причинѣ покатости ея къ океану, съ котораго безостановочно дуютъ сѣверные вѣтры.

За то южная полоса страны съ умѣреннымъ климатомъ имѣетъ плодородныя земли, обширныя луговыя равнины, множество большихъ и малыхъ рѣкъ и металлоносныя горы. Она можетъ питать многіе милліоны населенія. Можно надѣяться, что съ такими запасами естественныхъ богатствъ разнородныя кочевыя племена, слившись въ одно поколѣніе съ русскими, образуютъ впослѣдствіи великую массу населенія богатаго, сильнаго и цвѣтущаго. Теперь же край этотъ мало населенъ и хотя богатыя рыбою рѣки и орошаютъ его во всѣхъ направленіяхъ, но не оживлены такимъ дѣятельнымъ судоходствомъ, какое мы видимъ на европейскихъ рѣкахъ. Сибирскія рѣки только временно служатъ для провоза главнѣйшихъ жизненныхъ потребностей, металловъ, пушного звѣря и нѣкоторыхъ китайскихъ товаровъ.

Народонаселеніе восточной Сибири до того разно-

образно, что тамъ можно наблюдать жизнь человѣка почти во всѣхъ видахъ ея общественнаго положенія. На самой низшей степени ея стоятъ инородцы, представители коренного населенія страны—бродячаго, кочующаго и осѣдлаго. Одни изъ нихъ—послѣдователи магометанства, другіе — шаманской вѣры, третьи — поклонники Шакьямуни и т. п. По степямъ, лѣсамъ и тундрамъ восточной Сибири кочуютъ буряты, тунгусы, якуты, юкагиры, чукчи, коряки, камчадалы и многія другія племена, очень малочисленныя.

Буряты съ давнихъ поръ поселились вокругъ Байкальскаго озера, въ Иркутской губерніи и Забайкальской области. Въ настоящее время всѣхъ ихъ насчитывается около 250 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ одни уже перешли къ осѣдлому образу жизни, а другіе еще кочуютъ по степямъ.

По своему характеру, буряты миролюбивы и кротки; но если ихъ оскорбятъ, они мстительны и даже злы. У нихъ весьма сильно развита взаимная помощь: нищій-бурятъ всегда можетъ найти себѣ пріютъ и убѣжище въ любой юртѣ; бездомный или сирота можетъ самъ взять себѣ здѣсь съѣстного и т. п.

Главное занятіе бурятъ, особенно кочевыхъ, составляетъ скотоводство; въ безграничныхъ степяхъ Забайкалья всегда можно видѣть пасущимися табуны лошадей въ нѣсколько тысячъ головъ, огромныя стада рогатаго скота и овецъ. Земледѣліемъ занимаются только осѣдлые буряты. Обрабатывать землю и сѣять хлѣбъ они научились отъ русскихъ; но, благодаря удобренію почвы и тщательному орошенію ея (посредствомъ канавъ), они получаютъ бо́льшіе урожаи, чѣмъ наши крестьяне. Буряты, живущіе по берегамъ рѣкъ Селенги, Баргузина, Анагры и др., занимаются рыболовствомъ; но этотъ промыселъ, равно какъ и звѣроловство, не составляетъ главнаго занятія ихъ.

Буряты живутъ въ восточныхъ юртахъ и только рѣд-

кіе изъ нихъ, болѣе или менѣе обрусѣвшіе, устраиваютъ себѣ деревянныя помѣщенія. По сторонамъ юрты расположены низенькія кровати и расписные ящики для храненія одежды, а около двери помѣщается домашняя утварь, какъ-то: кадка для воды, чашки для питья чаю. Посреди юрты находится треножникъ надъ постоянно горящими или тлѣющими дровами.

Лѣтомъ буряты ходятъ въ бумажныхъ, а богатые нерѣдко въ шелковыхъ халатахъ; зимою же обыкновенную одежду ихъ составляютъ бараньи тулупы, которые у богатыхъ бываютъ покрыты шелковой матеріей и обшиты на груди и по подолу соболемъ. Поверхъ халата или тулупа буряты опоясываются кожанымъ или тканымъ поясомъ, на которомъ висятъ ножъ собственнаго издѣлія, кошелекъ съ огнивомъ, кремнемъ и трутомъ, кисетъ для табаку и маленькая металлическая трубка. На головѣ буряты носятъ острокопечныя мѣховыя шапки съ цвѣтною шелковою кистью на верхушкѣ. Одежда женщинъ похожа на одежду мужчинъ, только у первыхъ она бываетъ болѣе украшена, чѣмъ у послѣднихъ. Замужнія женщины заплетаютъ свои волосы въ двѣ косы, спускаемыя на грудь; дѣвушки же заплетаютъ ихъ во множество мелкихъ косичекъ. На концахъ косъ у женщинъ и дѣвушекъ бываютъ привѣшаны различныя металлическія украшенія и серебряныя монеты. Мужчины же совсѣмъ не носятъ волосъ; они брѣютъ голову и только на макушкѣ оставляютъ длинную косу, которая спускается на спину.

Главную пищу бурятъ, какъ народа пастушескаго, составляютъ мясо, особенно баранина, и молоко въ различныхъ видахъ. Любятъ они также тюленій жиръ, который ѣдятъ безъ соли и хлѣба; высшимъ же лакомствомъ у нихъ считается *саламата*—блюдо, приготовляемое изъ сметаны и муки. Любимымъ напиткомъ бурятъ, кромѣ молока и доросуна, служитъ кирпичный

чай, который они варятъ съ молокомъ, причемъ прибавляютъ въ него соли.

Среди бурятъ-язычниковъ распространена двоякаго рода религія: одни изъ нихъ признаютъ шаманство, а другіе—ламайство. Очеркъ этихъ двухъ вѣроисповѣданій, а равно и соединенныхъ съ ними обрядовъ, представленъ нами въ первой главѣ въ такомъ именно видѣ, въ какомъ тѣ и другіе содержатся бурятами; а потому о нихъ сейчасъ нѣтъ надобности говорить.

Тунгусы бродятъ на огромномъ пространствѣ отъ границы Китайской имперіи почти до Ледовитаго океана и отъ Охотскаго моря до рѣки Енисея. Всѣхъ ихъ насчитывается до 60 тысячъ человѣкъ.

Характеръ тунгусовъ значительно отличается отъ характера другихъ сибирскихъ инородцевъ. Тунгусы обыкновенно веселы, разговорчивы; даже голодъ не выводитъ ихъ изъ постояпно-веселаго настроенія духа. Воровство, ложь и обманъ тунгусы признаютъ позорнымъ. Если кто-нибудь обзоветъ тунгуса лжецомъ, то этимъ сильно оскорбитъ его и вызоветъ въ немъ желаніе отомстить за обиду. Случается, что обиженный вызываетъ обидчика на поединокъ; но такъ какъ поединки запрещены закономъ, то они совершаются тайно, въ лѣсу.

Тунгусы, живущіе вблизи русскихъ, сдѣлались осѣдлыми и занимаются такими же промыслами, какъ и русскіе крестьяне. Всѣ же остальные ведутъ кочевой образъ жизни, и главное занятіе ихъ составляетъ оленеводство или звѣроловство. Рыболовствомъ тунгусы занимаются по нуждѣ, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ близъ Охотскаго моря; у этихъ послѣднихъ рыбный промыселъ развитъ въ значительной степени.

Нѣкоторые изъ тунгусовъ, живущихъ въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ, строятъ бревенчатыя избушки.

Но въ этихъ избушкахъ они живутъ только зимою; съ наступленіемъ же лѣта они покидаютъ ихъ и переселяются въ чумы, представляющіе значительныя удобства при кочевомъ образѣ жизни. Тунгусскіе чумы большею частью похожи на чумы самоѣдовъ.

Одежда тунгусовъ довольно сложная и красивая и одинакова какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. Тѣ и другія носятъ короткій кафтанъ изъ оленьей шкуры, который спереди застегивается стеклянными пуговицами. Открытую грудь они покрываютъ передникомъ, который бываетъ опушенъ мѣхомъ какого-либо звѣря, а по переднику опоясываются широкимъ кожанымъ поясомъ. На головѣ тунгусы и тунгуски носятъ лѣтомъ повязку или чепецъ, а зимою мѣховую шапку съ различными украшеніями, а ноги обуваютъ въ сапоги изъ шкурокъ съ оленьихъ ногъ.

Кромѣ оленины и рыбы, составляющихъ обыкновенную пищу тунгусовъ, они ѣдятъ все, что только могутъ найти или промыслить въ лѣсу: медвѣдя, волка, бѣлку, крота, всякую птицу и даже падаль; кромѣ того, они ѣдятъ ягоды и коренья.

Большинство язычествующихъ тунгусовъ исповѣдуетъ ламайскую религію, заимствованную ими отъ бурятъ и китайцевъ. Что же касается тунгусовъ-шаманистовъ, то они имѣютъ самыя смутныя и сбивчивыя религіозныя понятія. Доброе божество они называютъ *Бога*, а злое или діавола—*Буга* и приносятъ имъ въ жертву мясо, шкуры или какія-либо тряпицы.

При заключеніи браковъ, рожденіи дѣтей и погребеніи умершихъ тунгусы свято соблюдаютъ различные и своеобразные обычаи и обряды.

Свадебные обычаи состоятъ въ слѣдующемъ. Женихъ посылаетъ свата къ родителямъ избранной имъ невѣсты. Сватъ приходитъ или пріѣзжаетъ къ чуму, входитъ въ него и молча садится на переднее мѣсто. Выкуривъ трубку табаку, онъ объявляетъ цѣль своего

прибытія и спрашиваетъ, сколько требуется калыму за невѣсту; получивъ отвѣтъ, онъ опять спрашиваетъ, сколько и чего именно она принесетъ съ собою въ приданое, такъ какъ взамѣнъ калыма невѣста должна имѣть приданое—оленей, одежду и пр.; узнавъ объ этомъ, онъ возвращается къ жениху и сообщаетъ ему о результатахъ своего посольства. Если женихъ согласенъ на всѣ условія, то онъ отдаетъ требуемый калымъ свату, который и доставляетъ его родителямъ невѣсты; а эти послѣдніе, снарядивъ свою дочь, отправляютъ ее со всѣмъ обѣщаннымъ приданымъ въ жилище жениха. Здѣсь обыкновенно ее никто не встрѣчаетъ, и она, сама распрягши оленей, на которыхъ пріѣхала, входитъ въ чумъ, садится у очага и начинаетъ подкладывать дрова въ огонь. Женихъ, который находится тутъ же, спустя нѣкоторое время снимаетъ съ себя парку и бросаетъ ее къ невѣстѣ на колѣни; та беретъ ее и уходитъ изъ чума. Этимъ доказательствомъ вступленія невѣсты въ права хозяйки бракъ считается совершившимся и затѣмъ уже слѣдуетъ свадебный пиръ.

Новорожденнаго зимою обмываютъ въ снѣгу, а лѣтомъ въ ближайшемъ ручьѣ. На третьемъ году послѣ рожденія ребенку дается имя—чаще всего перваго вошедшаго въ чумъ лица.

Покойниковъ тунгусы зашиваютъ въ оленьи шкуры или въ ихъ собственныя одежды и вѣшаютъ на деревья или кладутъ на лабазъ — высокій помостъ, устраиваемый на сажень и болѣе отъ земли, между четырьмя близко стоящими деревьями, а самыя деревья обмазываютъ кровью убитаго оленя. Тунгусы очень боятся своихъ покойниковъ и тотчасъ послѣ похоронъ перекочевываютъ на другое мѣсто. Если же кто-либо изъ нихъ набредетъ на мѣсто погребенія, то старается удалиться отъ него, пятясь назадъ до тѣхъ поръ, пока дерево или лабазъ съ мертвецомъ не скроются изъ глазъ.

Якуты, въ количествѣ 231 тысячъ человѣкъ, насе-

ляютъ Якутскую область, по бассейнамъ Лены, Яны, Индигирки и Колымы.

Эти инородцы отъ природы своей одарены довольно значительными умственными способностями и главнымъ образомъ — сильною памятью; достаточно якуту разъ проѣхать по дорогѣ, чтобы навсегда запомнить каждый кустикъ, ручеекъ, пригорокъ. Изъ внѣшнихъ чувствъ особенно сильно у якутовъ зрѣніе; нѣкоторые изъ нихъ невооруженнымъ глазомъ видятъ такія звѣзды, которыя европейцу видны только въ зрительную трубу. Что же касается нравственнаго состоянія якутовъ, то въ этомъ отношеніи они ниже всѣхъ другихъ инородцевъ. Якуты лукавы и не всегда честны; если что плохо припрятано, якутъ стащитъ; если представляется возможность поживиться обманомъ, онъ не задумается прибѣгнуть къ нему. Кромѣ того, якуты злопамятны и мстительны; за полученную обиду якутъ постарается отомстить; если же это не удастся ему самому, онъ завѣщаетъ мщеніе своему сыну или ближайшему родственнику.

Главное занятіе якутовъ состоитъ въ разведеніи лошадей и рогатаго скота. Лошадь служитъ для нихъ тѣмъ же, чѣмъ олень для самоѣдовъ и остяковъ, т. е. не только употребляется для верховой ѣзды и перевозки тяжестей, но и доставляетъ пищу и питье: конина составляетъ ихъ лакомое блюдо, а кумысъ—любимый напитокъ. Кромѣ лошадей, для ѣзды употребляются также олени и собаки. Собакъ запрягаютъ въ длинныя нарты, передняя часть которыхъ скрѣплена полукруглой вѣтвиной, называемой барапомъ; отъ барана проведенъ ремень съ узлами, на которые по обѣ стороны привѣшиваются петлями собаки. Въ одну нарту запрягаютъ отъ 6 до 14 собакъ, смотря по грузу; на каждую собаку полагается около одного пуда тяжести. Рогатый скотъ разводится якутами для молока и мяса, а также и для перевозки большихъ тяжестей. Въ послѣднее время часть якутовъ, живущихъ въ южной части Якутской

области, начала заниматься, по примѣру русскихъ, хлѣбопашествомъ. Но занятіе это находитъ себѣ препятствіе въ климатическихъ условіяхъ страны. Нерѣдко случается, что засѣянный хлѣбъ пропадаетъ отъ мороза, прежде чѣмъ успѣетъ созрѣть. Звѣриный промыселъ, хотя съ каждымъ годомъ замѣтно падаетъ, однако, доставляетъ еще значительный доходъ якутамъ. Наконецъ, значительное подспорье въ хозяйствѣ якутовъ, живущихъ по берегамъ рѣкъ, составляетъ рыболовство. Уловъ рыбы здѣсь бываетъ настолько обильный, что ею не только питаются сами жители, но и кормятъ собакъ и даже рогатый скотъ.

Якуты лѣтомъ живутъ въ берестяныхъ чумахъ, которые при перекочевкѣ перевозятся; чумы ихъ похожи на чумы самоѣдовъ и другихъ сѣверныхъ инородцевъ. Зимою они живутъ въ избушкахъ, сдѣланныхъ изъ досокъ или тонкихъ бревенъ, прикрѣпленныхъ къ четыремъ столбамъ. Снаружи избушки обмазаны глиной или обложены дерномъ. Низкая кровля изъ жердей покрывается сѣномъ, а потомъ слоемъ земли. Свѣтъ въ избушку проникаетъ чрезъ одно или два небольшія окошца съ вставленными въ нихъ льдинами. Низкая дверь всегда обращена къ востоку. Вдоль стѣнъ избушки устроены постели, отгороженныя одна отъ другой лошадиными кожами или досками. Посрединѣ ея стоитъ очагъ съ трубою, проведенною въ кровлю; въ немъ постоянно поддерживается огонь для тепла и варки пищи. По стѣнамъ избы развѣшаны платье и другія принадлежности якутовъ.

Объ одеждѣ якутовъ приходится сказать почти тоже, что и объ одеждѣ тунгусовъ. Такъ какъ весьма многіе якуты совершаютъ зимою большіе переѣзды и притомъ исключительно верхомъ, то вслѣдствіе этого кафтаны ихъ нѣсколько короче тунгусскихъ и имѣютъ разрѣзъ сзади, чтобы удобнѣе было сидѣть верхомъ, а ноги защищены мѣховыми брюками и чулками. Жен-

ская одежда очень похожа на мужскую, только нѣсколько длиннѣе. Женщины любятъ носить разные уборы, преимущественно изъ серебра. Особенно бросаются въ глаза большихъ размѣровъ серьги и высокія мѣховыя шапки, для которыхъ берется по возможности мѣхъ россомахи. Шапки эти у богатыхъ украшаютъ серебряными монетами, привѣшанными къ ремнямъ.

Якуты очень обжорливы. Кромѣ говядины, они ѣдятъ въ большомъ количествѣ конину, дичь, рыбу, питаются также молочными скопами и ягодами. Главное лакомство якутовъ—жиръ, который они употребляютъ въ различныхъ видахъ: сырой и топленый, свѣжій и испорченный. Изъ коровьяго и топленаго молока они приготовляютъ кумысъ и кушанъ. Послѣднее кушанье представляетъ собою смѣсь творогу и масла, иногда съ прибавкою брусники.

Якуты исповѣдуютъ шаманскую вѣру. Они представляютъ всю окружающую ихъ природу населенною и управляемою особыми духами и находятся подъ постояннымъ страхомъ отъ этихъ духовъ, такъ какъ послѣдніе на каждомъ шагу могутъ создавать человѣку тысячи препятствій и затрудненій. Поднимется ли якутъ на горный хребетъ, спустится ли съ него благополучно, проѣдетъ ли какой-либо оврагъ,—значитъ духи помогли ему и потому надобно задобрить ихъ, умилостивить, и вотъ онъ береть какую-нибудь разноцвѣтную тряпочку или просто пукъ волосъ отъ гривы коня и привязываетъ ихъ къ вѣткѣ самаго высокаго дерева, а женщины жертвуютъ въ настоящемъ случаѣ даже своими волосами.

Почитаются якутами и духи водъ, которые особенно обильными жертвами пользуются на сѣверѣ. Въ 250 верстахъ отъ заштатнаго города Жиганска, на р. Ленѣ, стоитъ утесистый островъ *Столбо-Тасъ*, о происхожденіи котораго существуетъ слѣдующая легенда, подтверждающая только что высказанное положеніе. Давно-давно,

во времена глубокой древности, жили-были на горахъ Ленскихъ три духа подъ видомъ трехъ дѣвъ. Эти дѣвы почему-то пожелали запрудить Лену. Для этого онѣ схватили одинъ изъ каменныхъ утесовъ и хотѣли-было поставить его поперекъ рѣки, но Богъ воспрепятствовалъ такому злому намѣренію ихъ, и утесъ оказался поставленнымъ вдоль рѣки, а не поперекъ. Сами же дѣвы поплатились за это: онѣ были превращены въ камень. И теперь судовщики, поднимающіеся вверхъ, въ Якутскъ, для продажи рыбы и спускающіеся обратно въ Жиганскъ, подъѣзжая къ этому каменистому утесу, считаютъ своей священной обязанностью каждый разъ принести жертву этимъ духамъ. Для этого, соорудивши маленькую берестяную лодочку, снабжаютъ ее разными яствами, находящимися на суднѣ: хлѣбомъ, солью, рыбой, масломъ и даже водкой. И лодочка, какъ увѣряютъ судовщики, исчезаетъ чуть не на ихъ глазахъ,— такъ нетерпѣливы эти духи. Смѣльчаковъ, пренебрегающихъ этимъ обычаемъ, не бываетъ, такъ какъ каждому дорога своя жизнь.

Если огонь въ жизни цѣлаго человѣчества игралъ немаловажную роль, то для обитателей Якутскаго края, отличающагося весьма суровымъ и холоднымъ климатомъ, онъ составлялъ и теперь составляетъ величайшую драгоцѣнность; даже болѣе, онъ былъ и есть духъ и духъ добрый, чуть ли не единственное олицетвореніе Бога. И якутъ благоговѣетъ предъ этимъ добрымъ духомъ, принося ему жертвы. Со словами: *эежя сэ* (дѣдушка кушай), онъ бросаетъ въ огонь самый лучшій кусокъ мяса или масла, а потомъ уже угощается самъ.

Обитатели лѣсовъ—звѣри, птицы также имѣютъ своего духа *Барылах*, вполнѣ распоряжающагося ихъ судьбою, такъ что счастливая или неудачная охота вполнѣ зависитъ отъ него. Кто желаетъ заручиться расположеніемъ этого духа, тотъ не долженъ бросать нѣкоторыхъ частей отъ птицы, напр. дужку или спинную

кость. Чего добраго,—черезъ нихъ можетъ перешагнуть женщина или прикоснуться что-либо нечистое, и тогда нечего разсчитывать на хорошій уловъ. Это повѣрье заставляетъ якутовъ украшать щели дома костями или перьями птицы, такъ что по числу ихъ безошибочно можно опредѣлить колличество улова звѣря или птицы въ извѣстный годъ.

Бракъ у якутовъ совершается послѣ уплаты родителямъ невѣсты условленнаго калыма. Случается, что родители просватываютъ своихъ еще малолѣтнихъ дѣтей, причемъ начинается и уплата калыма. Большею же частью женихъ самъ находитъ себѣ невѣсту и съ согласія своихъ родителей посылаетъ къ родителямъ избранной имъ дѣвушки свата, который и условливается относительно калыма. Заключивши условіе, спрашиваютъ невѣсту, согласна ли она выйти за сватающагося жениха. Она обыкновенно молчитъ, и молчаніе ея принимается за согласіе. Спустя нѣсколько времени, обыкновенно въ первыхъ числахъ рожденія новой луны, женихъ съ родственниками пріѣзжаетъ въ улусъ невѣсты. Вошедши въ избу, онъ становится по правую сторону очага, а отецъ съ матерью по лѣвую. Женихъ преклоняетъ правое колѣно и льетъ въ огонь топленое масло, потомъ, приподнявши шапку, дѣлаетъ три поклона. Шаманъ, сидящій на отцовской постели, провозглашаетъ пожеланіе вступающимъ въ бракъ счастья, долголѣтія, богатства и многочисленнаго потомства. Женихъ выходитъ изъ избы и, одѣвъ лучшее платье, снова возвращается въ нее съ гостями. Начинается угощеніе лошадинымъ и коровьимъ мясомъ, масломъ и чаемъ. Послѣ угощенія невѣста вмѣстѣ съ своими родственниками ѣдетъ въ улусъ жениха. Когда поѣздъ приблизится, родственники нахлобучиваютъ ей на глаза шапку или завѣшиваютъ ея лицо шкурою. Затѣмъ трое изъ нихъ входятъ въ хижину жениха и, ставъ на колѣни предъ горящимъ очагомъ, объявляютъ, что при-

шли по порученію невѣсты осмотрѣть ея новое жилище. Имъ подносятъ по кружкѣ кумысу, и они трижды призываютъ благословеніе на молодыхъ, кропятъ кумысомъ очагъ и пьютъ его. Послѣ этого осматривавшіе жилище выходятъ изъ него и присоединяются къ прибывшему поѣзду невѣсты. Послѣдняя, вошедши въ хижину, становится на правое колѣно, кладетъ въ огонь масло и дѣлаетъ три поклона. Шаманъ вторично провозглашаетъ пожеланіе жениху и невѣстѣ богатства, счастья и многочисленнаго потомства. Обрядъ оканчивается пиршествомъ.

По вѣрованію якутовъ, чадородіемъ распоряжается духъ женскаго пола *Эхситъ*, такъ что многоплодіе и безплодіе вполнѣ зависятъ отъ него. Служительницею этого духа является повитуха, которая въ случаѣ тяжелыхъ и продолжительныхъ родовъ обращается къ нему съ восклицаніемъ: „Эхситъ, помоги!“ Послѣ родовъ тотчасъ дѣлается благодарственное возліяніе на огонь масла; масломъ же вымазывается передъ камнемъ и новорожденный, а родильницѣ дается цѣлая чашка его. На третій день происходитъ обрядъ проводовъ Эхсита. Для этого въ домъ родильницы собираются исключительно женщины, которыя раскладываютъ на земляномъ полу чума костеръ изъ лучинокъ, садятся въ высокихъ шапкахъ на корточки вокругъ его, затѣмъ подливаютъ масла на огонь, остатками его мажутъ себѣ лица и начинаютъ бить въ ладоши и хохотать. Дымъ, выходящій изъ костра, ловкая повитуха объясняетъ въ томъ смыслѣ, что Эхситъ обратилъ на родильницу благосклонное вниманіе, и она можетъ разсчитывать имѣть дитя и въ слѣдующемъ году.

Считая, какъ и многіе другіе народы, трупъ умершаго нечистымъ, якуты кладутъ его на лавку, а не на столъ. Заботливые родственники покойнаго надѣляютъ умершаго табакеркой или кисетомъ съ трубкой, шапкой, поясомъ и даже бутылкой съ водкой. Затѣмъ под-

водятъ къ открытому окну, гдѣ лежитъ покойникъ, любимаго его коня и влагаютъ умершему въ руки поводья; обводятъ этого коня вокругъ жилища и убиваютъ. Мясо идетъ на угощеніе. По выносѣ покойнаго домъ выметаютъ, моютъ и запираютъ внутри, а соръ сожигаютъ на кострѣ, во дворѣ. Каждый, возвратившійся съ похоронъ, съ цѣлію очищенія отъ нечистоты, долженъ обойти вокругъ костра, ударить себя нѣсколько разъ какой нибудь вѣточкой, захваченной по дорогѣ, и затѣмъ уже стучаться въ дверь. Здѣсь его три раза окликаютъ: „кто ты?“—на что тотъ отвѣчаетъ: *айисыт оготобуне* (сынъ Творца). Въ прежнее время гробы выдалбливались изъ цѣльнаго дерева въ видѣ корыта и ставились на высокихъ вѣтвяхъ деревъ съ тою, вѣроятно, цѣлью, чтобы никто не осквернялся ими и лежащіе въ нихъ покойники не истреблялись животными. Въ настоящее же время они зарываются въ землю.

Юкагиры живутъ въ сѣверо-восточной Сибири, по берегу Ледовитаго океана, между рѣками Яною и Колымою. Въ прежнія времена юкагировъ, по ихъ собственному выраженію, было „какъ звѣздъ на небѣ“. Но оспа и другія заразныя болѣзни значительно уменьшили число ихъ, такъ что въ настоящее время ихъ насчитывается только до 1,400 человѣкъ.

Главное занятіе юкагировъ состоитъ въ оленеводствѣ, охотѣ и отчасти рыболовствѣ. Охота за дикими оленями по преимуществу обезпечиваетъ продовольствіе юкагировъ. Отъ оленей они имѣютъ и пищу и одежду. Кромѣ того, они искусно выдѣлываютъ шкуры оленей и промѣниваютъ ихъ русскимъ на посуду, оружіе и т. п.

По образу жизни юкагиры раздѣляются на осѣдлыхъ и кочевыхъ. Осѣдлые живутъ въ бревенчатыхъ избушкахъ. Налѣво отъ входа въ избѣ помѣщается очагъ, на которомъ постоянно горятъ или тлѣютъ дрова; посреднѣ стоитъ большой столъ, а по сторонамъ распо-

ложены большія лавки. Кочевые юкагиры живутъ въ чумахъ, похожихъ на чумы самоѣдовъ и тунгусовъ, или въ землянкахъ, покрытыхъ дерномъ, землей и снѣгомъ. Избушки и земляшки отапливаются и освѣщаются морковымъ жиромъ.

Одежда юкагировъ дѣлается изъ шкуръ оленей и дикихъ звѣрей. Верхняя одежда (малица) бываетъ украшена мѣдными пуговицами. Женщины имѣютъ на верхней одеждѣ откладной воротникъ изъ соболя или россомахи, а мужчины—стоячій воротникъ изъ какого-нибудь болѣе дешеваго мѣха. На голову мужчины надѣваютъ мѣховую шапку, а женщины повязываютъ ее платкомъ. Дѣвушки обвѣшиваютъ свои волосы мѣдными пуговицами, серебряными монетами и узенькими суконными полосками. Замужнія женщины не носятъ этихъ украшеній.

Пищей юкагировъ служитъ главнымъ образомъ олепина въ различныхъ видахъ, т. е. вареная, вялепая, сырая и т. п., а также мясо птицъ, рыба, ягоды и коренья нѣкоторыхъ растеній.

Изъ бытовыхъ обрядовъ юкагировъ обращаютъ на себя вниманіе обряды при свадьбѣ. Условившись о размѣрѣ калыма за невѣсту, родственники и сваты убиваютъ оленя и пируютъ. На слѣдующій день невѣста одѣвается въ свой лучшій нарядъ и покрываетъ кускомъ матеріи свое лицо. Мать или другая женщина отвозитъ ее въ чумъ жениха. Тамъ встрѣчаетъ ее мать или родственница жениха, снимаетъ съ нея покрывало и усаживаетъ подлѣ жениха. На другой день послѣ свадьбы молодая сбрасываетъ съ своихъ косъ дѣвичьи украшенія и уже больше не надѣваетъ ихъ. Иногда за невѣстой пріѣзжаетъ сватъ. Онъ садится у очага, закуриваетъ трубку и, не говоря ни слова, подаетъ невѣстѣ колчанъ со стрѣлами; она передаетъ его своему отцу, а сама бросается изъ чума; ее ловятъ, будто насильно садятъ въ нарту и везутъ въ чумъ жениха.

Чукчи живутъ на сѣверо-востокѣ Сибири, отъ рѣки Колымы до Берингова пролива и отъ Камчатки до Сѣвернаго Ледовитаго океана, на полуостровѣ, называемомъ Чукотскимъ. Всѣхъ ихъ насчитывается около 10 тысячъ человѣкъ.

Одни изъ чукчей кочуютъ по тундрѣ и занимаются оленеводствомъ; другіе же, лишившись своихъ оленей перешли къ побережью океана, основались здѣсь и стали заниматься ловлей рыбы и морскихъ животныхъ.

Жилищемъ чукчей служитъ палатка, которая строится изъ китовыхъ реберъ и шестовъ, и обтягивается оленьими и тюленьими шкурами. Южная стѣна палатки имѣетъ прямое положеніе; въ ней находится маленькая дверь, завѣшиваемая шкурой. Противоположная, т. е. сѣверная стѣна дѣлается наклонной. Подъ ней, внутри палатки, устраивается другая четырехугольная палатка изъ оленьихъ шкуръ, служащая спальней въ сильные холода. Въ ней раскладываютъ огонь, причемъ вмѣсто дровъ жгутъ мохъ или кости, облитыя для лучшаго горѣнія китовымъ жиромъ. Дымъ выходитъ въ отверстіе, находящееся вверху внутренней и внѣшней палатокъ.

Одежда чукчей дѣлается изъ оленьихъ шкуръ; они носятъ *куклянку*, т. е. оленью куртку шерстью вверхъ; по куклянкѣ подпоясываются толстымъ ремнемъ. Внизу куклянка опушена длиннымъ чернымъ мѣхомъ и мѣстами украшена кусочками краснаго сафьяна и блестящими металлическими пластинками. Но ноги надѣваютъ мѣховые шаровары и высокіе сапоги изъ тюленьей шкуры. На голову надѣваютъ большую шапку съ наушниками.

Пища кочующихъ чукчей состоитъ главнымъ образомъ изъ вареной оленины; осѣдлые же чукчи питаются преимущественно мясомъ, жиромъ и кровью морскихъ животныхъ. Рыбу они ѣдятъ только при недостаткѣ мяса; соли почти не употребляютъ.

Большинство чукчей, исключая крещеныхъ,—шама-

нисти, признаютъ бытіе Творца вселенной и злыхъ и добрыхъ духовъ. Діавола они называютъ *камакъ*, что значитъ „смерть“. У чукчей существуютъ нѣкоторые обычаи, показывающіе ихъ вѣру въ загробную жизнь; напр., проѣзжая мимо могилы, они бросаютъ умершему немного табаку; по направленію дыма при сожиганіи умершихъ (жгутъ не всѣхъ, а кто самъ того пожелаетъ) гадаютъ о томъ, въ хорошее или худое мѣсто отправилась душа покойника; костей убитыхъ оленей не бросаютъ, а, собравъ въ группу, сожигаютъ, въ надеждѣ получить такихъ оленей на томъ свѣтѣ жирными. Вообще чукчи представляютъ себѣ будущую жизнь подобною настоящей, но только безпечальною для добрыхъ. Есть у нихъ и праздникъ, который колымцы называютъ оленьимъ; онъ празднуется, когда отелится оленья самка, принесеніемъ жертвы, состоящей въ кропленіи крови убитаго оленя на четыре стороны свѣта, въ угощеніи знакомыхъ и посѣщеніи (если близко) могилъ родственниковъ. Имѣютъ чукчи-язычники и что-то въ родѣ оленьихъ божковъ, которыхъ представляютъ нанизанные на ремень маленькіе, различной формы, корешки отъ ерника и другихъ растеній. Этихъ божковъ, равно какъ и инструментъ, служащій для добыванія огня изъ дерева и представляющій собою подобіе скалы съ углубленіями, изрѣдка чествуютъ мазаньемъ оленьяго жира и крови.

Такъ какъ чукчи, вслѣдствіе задорнаго характера долго оставались въ сторонѣ отъ другихъ націй и ихъ вліянія, то они удержали много грубыхъ обычаевъ, которыхъ у прочихъ сибирскихъ инородцевъ не существуетъ уже болѣе. Такъ, напр., у нихъ сохранился обычай убійства или, вѣрнѣе, самоубійства неспособныхъ стариковъ. Побужденіемъ къ этому служитъ вѣра въ умершихъ и злыхъ духовъ, какъ виновниковъ различныхъ несчастій, скорбей и болѣзней. Въ угоду этимъ врагамъ человѣческаго благополучія чукчи и жертвуютъ

своею жизнью. Чукча, рѣшившій покончить всѣ земные связи и разсчеты, заявляетъ о томъ ближайшимъ родственникамъ, которые начинаютъ всячески уговаривать фанатика отложить задуманное дѣло и не огорчать ихъ. Но всѣ подобныя увѣщанія оказываются безполезными. Рѣшившій преждевременно разстаться съ жизнью, ссылается на разныя побужденія къ исполненію своего намѣренія,—на мертвецовъ, которые мучатъ его, на дьяволовъ, которые являются ему во снѣ и т. п. Начинается приготовленіе фанатика къ смерти; какъ для предпринимающаго далекое путешествіе въ другой міръ, для него изготовляется новая одежда изъ бѣлыхъ оленьихъ шкуръ, новыя санки и сбруя для оленей. Все это дѣлается медленно, по крайней мѣрѣ въ теченіе 10—15 дней. Наконецъ, наступаетъ день, назначенный для смерти. Собираются родные и сосѣди. Въ присутствіи ихъ обрекшій себя на смерть надѣваетъ новое платье и садится въ углу юрты. Орудіе для умерщвленія его (ножъ, копье или ремень) находится въ рукахъ ближайшаго родственника. Если изувѣръ желаетъ быть умерщвленъ ножомъ, то двое изъ родныхъ держатъ его за руки, а третій, поставивъ острый ножъ къ лѣвой сторонѣ горла, вонзаетъ его, направляя въ сердце. Если онъ желаетъ быть заколотымъ, то сквозь отверстіе въ стѣнахъ подается копье, и фанатикъ, направивъ его въ сердце, подаетъ знакъ, чтобы его закололи. Если же онъ желаетъ быть удавленнымъ, то двое родныхъ, обвивъ вокругъ шеи ремень, тянутъ его въ противоположныя стороны, пока не удушатъ свою жертву. Воля чукчи исполнена. Убитаго кладутъ на приготовленныя сани въ полусидячемъ положеніи и увозятъ на назначенное мѣсто. Здѣсь провожавшіе мертвеца должны разстаться съ нимъ. Олени, на которыхъ онъ привезенъ, закалываются. Съ умершаго снимаютъ одежду, разрѣзываютъ ее на мелкіе куски и оставляютъ на мѣстѣ, а самого его, связавъ по рукамъ и ногамъ, кладутъ на костеръ

и сожигаютъ. Участвовавшіе въ погребальной процессіи, намазавъ лицо и руки кровью умершаго, обращаются къ нему во время сожиганія съ мольбою и просятъ не забывать ихъ. Затѣмъ, дождавшись сожженія трупа когда останется отъ него одинъ пепелъ, разъѣзжаются по домамъ *).

Чрезвычайно оригинальны и свадебные обычаи. Молодому чукчѣ не особенно легко жениться, такъ какъ на него налагаются предварительныя испытанія, въ высшей степени тяжелыя. Онъ долженъ явиться къ отцу избранной имъ дѣвушки съ подарками и въ случаѣ принятія сдѣланнаго имъ предложенія и подарковъ, поступаетъ къ отцу невѣсты въ полное услуженіе, при чемъ долженъ исполнять самыя тяжелыя работы. Проходятъ нерѣдко цѣлые годы, пока терпѣливый женихъ успѣетъ завоевать расположеніе своего будущаго тестя, который къ тому же въ случаѣ какихъ-нибудь столкновеній можетъ безъ всякой церемоніи прогнать его. Когда, наконецъ, женихъ придется по вкусу своему тестю, то его весьма страннымъ образомъ возводятъ въ права мужа: въ общей юртѣ въ одинъ прекрасный день устраивается изъ оленьихъ шкуръ новый пологъ, за которымъ садится невѣста; послѣ этого сперва тесть и теща, а потомъ и всѣ остальные гости нападаютъ на жениха и самымъ немилосердымъ образомъ избиваютъ его палками. Побои эти онъ долженъ переносить безропотно и не защищаясь. Тогда только онъ докажетъ, что у него нѣтъ недостатка въ выносливости и самообладаніи, что онъ достоинъ быть мужемъ,—и бракъ считается заключеннымъ. Хотя многоженство у чукчей и допускается, но такъ какъ мужчины при каждомъ послѣдующемъ бракѣ должны подвергатся такимъ же испытаніямъ, какъ и при первомъ, то большею частью довольствуются однимъ бракомъ. Впрочемъ, богатые и знатные

*) «Православный Благовѣстникъ» за 1893 г. № 7, стр. 41—42.

чукчи, которымъ испытанія, вѣроятно, облегчаются, очень гордятся большимъ числомъ женъ.

Коряки живутъ на пространствѣ отъ средней части полуострова Камчатки до рѣки Анадырь. Число ихъ простирается до 4,500 человѣкъ.

Коряки отличаются правдивостью; единственной клятвой ихъ служатъ слова: „это вѣрно, я не лгу“. Оскорбленіе чести считается у нихъ величайшимъ преступленіемъ и влечетъ за собою месть; воровство же не признается дѣломъ непозволительнымъ, если только слѣды его ловко скрыты. Коряки, какъ и другіе инородцы, отличаются гостепріимствомъ. При пріемѣ гостя у нихъ соблюдается слѣдующій обычай: пріѣхавшій отпрягаетъ оленей и остается въ своихъ саняхъ до тѣхъ поръ, пока хозяйка не скажетъ ему, что хозяинъ дома. Послѣ этого изъ землянки вылѣзаетъ хозяинъ и предлагаетъ гостю войти въ нее. Когда гость войдетъ, хозяинъ, показывая ему мѣсто, проситъ его сѣсть и начинаетъ угощать.

Коряки раздѣляются на кочевыхъ и осѣдлыхъ. Первые преимущественно занимаются оленеводствомъ, а послѣдніе—рыболовствомъ и охотою за пушными звѣрями и морскими животными.

Кочевые коряки живутъ въ оленьихъ палаткахъ, а осѣдлые—въ хижинахъ или землянкахъ. Землянки свои они устраиваютъ такъ: вырываютъ яму около сажени въ глубину и до двухъ или трехъ саженъ въ длину и ширину. Стѣны ямы обкладываютъ досками, а сверху настилаютъ жерди, на которыя насыпаютъ землю, оставляя небольшое отверстіе, служащее и окномъ, и дверью, и дымовой трубой. Спускаются въ землянку по бревну, стоящему наклонно. Внутри ея, прямо подъ отверстіемъ, устраиваютъ изъ камней очагъ, на которомъ почти всегда горитъ огонь. Около стѣнъ землянки расположены лавки, покрытыя травяными рогожами и шкурами.

Живя грязно, коряки любятъ наряжаться въ платье,

которое шьется изъ шкуръ собачьихъ, оленьихъ и медвѣжьихъ и украшается полосками цвѣтного сукна и пуговицами.

Коряки не разборчивы въ пищѣ. Они ѣдятъ мясо павшихъ оленей и другихъ животныхъ. Главною же пищею ихъ служитъ рыба, которая ловится въ несмѣтномъ количествѣ. Кромѣ мяса и рыбы, коряки питаются разными кореньями, добывая ихъ изъ норъ особаго рода мышей.

Коряки чтутъ духа *Анапеля*, властителя вселенной, и идола *Хантая*, очистителя грѣховъ. Верхняя часть этого послѣдняго — человѣческая, а нижняя — рыбья. Ежегодно коряки вырѣзываютъ изъ дерева новаго идола Хантая и ставятъ его рядомъ съ прежнимъ, такъ что въ иной землянкѣ помѣщалось ихъ нѣсколько. Кромѣ Хантая, коряки чтутъ еще идола *Ажашура*, имѣющаго видъ столбика съ верхушкою, обдѣланною въ видѣ человѣческой головы; онъ ставится обыкновенно надъ домашнею посудою и считается сторожемъ, отгоняющимъ отъ землянки злыхъ лѣсныхъ духовъ.

При бракѣ у коряковъ соблюдаются слѣдующіе обряды: по уплатѣ калыма, въ назначенный день собираются гости. Ихъ угощаютъ мясомъ, жиромъ, рыбой и т. п. Послѣ ѣды раздается мѣрный барабанный бой. Входитъ старый корякъ съ охапкой ивовыхъ прутьевъ и раздаетъ ихъ всѣмъ присутствующимъ. Барабанный бой прекращается, и барабанившій начинаетъ пѣть речитативомъ, сначала тихо, а затѣмъ все громче и громче и, наконецъ, пѣніе его переходитъ въ дикую пѣсню. У входа въ каждую палатку помѣщаются по двѣ или по три женщины съ прутьями. Престарѣлый корякъ выводитъ изъ палатки жениха и невѣсту. Съ появленіемъ ихъ снова раздается барабанный бой, и гости начинаютъ горланить во всю мочь. По сигналу, данному старикомъ, невѣста бросается бѣжать. Женихъ старается ее догнать. Та перебѣгаетъ изъ палатки въ палатку, а за нею мчится

женихъ. Женщины же всевозможными мѣрами стараются помѣшать ему поймать невѣсту: онѣ бьютъ его прутьями, закрываютъ передъ нимъ входъ въ палатку, стараются, подцѣпить его, чтобы онъ упалъ. Женихъ съ поразительнымъ терпѣніемъ преодолѣваетъ всѣ эти препятствія и, наконецъ, ловитъ невѣсту. Барабанный бой и пѣніе прекращаются, свадьба считается оконченной и гости расходятся.

Когда у коряка родится ребенокъ, къ родильницѣ приводятъ оленя, котораго тутъ же и убиваютъ для жертвы духамъ. Вскорѣ послѣ рожденія ребенку даютъ имя. Для этого въ палатку или землянку собираются родные. Одна изъ старыхъ женщинъ привязываетъ къ столбу стекляпный шарикъ и начинаетъ медленно перебирать одно за другимъ имена любимѣйшихъ изъ умершихъ мужчинъ или женщинъ, смотря по тому, какого пола ребенокъ. Послѣднему дается то имя, при произнесеніи котораго шарикъ случайно повернется: корякп убѣждены, что любимый покойникъ шевельнулъ шарикъ и тѣмъ какъ бы указалъ, что счастье, которое онъ имѣлъ въ жизни, должно перейти на новорожденнаго.

Покойниковъ корякп сожигаютъ на кострѣ съ ихъ оружіемъ и необходимыми при жизни вещами, а любимыхъ покойникомъ оленей убиваютъ. Мясо ихъ съѣдаютъ, а все остальное также сожигаютъ. Возвращающихся домой съ похоронъ шаманъ ударяетъ слегка розгою, произнося заклинаніе, которымъ будто бы запрещаетъ умершему приходить за живыми.

Камчадалы живутъ на полуостровѣ Камчаткѣ, преимущественно на южной его части. Въ настоящее время ихъ насчитывается до 4 тысячъ человѣкъ.

Камчадалы отличаются добродушіемъ и привѣтливостью; они охотно помогаютъ другъ другу и за выказанное къ нимъ участіе стараются отплатить всевозможными услугами. По ихъ нравственнымъ понятіямъ при-

знается проступкомъ все то, что причиняетъ вредъ; согласно съ этимъ, считается, напр., грѣхомъ подниматься на высокую гору, такъ какъ это сопряжено съ большою опасностью для жизни. Камчадалы, какъ и другіе инородцы, очень гостепріимны; поподчивать гостя составляетъ для нихъ удовольствіе. Желая угостить его, они готовятъ въ нѣсколькихъ корытахъ сушеной, толченой и квашеной рыбы и икры съ брусникой, затѣмъ жарко топятъ хижину и приглашаютъ въ нее гостя. Приличіе требуетъ, чтобы тотъ съѣлъ все, что для него приготовлено.

Главное занятіе камчадаловъ состоитъ въ рыболовствѣ. Въ камчатскихъ рѣкахъ водится такъ много рыбы, что весною, когда она идетъ съ океана въ рѣки, ее можно ловить руками. Какъ только окончится рыболовство, камчадалы складываютъ всю свою рыбу въ балаганы и, перебравшись въ зимнія хижины, приступаютъ къ занятію охотой на дикихъ звѣрей. Такъ какъ почва Камчатки довольно плодородна, то обитатели ея занимаются также земледѣліемъ и въ особенности огородничествомъ, которому они научились отъ русскихъ и съ успѣхомъ разводятъ картофель, капусту, рѣпу и другіе овощи.

Жилищемъ камчадаловъ служатъ избушки, которыя строятся изъ бревенъ и покрываются сухой осокой или лубочными полосами. Вмѣсто стеколъ окопныя рамы затягиваютъ прозрачными пузырями. Дверь дѣлаютъ маленькую, почти квадратную. Дымъ отъ очага выходитъ въ трубу, сдѣланную изъ длинныхъ жердей, обмазанныхъ толстымъ слоемъ глины. Многіе камчадалы зимой живутъ въ своихъ зимнихъ избушкахъ, выстроенныхъ вдали отъ океана, среди лѣса и горъ; на лѣто же они переселяются ко взморью, на устье какой-нибудь рѣки. Такое переселеніе обусловливается какъ климатомъ страны, такъ и занятіями камчадаловъ лѣтомъ и зимой.

Одеждой камчадаловъ служитъ *кухлянка* или мѣховая рубашка до колѣнъ; она бываетъ обшита у ворота и на рукавахъ бобровымъ или другимъ цѣннымъ мѣхомъ. Ноги камчадалы обуваютъ въ *торбасы* или сапоги изъ тюленьей кожи, подъ которыми носятъ чулки изъ оленьей шкуры и мѣховые шаровары. На голову они надѣваютъ лисій капоръ съ длинной бахрамой изъ шерсти. Украшеніемъ женскаго капора часто служатъ два бѣлыхъ лоскута изъ шкуры россомахъ, въ подражаніе морской птицы мычагаткѣ, у которой на головѣ два бѣлыхъ хохла.

Камчадалы главнымъ образомъ питаются рыбой и овощами; кромѣ того, они употребляютъ въ пищу ягоды, коренья и травы.

Религіозныя понятія камчадаловъ очень спутаны и неопредѣленны. Камчадалы олицетворяютъ и обоготворяютъ тѣ предметы, которые производятъ на нихъ особенно сильное впечатлѣніе. Такъ, они вѣрятъ въ боговъ вулканическихъ горъ, признавая ихъ злыми духами, которые ночью сходятъ съ горъ на море ловить рыбу. Вѣрятъ они также, что на высокихъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, горахъ живутъ особенные духи, которые ѣздятъ на санкахъ, запряженныхъ бѣлыми куропатками и черными лисицами. Облака, по ихъ понятію, подчинены особому богу, обладающему силой посылать на землю дождь и градъ. Этотъ богъ похищаетъ маленькихъ дѣтей, которыя держатъ на небѣ свѣтильники, освѣщающіе его жилище. Наконецъ, воображеніе камчадаловъ населяетъ рѣки и озера водяными, которые топятъ плавающихъ, а лѣса—лѣшими, которые стараются сбить путника съ пути, помрачая его умъ.

По вѣрованіи камчадаловъ, земля перенесена съ неба сыномъ высшаго существа *Кутомъ*. Этотъ богъ утвердилъ ее на водѣ и самъ поселился на ней. Здѣсь у него родились сынъ и дочь, которые сочетались бракомъ. Кутъ, по мнѣнію камчадаловъ, надѣлалъ при со-

зданіи земли много промаховъ, отчего его дѣти не только не поклонились ему, но даже стали бранить его. Къ чему, разсуждали они, на землѣ такъ много горъ, пропастей, утесовъ, бурныхъ потоковъ и рѣкъ, такъ часты дожди, такъ сильны бури, грозы и проч.?

Бракъ у камчадаловъ совершается послѣ уплаты женихомъ калыма. Случается, что женихъ, не имѣя чѣмъ уплатить калымъ, поступаетъ въ услуженіе къ родителямъ невѣсты и исполняетъ всѣ работы по ихъ хозяйству.

Умершихъ камчадалы въ прежнее время бросали на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, такъ какъ вѣрили, что трупъ покойника, съѣденный ими, явится въ загробную жизнь въ обновленномъ видѣ. Мѣстопребываніемъ умершихъ они считали вулканическія горы, причемъ думали, что дымъ, выходящій изъ этихъ горъ, означаетъ, что умершіе топятъ свои избы. Въ настоящее время камчадалы большею частью погребаютъ своихъ покойниковъ.

ГЛАВА V.

Историческій очеркъ распространенія христіанства въ восточной Сибири.

Въ восточной Сибири, какъ и въ западной, христіанство явилось лишь съ приходомъ туда русскихъ. Проникая въ отдаленную Сибирь, эти послѣдніе становились тамъ и первыми провозвѣстниками христіанскаго ученія. Вмѣстѣ съ приходомъ русскихъ въ восточную Сибирь, въ ней появились и христіанскіе храмы, а рядомъ съ ними—и священники или монахи. Вступая въ тѣ или иныя отношенія съ русскими поселенцами, инородцы знакомились съ ними, узнавали о ихъ вѣрѣ и иногда принимали христіанство. Но допуская подобнаго рода факты, мы должны сказать, что они были явленіемъ чисто-случайнымъ и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что до

восьмидесятыхъ годовъ XVII ст. русская церковь не предпринимала никакихъ мѣръ къ распространенію христіанства въ восточной Сибири и что почти весь XVII вѣкъ прошелъ въ борьбѣ русскихъ съ восточно-сибирскими инородцами.

Въ концѣ XVII вѣка русская жизнь начала видимо упрочиваться въ восточной Сибири; въ русской церкви рядомъ съ заботами объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей русскихъ поселенцевъ на дальнемъ сѣверовостокѣ Азіи является стремленіе къ распространенію христіанской вѣры среди тамошнихъ инородцевъ. На соборѣ 1681 г. при патріархѣ Іоакимѣ было постановлено „въ дальніе грады на Лену, въ Даурію, послать отъ духовнаго чину архимандритовъ и игуменовъ или священниковъ добрыхъ и учительныхъ для ученія христіанскаго закона и просвѣщенія невѣрныхъ“. Вслѣдствіе этого опредѣленія собора въ томъ же 1681 г. для обращенія иновѣрныхъ дауровъ въ православную вѣру и была сформирована духовная миссія. Она состояла изъ 12 монаховъ подъ начальствомъ Ѳеодосія, игумена Темникова Срѣтенскаго монастыря (нынѣ въ Тамбовской епархіи). Это была *первая православная миссія* въ восточную Сибирь.

Прибывъ на мѣсто своего назначенія—въ Забайкалье, миссія основала здѣсь два монастыря — Троицкій Селенгинскій на правомъ берегу рѣки Селенги въ 86 верстахъ къ югу отъ Байкала и Посольскій на Посольскомъ мысу при Байкалѣ. Въ этихъ монастыряхъ, надѣленныхъ землями, рыбными промыслами и т. п., и размѣстились первые забайкальскіе миссіонеры, которымъ дано было жалованье и пособіе на церковныя потребности изъ казны и отъ царскихъ щедротъ. Эти вновь возникшіе монастыри и были первыми миссіонерскими пунктами въ томъ краѣ среди бурятъ и тунгусовъ.

Дѣятельность миссіонеровъ не была безуспѣшна. Они не только обратили въ православную вѣру многихъ за-

байкальскихъ инородцевъ, но и старались устроить жизнь новокрещенныхъ на новыхъ христіанскихъ началахъ. Сибирскими казаками былъ введенъ обычай покупать, перепродавать и закладывать опальныхъ инородцевъ. Миссіонеры воспользовались этимъ правомъ и покупали инородцевъ, затѣмъ обращали ихъ въ христіанство и водворяли въ своихъ монастырскихъ вотчинахъ. Далѣе, миссіонеры покупали женщинъ и дѣвицъ инородческихъ. Обративъ ихъ въ христіанство, они выдавали за своихъ монастырскихъ вотчинниковъ и вводили ихъ чрезъ церковные браки въ правильную семейную жизнь. Благодаря такой дѣятельности миссіонеровъ, число новокрещенныхъ въ Забайкальѣ постепенно увеличивалось, и образовались цѣлые приходы изъ новокрещенныхъ инородцевъ.

Какъ ни успѣшна была дѣятельность православной миссіи въ Забайкальѣ, тѣмъ не менѣе она скоро должна была прекратиться. Къ 1733 году всѣ присланные изъ Москвы монахи-миссіонеры умерли. Остался одинъ изъ нихъ слишкомъ столѣтній старецъ Мисаилъ; но и онъ въ 1742 г. скончался. Со смертію его прекращается и миссіонерская дѣятельность Селенгинскаго монастыря. Нѣсколько ранѣе, а именно въ 1734 г. съ назначеніемъ настоятеля Посольскаго монастыря Иларіона Труса начальникомъ пекинской миссіи пріостанавливается миссіонерская дѣятельность и этого монастыря. Такъ кончилась первая русская миссія въ восточной Сибири.

Въ то время какъ забайкальскіе миссіонеры трудились въ дѣлѣ просвѣщенія христіанскою вѣрою забайкальскихъ инородцевъ, въ судьбахъ христіанъ восточной Сибири произошло довольно важное событіе. Въ 1706 году въ восточной Сибири была учреждена Иркутская епархія. Но при первомъ Иркутскомъ епископѣ Варлаамѣ Коссовѣ и его ближайшихъ преемникахъ миссіонерство здѣсь не могло быть достаточно широко и благоустроено: забота первыхъ Иркутскихъ архипастырей должна была

направляться главнымъ образомъ на упорядоченіе церковной жизни собственно русскаго населенія Иркутской епархіи. Только со времени Иннокентія II Неруновича (1732—1747 г.) начинается довольно оживленная миссіонерская дѣятельность въ восточной Сибири. Этотъ Иркутскій святитель предпринималъ неоднократныя поѣздки по своей обширной епархіи и всюду призывалъ инородцевъ къ принятію христіанской вѣры. Такъ, онъ между прочимъ два раза путешествовалъ въ якутскую область. Первое путешествіе Иннокентія было въ 1735 г. На пути въ Якутскъ онъ встрѣчался съ якутами и крестилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а въ Якутскѣ и его окрестностяхъ онъ крестилъ до 100 язычниковъ. Положивъ основаніе распространенію христіанства среди якутовъ, Иннокентій Неруновичъ предоставилъ дальнѣйшее развитіе этого дѣла привезенному имъ изъ Иркутска и оставленному въ Якутскѣ архимандриту Наѳанаилу. Дѣятельность послѣдняго по обращенію въ христіанство якутовъ была настолько успѣшна, что ко времени второго пріѣзда въ Якутскую область Иннокентія тамъ существовало уже не мало новокрещенныхъ. Благодаря такимъ трудамъ епископа Иркутскаго, среди инородцевъ въ разныхъ мѣстахъ восточной Сибири засвѣтился свѣтъ христіанства. Но при всемъ томъ дѣятельность Неруновича не могла обнять всей громады его епархіи, простиравшейся тогда отъ горъ Саянскихъ до водъ Тихаго и Ледовитаго океановъ. Очевидно, что единоличнаго миссіонерства святителя Неруновича было недостаточно и что для болѣе успѣшнаго распространенія христіанства въ Иркутской епархіи нужно было устроить особую миссію. Такая миссія, *вторая* по времени, и была сформирована въ 1733 году.

Эта миссія имѣла своею цѣлію обращеніе въ христіанство жителей Камчатки. Начальникомъ ея былъ назначенъ учитель московской славяно-греко-латинской академіи Варѳоломей Филевскій. Въ сотрудники ему

были даны: іеромонахъ, іеродіаконъ и два служителя. 10-го октября 1733 года миссіонеры выѣхали изъ Москвы, но не достигли Камчатки. Въ 1736 г. они на рѣкѣ Алданъ (притокѣ Лены) были взяты „по нѣкоему извѣстному Св. Синоду дѣлу“, отвезены въ Москву въ контору розыскныхъ дѣлъ, гдѣ игуменъ Филевскій, „нѣколико время бывъ въ болѣзни, 10-го октября того же года умре“. *) Миссія Филевскаго такимъ образомъ кончилась неожиданно. Но съ пріостановленіемъ ея не было совершенно забыто дѣло распространенія христіанства въ Камчаткѣ. Туда были посылаемы частныя лица, совокупными усиліями которыхъ къ 1744 году и было крещено до 6,000 камчадаловъ, т. е. почти двѣ трети всего туземнаго населенія Камчатки.

Въ такомъ состояніи находилось дѣло обращенія въ христіанство камчадаловъ въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Повидимому, даже самая мысль о миссіи была оставлена послѣ 1736 года; но на самомъ дѣлѣ она только на время была отодвинута на задній планъ. Поэтому требовались лишь обстоятельства, которыя бы снова выдвинули ее на первое мѣсто. Такія обстоятельства вскорѣ и явились. Одинъ ученый (Штеллеръ), занимавшійся въ Камчаткѣ естественно-научными изысканіями, сообщилъ правительству слѣдующія наблюденія относительно состоянія христіанства въ Камчаткѣ: указавъ на то, что дѣти, рожденныя здѣсь отъ русскихъ и камчадалокъ, не знаютъ не только вѣры, но и молитвъ, потому что и сами матери, кромѣ огражденія себя святымъ крестомъ, ничего христіанскаго не знаютъ, по природѣ же своей языческой склонны къ плотской нечистотѣ безъ всякаго зазрѣнія, онъ предлагалъ правительству учредить въ Камчаткѣ для исправленія нравовъ школы и опредѣлить для всеобщаго призванія иновѣрцевъ къ христіанству духовную особу съ

*) «Труды Кіевской Академіи» за 1861 г., т. I, стр. 45.

познаніемъ латинскаго (?) языка. Когда извѣстія эти о состояніи христіанства на Камчаткѣ дошлись до высшихъ правительственныхъ сферъ — Сената и Синода, то послѣднія вошли въ совѣщаніе и въ январѣ 1742 года опредѣлили: „въ Камчатку для проповѣди слова Божія и обращенія тамошняго народа въ православную вѣру и поставленія и познанія христіанскаго благочестія послать архимандрита Іосифа Занкевича (бывшаго въ ссылкѣ въ Тобольскѣ), сотрудниками ему назначить сосланныхъ въ Охотскъ двухъ священниковъ и діакона". Такимъ образомъ въ 1742 г. составилась *вторая миссія въ Камчатку.* Правительство сдѣлало уже и дальнѣйшія распоряженія относительно этой миссіи; но „токмо означенный архимандритъ Занкевичъ за извѣстными Св. Синоду въ той посылкѣ неудобствами отъ оной посылки уволенъ и отпущенъ изъ Тобольска въ Москву". *)

Такимъ образомъ съ этою миссіей случилось нѣчто подобное тому, что судьба устроила съ миссіей Филевскаго. Но теперь уже правительство не оставило своей мысли о миссіи и въ концѣ того же 1742 года сформировало *третью камчатскую миссію.* Начальникомъ ея былъ назначенъ ученый монахъ Іоасафъ Хотунцевскій изъ Крутицкой епархіи; въ сотрудники ему были даны два іеромонаха и іеродіаконъ. Въ августѣ 1745 г. Хотунцевскій съ остальными членами миссіи прибылъ на мѣсто своего назначенія — въ Камчатку. Какъ уже было сказано выше, къ началу сороковыхъ годовъ прежніе камчатскіе миссіонеры крестили до 6,000 туземцевъ. Поэтому Хотунцевскій, по прибытіи въ Камчатку, позаботился объ устройствѣ трехъ школъ въ острогахъ, гдѣ жители уже были большею частію христіане. Въ эти школы онъ опредѣлилъ учителями трехъ своихъ сотрудниковъ—студентовъ. Дѣйствуя на инородцевъ чрезъ воспитаніе ихъ дѣтей, Хотунцевскій не оставлялъ безъ

*) «Труды Кіевской Академіи» за 1861 г., т. I, стр. 53.

вниманія и религіозно-нравственную жизнь собственно русскихъ тамошняго края. Узнавъ, что они не бываютъ у исповѣди, онъ объявилъ, чтобы всѣ русскіе жители въ Камчаткѣ, не смотря ни на какое состояніе и званіе, непремѣнно исполняли эту обязанность, не дожидаясь побужденій. Такимъ образомъ рядомъ съ устройствомъ школъ для инородческихъ дѣтей Хотунцевскій заботился о томъ, чтобы возвысить, поднять религіозную жизнь русскихъ, что, безъ сомнѣнія, могло косвенно вліять и на инородцевъ. Съ этою же цѣлію онъ объявилъ, чтобы всѣ русскіе, живущіе на полуостровѣ, во всѣ праздничные и воскресные дни приходили въ церковь и приводили съ собою прислугу изъ новокрещенныхъ. Послѣ этого архимандритъ рѣшился начать проповѣдь Евангелія камчадаламъ и предпринялъ первое миссіонерское путешествіе по Камчаткѣ. Въ эту поѣздку онъ обратилъ въ христіанство болѣе 1,700 человѣкъ. Такимъ образомъ число христіанъ въ Камчаткѣ изъ инородцевъ къ этому времени уже простиралось до 7,700 человѣкъ. Въ концѣ 1746 года Хотунцевскій предпрішялъ второе путешествіе по Камчатскому полуострову и хотя въ эту поѣздку крестилъ немного инородцевъ, но зато заложилъ нѣсколько церквей и школъ и по прежнему заботился о возвышеніи религіозно-нравственной жизни самихъ русскихъ. Такъ, когда слуга одного экспедиціоннаго офицера, оставившій въ Россіи свою жену, обзавелся здѣсь наложницами, Хотунцевскій приказалъ высѣчь его, чтобы „неповадно было другимъ“. Зимою 1747 года Хотунцевскій предпринялъ третье путешествіе по Камчаткѣ. Объ этой поѣздкѣ онъ доносилъ Синоду, что въ каждомъ острожкѣ онъ училъ въ продолженіе трехъ дней, что камчадалы для того, чтобы лучше понять слышанное, по своей волѣ ѣхали за нимъ недѣли по двѣ, по три, что новокрещенные разумѣніемъ христіанской вѣры значительно превосходятъ русскихъ мужиковъ и что въ то время (въ 1748

году) въ камчатскихъ школахъ, еще такъ недавно открытыхъ миссіонерами, имъ найдено 205 учениковъ. Въ концѣ 1748 г. Хотунцевскій предпринялъ четвертое путешествіе для постройки въ Камчаткѣ новыхъ церквей. Свободное отъ разъѣздовъ время теперь, какъ и прежде, онъ посвящалъ внутреннему устройству камчатской церкви. Онъ собиралъ камчадаловъ и русскихъ служилыхъ, училъ ихъ истинамъ христіанскимъ, увѣщевалъ ихъ къ исполненію христіанскихъ обязанностей, въ великій постъ собиралъ новопросвѣщенныхъ, исповѣдывалъ и пріобщалъ ихъ Св. Таинъ, заботился объ искорененіи суевѣрій у туземцевъ, призывалъ ихъ къ себѣ вразумлялъ и уничтожалъ идоловъ.

Въ 1748 году кончилась дѣятельность въ Камчаткѣ перваго начальника третьей камчатской миссіи: 5-го апрѣля Хотунцевскій былъ назначенъ иркутскимъ епископомъ. По отбытіи его изъ Камчатки начальство надъ миссіей было поручено іеромонаху Пахомію, который и продолжалъ дѣло какъ распространенія христіанства среди камчадаловъ, такъ и утвержденія ихъ въ истинахъ вѣры. Въ 1761 г. камчатская миссія была признана Св. Синодомъ выполнившею свою задачу. Существовавшая 17 лѣтъ духовная миссія въ Камчаткѣ окончилась, устроивъ тамъ христіанскую общину почти въ 8,000 человѣкъ, построивъ для нихъ 5 церквей и обучивъ 27-ю часть всего населенія грамотѣ.

Со времени окончанія дѣйствій третьей камчатской миссіи до начала сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія дѣло миссіонерства въ восточной Сибири было предоставлено случайнымъ обстоятельствамъ и потеряло свою систематичность; но, не смотря на это, не прекращалось тамъ совсѣмъ. Въ то или иное время этого періода въ восточной Сибири появлялись лица съ миссіонерскими наклонностями, и дѣло миссіонерства среди тамошнихъ инородцевъ продолжалось, хотя и не особенно успѣшно. Изъ такихъ лицъ заслуживаетъ пре-

имущественнаго вниманія протоіерей Григорій Слѣпцовъ. Въ 1799 году онъ выпросилъ у иркутскаго епископа походную церковь и предпринялъ съ нею миссіонерское путешествіе по обширной Якутской области. Отважный и ревностный вѣропроповѣдникъ встрѣчалъ на пути своемъ множество препятствій и отъ суровости тамошняго края и отъ дикости его обитателей. Такъ, въ 1812 году онъ едва не былъ лишенъ жизни: когда о. протоіерей прибылъ на Чаунну (при Чаунской губѣ), чукчи, надѣвъ на себя волчьи шапки, бросились толпою съ копьями на проповѣдника христіанства, чтобы убить его и принести въ жертву землѣ; и только чукотскій старшина Валютко спасъ его отъ смерти. Не смотря на подобнаго рода опасности, ревностный миссіонеръ съ крестомъ въ рукѣ прошелъ почти всю Якутскую область. Множество якутовъ и другихъ инородцевъ тамошняго края трудами этого миссіонера были обращены въ христіанство. Въ своемъ донесеніи иркутскому епископу онъ написалъ: „въ послѣднее десятилѣтіе (1805—1815 г.) не малое число тысящъ инородцевъ обратилось ко Христу“. Къ 1815 г. этотъ мужъ апостольскаго духа ослабѣлъ здоровьемъ и поступилъ въ якутскій Спасскій монастырь съ именемъ Георгія. Такія лица, какъ Григорій Слѣпцовъ, несомнѣнно, принесли бы много пользы дѣлу просвѣщенія инородцевъ восточной Сибири, но, къ сожалѣнію, ихъ было очень мало. Вотъ почему мысль о миссіонерствѣ хотя и была въ сознаніи иркутскихъ пастырей, но осуществленіе ея при недостаточности способныхъ миссіонерскихъ дѣятелей являлось почти невозможнымъ. Только съ начала сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія начинается оживленіе миссіонерскаго дѣла и это оживленіе выразилось въ учрежденіи миссій въ разныхъ мѣстахъ восточной Сибири.

Иркутскій архіепископъ Нилъ Исаковичъ (1838—1853 г.) первый, послѣ семидесятилѣтняго застоя мис-

сіонерскаго дѣла въ восточной Сибири, позаботился поставить его на правильную почву. При вступленіи этого архипастыря на Иркутскую каѳедру его епархія была одною изъ обширнѣйшихъ въ свѣтѣ. Она обнимала всю восточную Сибирь и сѣверо-восточный уголъ ея и острова сѣверо-американскіе, заключая въ себѣ болѣе 150,000 квадр. миль. Хотя свѣтъ христіанства уже нѣсколько и проникъ въ эту обширную епархію, но тѣмъ не менѣе въ ней находилось еще до 400,000 язычниковъ. Во многихъ православныхъ церквахъ по нѣскольку лѣтъ не совершалось богослуженіе. Ламайство и шаманство царили во всей силѣ. Архіепископъ Нилъ не могъ не обратить вниманія на такое печальное положеніе миссіонерства въ своей епархіи и началъ дѣло прежде всего съ тѣхъ инородцевъ Якутской области, которые уже приняли христіанство. Руководясь въ этомъ отношеніи примѣромъ апостола якутовъ протоіерея Слѣпцова, онъ устроилъ для Якутской области двѣ походныя церкви и опредѣлилъ къ каждой изъ нихъ по два священника и по два причетника. Между священниками этихъ двухъ церквей — Николаевской и Благовѣщенской и былъ распредѣленъ трудъ утвержденія въ христіанской вѣрѣ крещенныхъ якутовъ. Миссіонерамъ Благовѣщенской церкви назначенъ былъ путь по Ленѣ внизъ до моря и устьевъ рѣкъ Яны и Олепска (впадающихъ въ Ледовитый океанъ), а миссіонерамъ Николаевской церкви — путь по верхней, средней и нижней Колымѣ, т. е. по сѣверо-восточной части Якутской области. Много затрудненій приходилось встрѣчать священникамъ походныхъ церквей во время путешествій, но съ Божіею помощію они всегда преподѣвали ихъ. Такъ, миссіонеръ священникъ Николаевской церкви Никитинъ, отправившись въ 1878 г. внизъ по Ленѣ къ берегамъ Ледовитаго океана для проповѣди Евангелія тамошнимъ тунгусамъ и юкагирамъ, на половинѣ пути былъ застигнутъ такою сильною бурею, что долженъ

былъ остановиться вмѣстѣ съ своими спутниками на одномъ необитаемомъ островѣ и здѣсь провести болѣе двухъ мѣсяцевъ въ тяжелой борьбѣ съ голодомъ и холодомъ. Между тѣмъ Лена покрылась льдомъ и плаваніе по ней сдѣлалось невозможнымъ. Не имѣя оленей, миссіонеръ и его спутники погибли бы на мѣстѣ своего невольнаго заключенія, если бы объ ихъ бѣдственномъ положеніи не узнали кочевавшіе въ окрестностяхъ тунгусы, которые явились на необитаемый островъ и черезъ 11 дней доставили миссіонеровъ на Булунъ. Не меньшія затрудненія встрѣчали миссіонеры и Благовѣщенской церкви, совершая миссіонерское путешествіе по западной сторонѣ рѣки Лены. Въ одно время миссіонеръ священникъ Невскій едва не погибъ, будучи застигнутъ ночью среди озера снѣжною бурею.

Въ настоящее время для болѣе успѣшнаго распространенія христіанства въ предѣлахъ якутской области существуетъ уже не два, а четыре походныхъ священника. Одинъ изъ нихъ проживаетъ въ самомъ Якутскѣ, другой—въ Вилюйскомъ округѣ, третій—за 2,000 верстъ отъ Якутска по направленію къ Охотскому морю, а четвертый—въ Средне-Колымскѣ. Трудами этихъ походныхъ священниковъ-миссіонеровъ большинство якутовъ, тунгусовъ, юкагировъ и другихъ инородцевъ обращено въ христіанство; но многіе изъ нихъ, будучи христіанами, въ то же время придерживаются и языческихъ суевѣрій. Такъ, напр., якуты Вилюйскаго округа вѣрятъ въ домовыхъ, лѣсныхъ, водяныхъ и т. п. и свое отношеніе къ нимъ, какъ къ духамъ покровителямъ, выражаютъ чрезъ различнаго рода приношенія. Остановимся нѣсколько на этихъ вѣрованіяхъ якутовъ, составляющихъ наслѣдіе языческой старины.

Желая расположить къ себѣ домовыхъ, якуты скручиваютъ изъ конскаго волоса веревочку, привязываютъ къ ней разные лоскутки и игрушки въ родѣ коровокъ, лошадокъ и т. п. и протягиваютъ ее между двумя

лѣсинками, преимущественно березовыми. Подобную веревочку можно видѣть у каждой якутской юрты.— Если въ полѣ, или на горѣ, или гдѣ-нибудь надъ рѣкой находится большое дерево, то оно также не оставляется якутомъ безъ вниманія и украшается въ знакъ уваженія къ духу, выростившему и сохранившему это дерево. Если якутъ закидываетъ въ рѣку или озеро сѣти, то и тутъ около сѣтей ставитъ двѣ березки и протягиваетъ между ними веревочку, украшенную лоскутьями и волосами. Вмѣстѣ съ сѣтью якуты опускаютъ въ воду кусокъ мяса отъ нарочито убитаго животнаго и кровью его обагряютъ всѣ рыболовныя снасти.

У якутовъ есть много суевѣрій, имѣющихъ отношеніе къ промысламъ на звѣря. Уѣзжая въ тайгу на охоту, якутъ обязательно льетъ нѣсколько масла духу огня, чтобы этотъ духъ сохранилъ его лошадь отъ какой-нибудь непредвидѣнной опасности. Далѣе, якутъ никогда не вноситъ убитаго звѣря чрезъ двери, а подаетъ его въ окно, предварительно предупредивъ домашнихъ о своемъ удачномъ промыслѣ. Цѣль этого суевѣрнаго обычая, воспрещающаго вносить добычу чрезъ двери, заключается въ томъ, чтобы не осквернить или даже совершенно не прогнать духа, отъ котораго зависитъ удача промысла, такъ какъ дверью проходитъ женщина, считающаяся у инородцевъ нечистою.

Если въ домѣ якута разрѣшится отъ бремени жена или другая какая-нибудь женщина, то якутъ, не желая разгнѣвать духа промысла и чрезъ это лишиться добычи, никогда не пойдетъ до новолунія на промыселъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ, по его вѣрованію, будетъ неудача. Случалось, что якуты заводили даже тяжбу изъ-за того, что предъ неудачнымъ промысломъ къ нимъ ранѣе новолунія являлся кто-нибудь изъ бывшихъ у родильницы.

Якуты вѣрятъ, что покойникъ, спустя три ночи послѣ смерти, ходитъ по жилищамъ родственниковъ,

оставшихся въ живыхъ, и приноситъ сюда различнаго рода несчастія. Чтобы не допустить его къ себѣ, якуты ставятъ на воротахъ, въ дверяхъ и окнахъ юрты крестики, сдѣланные изъ лучинокъ. Подобные-же крестики ставятся и на тѣхъ дорожныхъ перекресткахъ, по которымъ предполагается шествіе покойника. Тутъ уже, очевидно, вліяніе христіанства, прогоняющее суевѣрный страхъ *).

Очевидно, что хотя якуты и не возвысились до правильнаго понятія о Богѣ и придерживаются многихъ суевѣрій, тѣмъ не менѣе эти послѣднія — не то, что грубыя языческія вѣрованія. Есть основаніе надѣяться, что, благодаря вліянію походныхъ церквей, дѣло просвѣщенія якутовъ и другихъ инородцевъ Якутской области скоро придетъ къ концу.

Архіепископъ Нилъ Исаковичъ, устроивъ походныя церкви для Якутской области, не могъ оставить безъ вниманія инородцевъ, живущихъ въ другихъ областяхъ его епархіи—Иркутской, Забайкальской и пр. Въ этихъ областяхъ, не смотря на 150-лѣтнюю борьбу тамъ христіанства съ язычествомъ, послѣднее держалось еще упорно. Архіепископъ Нилъ для большаго успѣха распространенія христіанства рѣшилъ дѣйствовать на знатныхъ иркутскихъ и забайкальскихъ язычниковъ. Дѣйствительно, при немъ мы видимъ не мало примѣровъ обращенія бурятскихъ тайшей и шуленговъ. Такъ, въ 1852 г., между прочимъ, принялъ крещеніе главный тайша тункинскихъ бурятъ Запгей Хомаковъ вмѣстѣ съ шуленгами того-жѐ тункинскаго вѣдомства, съ засѣдателями инородческой думы и двумя стами простолюдиновъ. Хомаковъ, принявъ христіанство, изъявилъ желаніе построить на свой счетъ и христіанскую церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за два года его стараніемъ было положено основаніе языческому капищу.

---

*) «Православный Благовѣстникъ» за 1895 г., т. III, стр. 34—37.

Въ 1853 г., когда архіепископъ Нилъ оставилъ Иркутскую каѳедру, число инородцевъ, обращенныхъ во время его управленія Иркутскою епархіею, возросло до нѣсколькихъ тысячъ. Свѣтъ Евангелія началъ такимъ образомъ замѣтно свѣтить среди бурятъ, благодаря дѣятельности архіепископа Нила.

При преемникахъ архіепископа Нила миссіонерство въ Иркутской епархіи не прекращалось. Обязанности миссіонеровъ въ это время исполняли протоіереи и пять священниковъ. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что число некрещенныхъ инородцевъ въ одной Иркутской губерніи простиралось тогда до 100 тысячъ и въ десяти инородческихъ вѣдомствахъ этой губерніи считалось только три храма, то окажется, что дѣятельность пяти миссіонеровъ не могла быть успѣшною Вслѣдствіе этого въ концѣ пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія явилась мысль объ учрежденіи въ Иркутской епархіи особой миссіи на подобіе существовавшихъ въ то время въ западной Сибири. Такая миссія, извѣстная подъ названіемъ Иркутской, и была учреждена въ 1861 году. Она имѣетъ своею цѣлію обращеніе въ христіанство язычниковъ Иркутской губерніи, — которую населяютъ буряты, тунгусы, якуты и карагазы. Но дѣло миссіонерства относится почти исключительно къ однимъ бурятамъ, потому что карагазы и якуты Иркутской губерніи уже крещены, а изъ тунгусовъ остается уже немного язычниковъ, такъ какъ на нихъ дѣйствуютъ священники сосѣднихъ церквей. Устройство нынѣшней иркутской миссіи сложилось по типу алтайской. Для проповѣди Евангелія призываются лица, сами желающія трудиться на миссіонерскомъ поприщѣ. Дѣятельность ихъ выражается въ проповѣди Евангелія язычникамъ и въ утвержденіи новообращенныхъ въ христіанскихъ понятіяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ, чтобы успѣшнѣе провести христіанскія начала въ жизнь новокрещенныхъ, миссіонеры устроятъ школы.

Такъ устроенная церковная миссія не могла остаться въ своей дѣятельности безъ успѣха: въ настоящее время почти всѣ инородцы Иркутской губерніи уже крещены; но религіозно-нравственное состояніе ихъ представляется далеко неодинаковымъ не только въ разныхъ округахъ губерніи, но даже на пространствѣ одного и того-же округа. Причинами такого явленія служатъ: образъ жизни инородцевъ, близость или отдаленность отъ русскихъ поселеній, степень умственнаго развитія инородцевъ, отношеніе къ дѣлу миссіонерства самихъ вѣропроповѣдниковъ и т. п.

По отчетамъ миссіонеровъ, религіозно-нравственное состояніе новокрещенныхъ инородцевъ Иркутскаго округа представляется въ слѣдующемъ видѣ. Вмѣсто прежнихъ бурхановъ, въ жилищахъ крещенныхъ имѣется одна или нѣсколько иконъ; вмѣсто посѣщенія дацана новокрещенные посѣщаютъ миссіонерскій храмъ, гдѣ стоятъ и молятся съ благоговѣніемъ и усердіемъ.

Домашняя жизнь новокрещенныхъ представляетъ также много утѣшительнаго. Многіе изъ нихъ совершаютъ предъ иконою утреннюю и вечернюю молитвы, по праздникамъ возжигаютъ свѣчи, а во время звона къ литургіи выходятъ изъ юртъ и, обратясь къ церкви, полагаютъ по нѣсколько поклоновъ. При тяжкихъ болѣзняхъ новокрещенные уже не прибѣгаютъ къ ламскимъ хураламъ, а съ глубокою вѣрою принимаютъ Св. Тайны. Словомъ, новокрещенные прихожане Иркутскаго округа въ большинствѣ стараются быть истинными христіанами. Но есть и печальные случаи двоевѣрія, когда при всемъ желаніи свято исповѣдывать Христову вѣру новокрещенные не могутъ отрѣшиться отъ языческихъ суевѣрій. Такъ, по настоянію ламъ, нѣкоторые держатъ у себя въ юртѣ идоловъ, оставляютъ дѣтей некрещенными и т. п. Но что особенно печально, это—нежеланіе освящать бракъ вѣнчаніемъ по обряду православной церкви. Мало того, нѣкоторые крещеные имѣютъ женъ-язычъ-

ницъ, называя ихъ не женами своими, а „стряпками". Рождающіяся отъ этихъ беззаконныхъ сожитій дѣти записываются въ семейные списки матери-язычницы и остаются некрещенными. Другимъ непормальнымъ явленіемъ въ семейной жизни новокрещенныхъ, какъ слѣдствіе беззаконныхъ сожитій, является частая перемѣна мужей и женъ: женщины убѣгаютъ отъ мужей и выходятъ за другихъ, а оставленные некрещенные мужья берутъ новыхъ „стряпокъ". Прекратить беззаконное сожительство крещенныхъ съ язычницами и укрывательство послѣдними своихъ дѣтей отъ крещенія миссіонеры не имѣютъ возможности. Такимъ образомъ современное религіозно-нравственное состояніе новокрещенныхъ Иркутскаго округа далеко не утѣшительно, и много нужно еще труда и заботъ со стороны вѣропроповѣдниковъ.

Совершенно не то представляетъ другой округъ миссіонерской дѣятельности—Балаганскій, хотя и здѣсь религіозно-нравственное состояніе новокрещенныхъ не во всѣхъ станахъ одинаково. По отчетамъ миссіонеровъ этого края, многіе новокрещенные настолько усвоили и усвояютъ правила нравственности, что въ недалекомъ будущемъ сравняются съ окружающимъ ихъ русскимъ населеніемъ. Вотъ что пишетъ, напр., Бо-ханскій миссіонеръ-священникъ (Николай Поповъ) въ отчетѣ за 1892 г. о своихъ пасомыхъ: „Среди крещенныхъ Бо-ханскаго стана изъ года въ годъ увеличивается стремленіе къ усвоенію христіанскихъ истинъ, проявляется любовь къ храму Божію; особенно много бываетъ молящихся въ храмѣ во дни великихъ праздниковъ... Крещеніе младенцевъ, вѣнчаніе браковъ, напутствованіе больныхъ и погребеніе умершихъ—все это совершается своевременно... Святыя иконы въ домахъ инородцевъ содержатся въ безукоризненной чистотѣ. О шаманствѣ Боханскіе инородцы говорятъ такъ: „отъ кырычанья и брызганья (шаманскихъ идолослуженій) нѣтъ никакой

пользы, а только одинъ вредъ и расходъ; шаманы ничего не понимаютъ—имъ бы только вино да мясо". Конечно, есть еще много ненормальностей въ христіанской жизни у Бо-ханскихъ новокрещенныхъ, но это—„плодъ ихъ совмѣстной жизни съ язычниками". Въ Бильчирскомъ станѣ миссіонеръ поступилъ на служеніе лишь въ 1832 г., но и онъ свидѣтельствуетъ, что въ религіозно-нравственномъ отношеніи Бильчирская паства мало чѣмъ разнится отъ Бо-ханской. Только женщины въ нѣкоторыхъ улусахъ еще упорно держатся язычества, и бывали даже случаи бѣгства женъ отъ мужа, когда послѣдніе хотѣли удалить онгоновъ изъ своихъ жилищъ или не позволяли помѣщать ихъ наряду съ иконами. Нѣсколько ниже религіозно-нравственное состояніе новокрещенныхъ въ Нукутскомъ и Нельхайскомъ станахъ. Нукутскій миссіонеръ (священникъ Медвѣдевъ) пишетъ, что его прихожане, несмотря на то, что въ большинствѣ знаютъ христіанскія молитвы и исполняютъ христіанскія обязанности, все-таки участвуютъ въ языческихъ шествіяхъ—тайлаганахъ. Причиною этого, по мнѣнію миссіонера, служитъ совмѣстное жительство христіанъ съ язычниками. Нельхайскій миссіонеръ (священникъ Флеровъ) сообщаетъ, что его пасомые иногда отлагаютъ крещеніе новорожденныхъ на неопредѣленное время, рѣдко причащаютъ младенцевъ, при болѣзняхъ обращаются къ шаманамъ и ламамъ, христіанское напутствованіе больныхъ Св. Тайнами отлагаютъ до послѣдняго часа, такъ что нѣкоторые больные умираютъ безъ выполненія этого св. долга. Въ Балаганскомъ округѣ находится еще два стана—Аларскій и Бажеевскій. Оба миссіонера (Аларскій священникъ Николай Затопляевъ и Бажеевскій—Константинъ Поповъ) въ своихъ отчетахъ говорятъ, что религіозно-нравственное состояніе ихъ пасомыхъ улучшается, и приводятъ примѣры преданности новокрещенныхъ св. вѣрѣ. „Въ концѣ 1892 г., пишетъ Аларскій священникъ,

мнѣ пришлось напутствовать въ 40 верстахъ отъ стана въ селеніи Мокрый Мордай больного инородца Николая Чихачева. По входѣ моемъ въ домъ, когда я сталъ раздѣваться, позади меня послышался изъ-за печи слабый, какъ бы замогильный голосъ: „батя, батя!“ Я пошелъ на зовъ. Больной старикъ, поднявшись съ постели, сложилъ руки для принятія благословенія и усердно просилъ напутствовать его. Меня пріятно поразило еще то, что на немъ было одѣто все чистое бѣлье и, повидимому, перемѣнена даже постель, очевидно въ ожиданіи священника со св. дарами, какъ обыкновенно дѣлается благочестивыми русскими людьми. Но всего важнѣе то, какъ онъ каялся. Слезы текли у него ручьемъ, и самъ онъ въ этомъ сокрушеніи, крестясь, чистосердечно каялся въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Послѣ принятія Св. Таинъ, больной, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: „Слава Богу! Я чувствую теперь, что мнѣ легче. Если жизнь моя еще протянется, не откажись, бабай (отецъ), еще пріѣхать и напутствовать меня“. Въ утѣшеніе я сказалъ ему, что по его усердной молитвѣ всесильный Господь можетъ дать ему не только облегченіе, но и совершенное выздоровленіе“. Тотъ же миссіонеръ свидѣтельствуетъ объ особенномъ благоговѣніи новокрещенныхъ къ христіанской святынѣ—иконамъ. „При посѣщеніи съ животворящимъ крестомъ крещеная въ 1891 г. помощника старосты Басанова меня поразило отсутствіе св. иконъ, которыя онъ послѣ крещенія поставилъ съ особеннымъ благоговѣніемъ на устроенную имъ божницу. Невольно у меня явилось подозрѣніе, что ламы, постоянно разъѣзжающіе по улусамъ, совратили его въ ламаизмъ. Пропѣли мы съ псаломщикомъ тропарь и кондакъ. Басаковъ и вся его семья приложились къ животворящему кресту. Поздоровались. „Что же, говорю я, обращаясь къ хозяину дома, Николай Петровичъ, иконы-то убралъ? Предъ чѣмъ же ты возносишь свои молитвы къ Господу? Да и для

чего нужно ихъ убирать?“ „Убралъ я, отвѣчалъ тотъ, а убралъ ихъ потому, что избушка у меня, самъ видишь, маленькая, малахапъ (маленькая печь, въ которую вмазывается чугунный котелъ для приготовленія пищи) дымитъ и мнѣ стало жалко св. иконъ, что онѣ коптятся. Я поставилъ ихъ въ шкафъ, и вотъ гдѣ онѣ у меня стоятъ“. При этомъ онъ открылъ стеклянныя двери шкафа, гдѣ стояли св. иконы. „Вотъ, продолжалъ Басановъ, построю я новый домъ, туда ихъ перенесу, да и васъ, батюшка, попрошу отслужить молебенъ. Нѣтъ, батюшка, говоритъ онъ, замѣтивши должно быть мое подозрѣніе, ты не думай обо мнѣ худо, я крестился и думаю жить по-русски“. Такое твердое рѣшеніе порадовало меня, но все-таки я далъ наставленіе всегда имѣть предъ глазами св. иконы и молиться предъ ними утромъ и вечеромъ. Иконы при мнѣ же были поставлены на божницѣ, а Басановъ выразилъ желаніе устроить для иконы Спасителя кіотъ“. Вообще оба миссіонера (Аларскій и Бажеевскій) говорятъ, что религіозно-нравственное состояніе ихъ пасомыхъ, несмотря на противодѣйствіе ламъ, постепенно улучшается и почти всѣ требованія св. церкви ими въ большинствѣ случаевъ исполняются. Можно отмѣтить одинъ только недостатокъ въ религіозной жизни новокрещенныхъ; это—неохота къ исполненію долга исповѣди и св. причастія со стороны женщинъ. Но здѣсь есть и нѣкоторое извиненіе. Бурятка привыкла считать себя приниженною, недостойною по своимъ немощамъ принимать участіе не только въ общественныхъ дѣлахъ, но и въ религіозныхъ. Она никогда не допускается при общественныхъ идолослуженіяхъ, какъ нѣчто нечистое. Понятно, что новокрещенная бурятка (въ первомъ поколѣніи) никакъ не можетъ убѣдиться, что и она полноправный членъ св. церкви.

Въ Верхоленскомъ округѣ, гдѣ крещенныхъ сравнительно немного и всѣ они, за рѣдкими исключеніями,

живутъ среди массы язычниковъ, религіозно-нравственное состояніе новокрещенныхъ хотя и ниже, чѣмъ Балаганскихъ инородцевъ, однако несомнѣнно улучшается. Всѣ требоисправленія совершаются здѣсь своевременно, исключая крещенія младенцевъ. Въ этомъ отношеніи юные христіане еще вѣрятъ въ дурной глазъ, и потому крещеніе младенцевъ отлагается до пріѣзда миссіонера въ улусъ и всегда совершается на дому. Вѣра новокрещенныхъ въ загробную жизнь, праведное мздовоздаяніе и надежда на милосердіе Божіе настолько велики, что больной инородецъ всегда желаетъ предъ кончиной напутствоваться Св. Тайнами, хотя это иногда и неудобоисполнимо для него: кого послать за священникомъ, если больной одинъ въ улусѣ среди язычниковъ? Въ этомъ отношеніи миссіонеръ Усть-Ордынскаго стана разсказываетъ слѣдующій отрадный случай: „Въ декабрѣ 1892 г. въ станъ явился новокрещенный Василій Бахалуевъ съ просьбою причастить его Св. Тайнъ. На мой вопросъ: „что его побудило къ этому, когда онъ по виду здоровъ“, Василій отвѣчалъ: „Нѣтъ, батюшка, все у меня болитъ и, если я ослабѣю, то, пожалуй, изъ улуса и не пошлютъ за вами. Причастите. Чувствую, что умру“. Какъ умилительна и трогательна была исповѣдь Василія, — передать трудно. Въ заключеніе онъ просилъ не оставить его въ молитвахъ церкви. Послѣ причащенія Бахалуевъ, выпивши чашку чая, уѣхалъ домой, а назавтра (16 декабря) я получилъ извѣщеніе, что Василій мирно почилъ о Господѣ съ молитвою на устахъ. Такой примѣръ вполнѣ христіанской кончины среди новокрещенныхъ не единственный, и только неодолимыя для миссіонера препятствія, напр., разстояніе или разливъ рѣчекъ были причиною нѣсколькихъ смертныхъ случаевъ безъ напутствованія. Въ домашней и семейной жизни новокрещенныхъ Верхнеленскаго округа замѣчается большая наклонность къ русскому быту. Въ 1892 г. въ Усть-Ордынскомъ станѣ было повѣнчано нѣ-

сколько браковъ новокрещенныхъ инородцевъ съ русскими дѣвицами, которыя ввели въ улусскую жизнь православно-русскіе порядки и обычаи. Этимъ семьямъ начинаютъ теперь подражать и сосѣди *).

Что касается почвы, на которой сдѣланы были пріобрѣтенія для церкви Христовой въ предѣлахъ Иркутской губерніи, то въ этомъ отношеніи шаманство представляетъ несомнѣнно болѣе благопріятныя условія для успѣха миссіонерской дѣятельности, чѣмъ ламайство. Времена господства шамановъ, повидимому, прошли безвозвратно, и молодое поколѣніе язычниковъ относится къ ученію шамановъ съ большимъ сомнѣніемъ. Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ всѣ безъ исключенія шаманы неграмотны и вслѣдствіе этого шаманское лжевѣріе не опирается на письменность, какъ на средство своего дальнѣйшаго сохраненія, то все оно со всѣми своими вымыслами о Тенгри, тенгринахъ и т. п. почти забыто. Остались въ шаманствѣ только внѣшніе знаки идолослуженія, напр., умилостивленіе разгнѣванныхъ боговъ кровавыми жертвами и брызганьемъ, которыя скорѣе можно и даже должно назвать частными и общественными пирушками, чѣмъ религіозными обрядами. Въ настоящее время шаманы пользуются уваженіемъ лишь у однихъ суевѣрныхъ стариковъ и женщинъ, живущихъ въ глухихъ мѣстахъ, куда не проникала еще грамотность, да съ большимъ трудомъ проникаютъ и миссіонеры. Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется ламайство въ его отношеніяхъ къ евангельской проповѣди, какъ вполнѣ сложившаяся и опредѣленная религіозная система. Правда, бурятъ-ламаитъ и до сихъ поръ внѣшне относится къ исповѣдуемой имъ религіи, которая не оказываетъ замѣтнаго вліянія на складъ его духовно-нравственной жизни: въ то время, напр., когда

*) «Отчетъ Иркутской миссіи за 1892 г. (См. приложеніе къ «Православному Благовѣстнику» за 1893 г., №№ 20 и 21, стр. 88—93, 95.

лама совершаетъ въ юртѣ свои религіозныя дѣйствія и моленія, хозяинъ-бурятъ преспокойно куритъ свою трубку, смѣется, громко разговариваетъ о житейскихъ дѣлахъ и проч. Но, не обращая вниманія на эти и подобные имъ знаки неуваженія къ себѣ и проповѣдуемому имп ученію, ламы вымышленными разсказами о чудесахъ Тибета и Монголіи энергически стремятся привязать бурятъ къ ламайству и оттолкнуть отъ христіанства, не гнушаясь при этомъ ложью и обманомъ. „И у русскихъ, и у бурятъ, учатъ они, Богъ одинъ, только вѣра разная; русская вѣра труднѣе, а ламайская легче“ и т. п. Все это распространяется и внушается бурятамъ, очевидно, съ цѣлію показать, что нѣтъ надобности переходить въ христіанство, которое будто бы ничѣмъ не отличается отъ ламайства. Вотъ причина того, почему среди новыхъ христіанъ въ предѣлахъ Иркутской губерніи меньшинство бывшихъ ламаитовъ.

Иркутская миссія дѣйствуетъ на инородцевъ, живущихъ въ Иркутской губерніи. Не меньше язычниковъ къ шестидесятымъ годамъ настоящаго столѣтія было и въ Забайкальской области. По исчисленію, составленному Иркутскимъ Статистическимъ Комитетомъ, всѣхъ некрещеныхъ инородцевъ въ предѣлахъ Забайкальской области къ этому времени состояло болѣе 100,000 человѣкъ. Такая многочисленность язычниковъ прямо говорила за учрежденіе и здѣсь церковной миссіи. Черезъ годъ послѣ основанія иркутской миссіи, а именно въ 1862 г. и была учреждена или, точнѣе сказать, возстановлена и другая миссія въ Иркутской епархіи — *миссія забайкальская*. Она имѣетъ цѣлью просвѣщеніе свѣтомъ христіанства забайкальскихъ инородцевъ—бурятъ и тунгусовъ, которые принадлежатъ къ монгольскому племени и въ религіозномъ отношеніи держатся шаманской или ламайской вѣры. Съ возстановленіемъ забайкальской миссіи проповѣдь Евангелія снова стала возглашаться среди тамошнихъ язычниковъ.

Дѣятельность нынѣшнихъ забайкальскихъ миссіонеровъ направлена на обращеніе язычниковъ и утвержденіе новокрещенныхъ въ православной христіанской вѣрѣ. Съ этою цѣлью миссіонеры ѣздятъ и ходятъ по степямъ. Обычный способъ ихъ дѣятельности—устная проповѣдь и чтеніе Евангелія на монгольскомъ языкѣ. Такъ какъ книжный монгольскій языкъ не совсѣмъ сходенъ съ разговорнымъ языкомъ тамошнихъ инородцевъ, то чтеніе Евангелія могутъ понимать только грамотные инородцы, а для простыхъ, неграмотныхъ бурятъ миссіонерамъ приходится предлагать это чтеніе на разговорномъ языкѣ. Устная проповѣдь состоитъ въ разсказахъ библейскихъ и евангельскихъ, причемъ миссіонеры иногда ознакомляютъ инородцевъ съ событіями при пособіи картинъ. Въ видахъ предрасположенія образованныхъ ламаитовъ къ христіанству миссіонеры раздаютъ имъ св. Писаніе на монгольскомъ языкѣ. Для утвержденія новокрещенныхъ въ христіанствѣ миссіонеры устрояютъ бесѣды съ ними, причемъ разъясняютъ имъ Символъ вѣры, 10 заповѣдей и пр., учатъ христіанскимъ молитвамъ и разсказываютъ житія святыхъ. Съ этою же цѣлію они иногда совершаютъ и богослуженіе на монгольскомъ языкѣ. Во время посѣщенія улусовъ миссіонеры служатъ молебны съ водосвятіемъ, чтобы имѣть случай помолиться вмѣстѣ съ новокрещенными и окропить ихъ св. водою. Послѣднее средство, судя по отзывамъ, благотворно дѣйствуетъ на инородцевъ, привлекая на молитву и некрещенныхъ. Школьное дѣло составляетъ также постоянную заботу забайкальскихъ миссіонеровъ. Такъ, при Посольскомъ монастырѣ ими устроено центральное училище, гдѣ инородческія дѣти приготовляются къ миссіонерскому служенію въ должности причетниковъ, переводчиковъ и школьныхъ учителей. Въ Посольскомъ монастырѣ, кромѣ того, находится миссіонерская библіотека, заключающая въ себѣ до 1,000 книгъ,—пособій для изученія монгольскаго языка и ла-

майства. Тамъ же находится собраніе разныхъ идолослужебныхъ предметовъ, употребляющихся у забайкальскихъ инородцевъ, иконописная, въ которой инородческія дѣти обучаются иконописанію, и гомеопатическая аптека. Кромѣ посольскаго училища, при всѣхъ станахъ миссіи существуютъ низшія школы, гдѣ инородческія дѣти обучаются миссіонерами русской и монгольской грамотѣ, церковному пѣнію и прочимъ предметамъ элементарныхъ школъ. Наконецъ, при миссіи въ 1867 г. для больныхъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ изъ новокрещенныхъ была устроена богадѣльня на 20 человѣкъ.

Въ настоящее время, благодаря дѣятельности миссіи, почти всѣ забайкальскіе инородцы уже крещены; но религіозно-нравственное состояніе не всѣхъ ихъ одинаково.

Что касается осѣдлыхъ крещенныхъ инородцевъ Забайкальской области, то, по отзывамъ миссіонеровъ, всѣ они съ рѣдкимъ благоговѣніемъ относятся къ христіанской святынѣ, въ домахъ на почетномъ мѣстѣ имѣютъ св. иконы, во время праздниковъ зажигаютъ предъ ними лампады или свѣчи и на себѣ носятъ шейные кресты, крестное знаменіе изображаютъ правильно, знаютъ молитвы, усердно посѣщаютъ храмъ Божій, ежегодно исповѣдаются и пріобщаются Св. Таинъ и съ немепьшею ревностью исполняютъ всѣ христіанскія требы: крещеніе младенцевъ, напутствіе больныхъ, христіанское поминовеніе умершихъ. Во время засухи, которая здѣсь не въ рѣдкость, они приглашаютъ священника со св. иконами на поля для служенія молебновъ, даже закладку своихъ домовъ освящаютъ молитвою церкви, а равно и окончательную постройку ихъ. Уровень религіознаго развитія ихъ, правда, не высокъ, но они понимаютъ главнѣйшіе догматы христіанства, вѣруютъ въ загробную жизнь и надѣются, по милосердію Божію, на праведное мздовоздаяніе въ будущей жизни. Миссіонеры въ своихъ днев-

никахъ проводятъ множество примѣровъ истинно-христіанской жизни и доброй нравственности осѣдлыхъ крещенныхъ инородцевъ и причину такихъ отрадныхъ явленій исключительно приписываютъ близости ихъ къ христіанскому храму и миссіонеру, какъ необходимому условію правильнаго воспитанія инородцевъ въ истинахъ православной вѣры и началахъ христіанской нравственности.

Излишне было бы говорить, что всѣ осѣдлые крещенные инородцы отличаются христіанскою жизнію и примѣрною нравственностью: и здѣсь есть не мало исключеній печальнаго свойства. Есть среди нихъ такіе, которые еще придерживаются прежнихъ языческихъ суевѣрій и не далеко ушли въ нравственномъ отношеніи отъ своихъ сородичей-язычниковъ. Миссіонеры въ данномъ случаѣ нерѣдко указываютъ на то, что нѣкоторые крещенные инородцы не прекращаютъ своихъ сношеній съ ламами и дацанами, къ которымъ они прибѣгаютъ и за медицинскою помощью въ случаѣ болѣзни. А живя среди русскихъ, инородцы заражаютъ иногда и суевѣріями нашихъ простолюдиновъ. Такъ, имъ извѣстны счастливые и несчастливые дни, нашептываніе на водѣ, маслѣ, угляхъ, вѣра въ худой глазъ и порчу, обращаются они къ знахарямъ и ворожеямъ и т. д. Но что особенно печально и что особенно гибельно отражается на внѣшнемъ ихъ благосостояніи, это пороки, широко развитые въ языческой средѣ и перенесенные оттуда въ христіанскую жизнь, какъ-то: тунеядство, лѣность къ труду, семейные раздоры, склонность къ сутяжничеству, пьянство, грубый развратъ и проч. Съ этими пороками миссіонерамъ приходится бороться со всею энергіею, но, къ сожалѣнію, ихъ труды часто остается безуспѣшными, благодаря тѣсной связи по общественному положенію крещенныхъ бурятъ съ бурятами язычниками. Впрочемъ, не смотря на все это, религіозно-нравственное состояніе осѣдлыхъ крещенныхъ инородцевъ можно счи-

тать настолько удовлетворительнымъ, что темныя пятна въ ихъ жизни являются какъ исключенія изъ общаго правила.

Не такой отзывъ, къ сожалѣнію, приходится сдѣлать о крещеныхъ инородцахъ, живущихъ по улусамъ вмѣстѣ съ некрещеными. Здѣсь картина совершенно измѣняется. Насколько отрадно бываетъ, по отзывамъ миссіонеровъ, взглянуть на осѣдлаго крещенаго инородца и побесѣдовать съ нимъ, какъ съ хорошимъ христіаниномъ, настолько, наоборотъ, крещеный инородецъ изъ улуса производитъ тягостное впечатлѣніе: его понятія объ истинахъ православной вѣры неустойчивы и шатки, требованія православной церкви въ большинствѣ случаевъ исполняются ими безъ сознанія святости ихъ и спасительности для человѣка. Не зная въ должной степени христіанства, лишенный постояннаго надзора и руководительства миссіонера, крещеный улусникъ ударяется въ сторону языческихъ суевѣрій и живетъ почти такъ же, какъ и окружающіе его сородичи-язычники. Поэтому миссіонеры съ особеннымъ удовольствіемъ и радостью отмѣчаютъ въ своихъ дневникахъ, когда посѣщаемые ими улусники-христіане стремятся въ своей жизни осуществить предлагаемыя имъ наставленія и правила. Къ сожалѣнію, на такіе отрадные случаи приходится указывать какъ на исключенія изъ общаго правила. Интересна слѣдующая замѣтка миссіонера Шастина: „Шархазаргинское общество, — говоритъ онъ,— попросило меня на пути отслужить молебенъ св. пророку Иліи. Неуклюже толпились новокрещенные среди православныхъ казаковъ, однако съ неменьшимъ благоговѣніемъ, какъ и эти, они приняли св. иконы. Крестный ходъ направился ко кресту на источникъ. Здѣсь отслужили молебенъ. Отъ креста направились къ селенію Ильинскому съ пѣніемъ запѣвовъ и тропарей тѣмъ святымъ, священныя изображенія которыхъ находились въ крестномъ ходѣ... Недалеко отъ Ильинскаго насъ

встрѣтили дѣти новокрещенныхъ. Меня удивило, что ихъ не сопровождаетъ никто изъ старшихъ. Оказалось, что дѣти ушли безъ вѣдома послѣднихъ. Крестный ходъ остановился. Дѣти приложились къ св. иконамъ и, по православному обычаю, родителями и родственниками, участвовавшими въ ходѣ, посажены были на пути шествія, такъ что св. иконы были пронесены надъ ними. При входѣ въ селеніе опять пришлось остановиться: вышли навстрѣчу двѣ старушки, а вмѣстѣ съ ними и всѣ остальные жители села Ильинскаго, которые не были въ Шархазаргѣ. Они встрѣтили св. иконы съ земными поклонами, приложились къ нимъ и приняли ихъ для пѣнія. Такимъ образомъ крестный ходъ достигъ св. креста, утвержденнаго на восточномъ концѣ улицы Здѣсь и совершено было молебствіе св. пророку Иліи. Случаи, свидѣтельствующіе о проявленіи христіанскихъ началъ въ жизни, чаще всего встрѣчаются у тунгусовъ. Что же касается бурятъ, то они менѣе устойчивы въ православной вѣрѣ *).

Главное затрудненіе Забайкальской миссіи представляютъ ламы. Ламайская вѣра, слабая въ старое время, теперь пустила довольно сильные корни среди забайкальскихъ инородцевъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Забайкальѣ существовало только 150 ламъ; а въ настоящее время ихъ насчитываютъ нѣсколько тысячъ. Подобно нашимъ миссіонерамъ, ламы разъѣзжаютъ по улусамъ инородцевъ и распространяютъ свое ученіе, они же стремятся поддерживать сношенія и съ монгольскими ламами, которые также приходятъ въ Забайкалье изъ Монголіи и приносятъ оттуда идоловъ и другіе предметы ламайскаго культа. Хорошо понимая, что съ развитіемъ хлѣбопашества буряты невольно приближаются къ русской культурѣ и православной русской вѣрѣ, ламы

---

*) «Отчетъ Забайкальской миссіи за 1894 г. (См. приложеніе къ «Православному Благовѣстнику» за 1895 г., № 19, стр. 67—70.

запрещаютъ бурятамъ заниматься земледѣліемъ, развивая до крайности ученіе о переселеніи душъ, по которому нельзя даже вырвать съ корнемъ какое-либо растеніе, такъ какъ въ немъ можетъ пребывать душа умершаго предка; она можетъ невыносимо страдать, если нарушить его покой. Вотъ случай подобнаго запрещенія съ однимъ агинскимъ бурятомъ, происшедшій въ 1885 году. Задумавъ заняться хлѣбопашествомъ, этотъ бурятъ нанялъ русскаго вспахать землю и приготовился сѣять. Вдругъ пріѣзжаетъ къ нему лама агинскаго дацана и говоритъ: „Что ты дѣлаешь? Зачѣмъ ты созданіе Божіе—траву и насѣкомыхъ, находящихся въ травѣ и землѣ, губишь? Траву перевернулъ вверхъ корнемъ, а насѣкомыхъ передавилъ пластами земли. Неужели бурханы даютъ траву для того, чтобы буряты губили ее такимъ образомъ, какъ теперь ты загубилъ ее? А въ насѣкомыхъ, которыхъ ты передавилъ, безъ сомнѣнія находились души твоихъ предковъ и сородичей, и мирно покоились. Великій ты грѣхъ сдѣлалъ! Сообрази и то, какъ земледѣліе можетъ мириться съ бурятскою кочевою жизнію? Тебѣ бурханы дали барановъ, чтобы ты снималъ съ нихъ шерсть, изъ шерсти катали потники, изъ потниковъ дѣлалъ юрты и перекочевывалъ съ мѣста на мѣсто, отыскивая имъ подножный кормъ. А ты губишь траву, данную тебѣ на пользу. И теперь ты долженъ жить на одномъ мѣстѣ, чтобы караулить хлѣбъ отъ потравы, потомъ жать, убирать, молотить. Потребуется тогда амбаръ для хлѣба, мельница для молотья и домъ для печенья этого хлѣба. А при такихъ порядкахъ жизни, прощай бурятская жизнь, въ которой жили твои предки, въ которой живемъ теперь и мы! Брось все это и принеси за свой грѣхъ жертву бурханамъ. Иначе ты разоришься и погибнешь“. Бурятъ такъ любилъ хлѣбопашество и столько соединялъ съ нимъ завѣтныхъ думъ, что не послушался ламы и рѣшилъ засѣять свою землю. Но, на несчастіе бурята,

на другой день по отъѣздѣ ламы у него пала корова отъ неизвѣстной причины. Бурятъ повѣрилъ, что лама правду говорилъ и бурханы начинаютъ уже наказывать его, и тотчасъ продалъ русскому за безцѣнокъ свою земельную собственность. Послѣ этого онъ отправился къ ламѣ, раскаялся предъ нимъ въ своемъ упорствѣ, обѣщалъ принести жертву, какую потребуютъ бурханы за грѣхъ, и далъ слово никогда не заниматься земледѣліемъ, какъ дѣломъ противнымъ бурятской ламайской вѣрѣ. Такъ начатое бурятомъ дѣло и рушилось навсегда. Подобныя проповѣди ламъ относительно земледѣлія, безъ сомнѣнія, бываютъ среди бурятъ и теперь. Мало того, ламы всегда говорятъ бурятамъ, что если они перейдутъ къ русскимъ, то непремѣнно разорятся. „Русскіе, доказываютъ они, платятъ подать за все—и за пахатную землю и покосы, отбываютъ и воинскую повинность, а буряты, пока будутъ бурятами, ничего подобнаго не платятъ и не отбываютъ, и никогда не ременится ихъ жизнь. Поэтому надобно стоять за свою жизнь. Надо не только не креститься и не переходить къ русскимъ, а напротивъ, поддерживать всѣми силами все бурятское и вооружаться противъ всего, что можетъ портить или ограничивать бурятскую степную жизнь, правильную и легкую“ *).

Такимъ образомъ ламы зорко слѣдятъ за жизнью бурятъ, держатъ ихъ мощною рукою въ первобытномъ состояніи и не допускаютъ въ этой жизни никакихъ перемѣнъ.

Кромѣ иркутской и забайкальской миссіи, въ восточной Сибири существуетъ еще *миссія чукотская*. Она имѣетъ своею цѣлію просвѣщеніе свѣтомъ христіанства инородцевъ, обитающихъ въ самой сѣверо-восточной части Азіи—въ чукотской землѣ, т. е. чукчей, коряковъ и др. Страна, занимаемая этими инородцами, самая пу-

*) «Труды православныхъ миссій» т. IV, стр. 583—585.

стынная во всей Сибири, дикая по природѣ и суровая по климату. Сѣверная часть ея прилегаетъ къ Ледовитому океану и состоитъ изъ тундръ, сплошь покрытыхъ льдомъ, а остальное пространство занимаютъ отроги Яблоноваго хребта. Долины между отрогами хребта пустынны. Зима здѣсь царствуетъ въ теченіе цѣлыхъ 10 мѣсяцевъ. Не рѣдки здѣсь мятели и вьюги, во время которыхъ вѣтеръ со свистомъ поднимаетъ снѣгъ въ воздухъ, слѣпитъ глаза и т. д.

Просвѣщеніе дикихъ чукчей свѣтомъ евангельскаго ученія началось еще съ прошлаго столѣтія. Христіанство проникало къ нимъ изъ Камчатки и со стороны рѣки Колымы. Но случаи обращенія инородцевъ чукотской страны на первыхъ порахъ были слишкомъ рѣдки. Болѣе замѣтный успѣхъ среди этихъ инородцевъ христіанство стало дѣлать съ 30—40 годовъ настоящаго столѣтія, причемъ по прежнему оно проникало къ нимъ съ двухъ сторонъ—со стороны Камчатки и со стороны Колымы. Фактъ проникновенія христіанства въ среду чукчей обусловливался отчасти измѣненіемъ ихъ характера. Въ прежнее время чукчи отличались большою дикостью и жестокостью; русскіе миссіонеры за свою ревность могли платиться жизнью. Но вотъ съ теченіемъ времени ихъ отношенія къ русскимъ измѣнились къ лучшему. Въ 1834 г. въ Камчатку прикочевали чукчи съ своимъ княземъ Чинникомъ, который незадолго передъ тѣмъ своими набѣгами наводилъ страхъ на камчадаловъ и коряковъ. Онъ добровольно явился къ камчатскому священнику Іоанну Веніаминову и просилъ окрестить его, а потомъ привелъ къ нему еще пятерыхъ своихъ родичей съ тою же цѣлью, которые также были удостоены крещенія. Въ сороковыхъ годахъ съ проповѣдью Евангелія въ чукотскую землю ходилъ камчатскій священникъ Верещагинъ, который въ 1847 г. крестилъ до 150 чукчей и построилъ для нихъ часовню. Въ шестидесятыхъ годахъ къ чукчамъ предпринималъ

поѣздку миссіонеръ священникъ Іоаннъ Невскій, который въ 1861 г. въ теченіе 5 недѣль проѣхалъ приблизительно до 2,400 верстъ въ окружности и просвѣтилъ св. крещеніемъ нѣсколько тамошнихъ язычниковъ.

На чукчей вліяли еще и колымскіе миссіонеры. Въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія среди нихъ стремился распространить христіанство нижнеколымскій священникъ Александръ Трифоновъ. Для лучшаго успѣха онъ рѣшилъ воспользоваться собраніемъ чукчей въ крѣпости Островной, гдѣ ежегодно въ мартѣ бываетъ мѣновая торговля между русскими и чукчами. Прибывъ въ Островную, Трифоновъ узналъ, что среди чукчей есть до 10 христіанъ, и пригласилъ ихъ къ себѣ. Крещенные не только оказались не забывшими христіанской вѣры, но даже старались вліять и на своихъ собратій язычниковъ. Вскорѣ пришли къ миссіонеру 23 чукча и объявили, что, слушаясь своихъ собратій, которые хвалятъ крещеную вѣру, они сами хотятъ быть крещенными. Этимъ чукчамъ миссіонеръ разъяснилъ догматы христіанской вѣры и затѣмъ совершилъ надъ ними крещеніе. Трофимовъ неоднократно посѣщалъ Островную и до глубокой старости трудился, проповѣдуя чукчамъ Евангеліе. Послѣ него среди чукчей проповѣдывалъ христіанство священникъ Аргентовъ. Ревностный миссіонеръ прошелъ съ проповѣдью Евангелія въ самую глубь края. Благодаря расположенности къ христіанству самихъ чукчей, язычники оказывали миссіонеру вниманіе и помощь, увѣряя, что они не только не воспрепятствуютъ основанію церкви и водворенію среди нихъ священника, но даже будутъ сами содѣйствовать этому дѣлу. Крещенныхъ инородцевъ въ тамошнемъ краѣ оказалось уже болѣе тысячи. При такихъ обстоятельствахъ и рѣшено было построить для нихъ православный храмъ. Основаніе первой христіанской церкви на берегу Ледовитаго океана послѣдовало 29 іюля 1848 года. При этомъ важномъ событіи присутствовали какъ бы

представителями отъ дикихъ племенъ—чукчи, юкагиры и др. Церковь была освящена въ 1851 г. во имя чудотворца Николая и получила названіе чукотской Николаевской церкви. Къ ней Св. Синодъ опредѣлилъ отдѣльный причтъ, назначивъ особыя суммы какъ на содержаніе его, такъ и на постройку церковнаго дома и на путевыя издержки. Послѣ устройства церкви приходъ ея началъ замѣтно увеличиваться новокрещенными. Пунктъ, занятый церковью, весьма удобенъ. Священникъ можетъ совершать миссіонерскія поѣздки во всякое время года и для этого снабженъ подвижнымъ антиминсомъ. Затѣмъ миссіонеръ Аргентовъ предпринималъ свои поѣздки по разнымъ другимъ мѣстамъ того края, совершая ихъ пѣшкомъ, на лодкѣ и на собакахъ. Вотъ какъ описываетъ онъ одну изъ такихъ поѣздокъ по сѣверо-восточному углу Азіи: „Съ трудомъ и опасностію пробирался я по ледяной почвѣ топкихъ мховъ, грязныхъ лавъ, мокрыхъ холмовъ и скользкихъ оттепій. Утомленный долгимъ ходомъ, въ теченіе котораго я долженъ былъ искать себѣ пищи въ гнѣздахъ гусей, напрасно искалъ я сухого мѣста, чтобы присѣсть на минуту. Вся тундра обращена была въ зыбунъ, и я съ котомкою на плечахъ отдыхалъ стоя, опершись на свой посохъ, а между тѣмъ мои ноги коченѣли въ холодной водѣ. 8 дней я былъ въ пути, 60 верстъ плылъ на лодкѣ и 95 шелъ пѣшкомъ... Я спустилъ лодку. Погода была ясна и тиха, вѣтеръ былъ попутный и я отправился моремъ. Черезъ два часа по выходѣ изъ пристани намъ начали показываться льдины, которыя становились гуще и гуще. Однако лодка незамѣтно удалялась отъ берега и, пробираясь извилистымъ путемъ между плывучихъ льдинъ, шла впередъ... Скоро лодка моя была верстъ за 15 въ морѣ; земля едва синѣлась, сдѣлалась тишь, западъ затумапился черными полосами. Впереди возвышалась громада льдовъ... Я поворотилъ назадъ и, напрягая всѣ силы, лавировалъ, отыскивая

разсѣлины между плавучими льдами, чтобы пробраться къ землѣ. Но скоро все измѣнилось. Изъ темныхъ полосъ западнаго неба вылетѣлъ ураганъ. Море запѣнилось, волны грозно шумѣли и разбивались о вѣковыя льдины. Я и спутникъ мой побросали въ воду грузъ, состоявшій изъ убитыхъ нами гусей и четырехъ собакъ, которыя черезъ нѣсколько минутъ были выброшены на льдину. Мы не знали, что дѣлать, и были такъ неопытны, что подняли маленькій парусъ. Съ величайшею опасностью понеслись мы въ обратный путь... Лодку нашу бросало то вправо, то влѣво, и мы едва успѣвали отливать изъ нея воду. Вдругъ налетѣлъ порывъ вѣтра, парусъ сорвало, лодку повернуло бокомъ и затопило... Мы погибали. Только провидѣніе могло послать намъ спасеніе. Вотъ прикатился валъ; онъ выбросилъ насъ на морской приплесокъ живыми. Скоро затѣмъ мы увидѣли чукчей". Въ другой разъ миссіонеръ, плывя въ лодкѣ, присталъ къ устью Китепвсеемъ. „Я вытащилъ, говоритъ онъ, на берегъ свой грузъ и отправился пѣшкомъ въ горы искать чукчей. Долго ходилъ я по пустынѣ, то поднимаясь на возвышенности, то блуждая по топкимъ разлогамъ... Я прислушивался и ничего не слыхалъ. Между тѣмъ настала холодная ночь и воздухъ наполнился густымъ морскимъ туманомъ. Сонъ не смыкалъ моихъ глазъ и мнѣ пришло въ голову испытать призывной сигналъ. Я началъ „куркать". Громкое эхо далеко вторилось въ тиши, но отклика не было, и я повторилъ свой кликъ. Мертвая тишина снова водворилась. Я оробѣлъ. Но провидѣніе спасало меня не одинъ разъ. Закутавшись въ дорожный плащъ, я рѣшился терпѣливо ждать утра. Сырость, холодъ, усталость и голодъ производили во мнѣ непріятныя ощущенія. Я не спалъ, но началъ дремать; вдругъ на болотѣ послышался шорохъ и во тьмѣ показалась движущаяся точка. Ночь была темная, туманная: трудно было разглядѣть, человѣкъ-ли идетъ, или медвѣдь крадется къ путнику. Безмолвно,

между страхомъ и надеждою ожидая, чѣмъ это кончится, я выпустилъ мою собаку и скоро услышалъ крикъ человѣка. Это былъ чукотскій пастухъ, который пришелъ ко мнѣ по сигналу... Слѣдуя далѣе въ лодкѣ по Ледовитому океану, мы были застигнуты свирѣпымъ ураганомъ и заблудились; но я вспомнилъ совѣтъ чукчей, вытащилъ лодку на льдину и 17 часовъ сряду спасался въ небольшой пещерѣ, составленной изъ массы столѣтняго льда, — пещерѣ, которая обыкновенно служитъ жильемъ для бѣлыхъ медвѣдей. Когда утихъ шумъ и мгла разрѣдилась, мы увидѣли, что ледъ былъ оторванъ во время бури и плылъ вдаль, а пещера нашего спасенія готова была разрушиться; но, ободрившись, мы успѣли кое-какъ добраться до Баранова камня. Такимъ образомъ въ теченіе 15 дней я прошелъ, заканчиваетъ свое описаніе миссіонеръ Аргентовъ, пѣшкомъ по тундрѣ болѣе 180 верстъ и проплылъ водою 375 верстъ. Во время этого тягостнаго похода Богъ помогъ мнѣ обратить въ христіанство 57 язычниковъ“.

Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ среди чукчей занимался миссіонерствомъ священникъ Петръ Суворовъ. Онъ обосновался въ крѣпости Анюйской, отстоящей отъ Островной въ 100 верстахъ. Чукчи по прежнему оказывались склонными къ христіанству и принимали его безъ особенныхъ усилій со стороны миссіонера. Этому обстоятельству много способствовали крещенные главы чукчей. Они сами доставляли миссіонеру случаи видѣть язычниковъ, которыхъ онъ наставлялъ въ христіанской вѣрѣ и крестилъ. Вотъ что писалъ этотъ миссіонеръ въ своихъ запискахъ: „Тоіенъ (соотвѣтствующій нашему старшинѣ) вошелъ ко мнѣ въ квартиру и сказалъ: я привелъ къ тебѣ крещенныхъ и некрещенныхъ, учи ихъ и дѣлай, что знаешь. Я, говоритъ миссіонеръ, поблагодарилъ, велѣлъ имъ всѣмъ, гдѣ и какъ могутъ, садиться; внѣ дома остававшимся некрещеннымъ женщинамъ приказалъ войти

и началъ учить ихъ. Занятіе мое продолжалось, по крайней мѣрѣ, часа три или четыре и, когда кончилось, я спросилъ: всѣ ли некрещенные желаютъ принять православную вѣру? Они отвѣчали мнѣ: всѣ. Одна старуха, по имени Чейгуга, сказала при этомъ: мы рѣдко сюда ходимъ и не знали прежде того, о чемъ ты теперь говоришь намъ, а если бы знали, то, можетъ быть, и раньше бы крестились. При послѣднихъ словахъ вошелъ ко мнѣ другой тоіенъ Хотто и послѣ привѣтствія— здравствуй! спросилъ меня: буду ли я сегодня крестить и его подчиненныхъ? Такъ какъ время клонилось уже къ вечеру, то я попросилъ его привести этихъ язычниковъ по утру. Хотто согласился... По отходѣ оглашенныхъ отъ меня, я просилъ ихъ придти ко мнѣ на слѣдующій день, и они пришли; вмѣстѣ съ ними были и язычники изъ лагеря Хотто". Въ теченіе двѣнадцатилѣтней миссіонерской дѣятельности (съ 1857 по 1869 г.) священникъ Суворовъ успѣлъ крестить не мало инородцевъ.

Послѣ Суворова, оставившаго миссіонерскую дѣятельность вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, миссіонерскій постъ въ чукотской землѣ въ 1870—1871 г. оставался свободнымъ по неимѣнію лицъ, способныхъ къ замѣщенію его, хотя чукчи по прежнему обнаруживали живое влеченіе къ христіанству. Такъ, чукотскій тоіенъ Амвравургинъ и нѣкоторые другіе чукчи на свой счетъ и своими трудами выстроили въ это время часовню и при ней домъ для священника. Съ 1877 года въ чукотской землѣ мы видимъ трехъ миссіонеровъ, которые предпринимаютъ поѣздки на западъ и востокъ отъ рѣки Колыми до Анюйской крѣпости, куда чукчи по прежнему собираются для торговли съ русскими купцами. До 1879 г. эти три члена чукотской миссіи дѣйствовали безъ назначенія каждому изъ нихъ особаго опредѣленнаго округа. Но въ этомъ году пространство ихъ миссіонерской дѣятельности было раздѣлено на три от-

дѣла или стана: чаунскій, эламбальскій и алазейскій, и въ каждый изъ этихъ становъ назначается особый миссіонеръ. Миссіонерамъ означенныхъ пунктовъ и предстоитъ задача приводить къ концу дѣло обращенія въ христіанство тамошнихъ инородцевъ.

Самое главное затрудненіе настоящей чукотской миссіи составляетъ дикость и суровость того края, громадность разстояній, на которыхъ живутъ тамошніе инородцы, и большая неразвитость жителей. Всѣ эти обстоятельства препятствовали и препятствуютъ чукотскимъ миссіонерамъ довести до конца разъ начатое дѣло обращенія въ христіанство обитателей чукотской страны.

Учрежденіемъ чукотской миссіи заканчивается кругъ дѣятельности нашихъ миссіонеровъ въ восточной Сибири. Окидывая взоромъ состояніе миссіонерства въ этой части Сибири за все время его существованія и сравнивая его съ миссіонерствомъ въ западной Сибири, мы должны сказать, что въ первой оно было счастливѣе, чѣмъ въ послѣдней. Начавшись вскорѣ послѣ водворенія русскихъ въ восточной Сибири, миссіонерство хотя и пріостанавливалось на время, тѣмъ не менѣе не прекращалось совершенно, а съ учрежденіемъ тамъ новѣйшихъ миссій оно обхватило всѣ тамошнія племена. Двухвѣковая работа нашихъ миссіонеровъ въ восточной Сибири часто при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для ихъ дѣятельности имѣла очень большой успѣхъ. Племена якутовъ, камчадаловъ и другихъ инородцевъ трудами русскихъ миссіонеровъ были обращены въ христіанство.

Заключеніе.

Обозрѣвая миссіонерскую дѣятельность какъ въ западной, такъ и въ восточной Сибири, мы видимъ, что миссіонерство здѣсь началось съ самаго начала покоренія этой страны русскими. Въ началѣ оно ограничивалось

той небольшой площадью въ западной Сибири, въ которой сосредоточивалась на первыхъ порахъ русская жизнь. Затѣмъ, по мѣрѣ расширенія русскаго владычества въ Сибири, расширялись тамъ и предѣлы православнаго русскаго миссіонерства, такъ что съ окончательнымъ упроченіемъ русскихъ на самомъ сѣверовостокѣ Азіи—въ Камчаткѣ (въ началѣ XVIII вѣка) миссіонерская дѣятельность обняла собою пространство отъ Урала до водъ Тихаго океана и отъ водъ студенаго моря до границъ Китая. Начавшись вмѣстѣ съ водвореніемъ русскихъ, миссіонерство въ Сибири не окончилось даже въ настоящее время, такъ какъ и теперь здѣсь насчитываются тысячи язычниковъ и магометанъ.

Почти трехвѣковая дѣятельность православныхъ миссіонеровъ оказалась недостаточною для окончанія дѣла обращенія сибирскихъ инородцевъ въ христіанскую вѣру. Причина этого явленія заключается, конечно, не въ недостаткѣ миссіонерской ревности. Въ лицѣ святителя Филовея Лещинскаго, Макарія Глухарева, архимандрита Хотунцевскаго, святителя Иннокентія II Неруновича, протоіерея Григорія Слѣпцова, священника Петра Суворова и многихъ другихъ тамошнихъ миссіонеровъ, мы видѣли немало апостольской ревности къ дѣлу проповѣди Евангелія и даже миссіонерскаго такта. Причины такого явленія, какъ мы уже отчасти выше высказывались, кроются прежде всего въ особенныхъ условіяхъ Сибири и ея обитателей.

Населеніе Сибири чрезвычайно разноплеменно и при этомъ разныя, отдѣльныя племена не объединились, не образовали одного какого-либо типа. Каждое племя тамъ жило и живетъ само по себѣ, болтаетъ своимъ собственнымъ нарѣчіемъ. Не объединившись, сибирскіе инородцы не выработали у себя никакой гражданственности. Бытъ, образъ жизни, нравы, обычаи и религіозныя вѣрованія—все это свидѣтельствовало о ихъ первобытномъ, даже дикомъ состояніи, въ которомъ поддерживали и

поддерживаютъ народныя массы ихъ духовные руководители—шаманы, ламы и муллы. При такихъ условіяхъ миссіонерамъ, помимо проповѣди Евангелія, приходилось насаждать у тамошнихъ инородцевъ и начатки просвѣщенія чрезъ открытіе школъ и начало письменности чрезъ переводы и устроять ихъ жизнь, измѣняя кочевой и бродячій образъ жизни на осѣдло-европейскій и чрезъ то пролагать первые пути къ развитію среди нихъ гражданственности. Все это составляло такую задачу, которая могла быть осуществима лишь вѣками. Церковная задача, смѣшиваясь съ другими, чисто государственными и культурными задачами, чрезвычайно осложнялась и требовала для своего выполненія упорнаго труда многихъ лицъ и поколѣній.

Немаловажнымъ тормазомъ для успѣховъ миссіонерства служатъ также неблагопріятныя физическія условія Сибири. По статистическимъ даннымъ, инородцы этого края составляютъ почти два милліона населенія. Но это населеніе живетъ на пространствѣ приблизительно въ 12.500,000 квадратныхъ верстъ. Статистика говоритъ, что не можетъ быть и рѣчи о сравненіи одной восточной Сибири съ какимъ бы то ни было европейскимъ государствомъ. Она болѣе всей Европы на 5,446 квадратныхъ миль. Одна Забайкальская область равняется Австро-Венгріи и гораздо больше Германской имперіи и Франціи. При такихъ условіяхъ, какъ справедливо замѣтилъ еще въ прошломъ столѣтіи сибирскій митрополитъ Антоній Стаховскій, „аще бы не седмидесятное число проповѣдниковъ, но отъ седмисотнаго и болѣ, всѣмъ бы было здѣ мѣсто; жатва многа зѣло, а наибольшій трудъ, что новокрещенные юрта отъ юрты далече жительствуютъ“. Удивительно-ли послѣ этого то явленіе, встрѣчаемое нашими миссіонерами въ Сибири (турханскими, забайкальскими, якутскими, чукотскими и другими), что они часто проѣзжаютъ цѣлыя сотни верстъ, не встрѣчая жилища, проѣзжаютъ по мало про-

ходимымъ хребтамъ и болотамъ, а въ лѣсныхъ мѣстахъ по колодамъ и пнямъ, не встрѣчая въ продолженіе нѣсколькихъ дней никакого пріюта. Прибавимъ къ этому еще самый неблагопріятный климатъ Сибири, суровую зиму и короткое лѣто, съ которыми также приходится считаться нашимъ миссіонерамъ.

Такимъ образомъ обширныя пространства Сибири, населенныя многочисленными племенами инородцевъ, различающихся между собою по языку, образу жизни и т. д., представляютъ самое широкое и чрезвычайно трудное поприще для русскихъ миссіонеровъ. Здѣсь имъ приходилось и приходится вести борьбу не съ одними лишь заблужденіями язычества и магометанства, но и съ самою природою. Въ виду такихъ обстоятельствъ нельзя не удивляться тому, что русскіе миссіонеры уже успѣли въ Сибири обратить въ христіанство почти всѣхъ вогуловъ, остяковъ, камчадаловъ, якутовъ. Въ настоящее время въ Сибири нѣтъ ни одного инородческаго племени, въ которомъ бы христіане не считались тысячами. Есть тамъ даже цѣлыя селенія инородцевъ-христіанъ.

Въ заключеніе всего скажемъ о двухъ обстоятельствахъ, благодаря которымъ дѣло миссіонерства въ Сибири частью уже значительно подвинулось, а частью еще далеко подвинется впередъ. Разумѣемъ учрежденіе Православнаго Миссіонерскаго Общества и проведеніе великаго сибирскаго пути.

Православное Миссіонерское Общество учреждено было въ 1865 г. высокопреосвященнымъ Иннокентіемъ, митрополитомъ московскимъ. Это Общество впервые дало нашему миссіонерству правильную организацію и призвало къ участію въ немъ все православное общество, весь православный русскій народъ. Доселѣ проповѣдь Евангелія язычникамъ была большею частью дѣломъ личнаго расположенія и личнаго усердія отдѣльныхъ лицъ, и нерѣдко бывало такъ, что ревностные и самоотверженные труды и подвиги миссіонеровъ, увѣнчав-

шіеся значительнымъ успѣхомъ, послѣ не продолженные и не поддержанные, погибали безслѣдно,—и сѣмя слова Божія, посѣянное съ величайшими усиліями и трудами, снова заглушалось и заростало плевелами язычества. Съ учрежденіемъ же Общества нашему миссіонерству дана правильная организація и оно становится дѣломъ всенароднымъ: здѣсь соединяются въ одинъ союзъ всѣ сочувствующіе распространенію св. вѣры; здѣсь собираются и распредѣляются, соотвѣтственно нуждамъ, и матеріальныя и нравственныя средства, потребныя для миссіонерскаго дѣла; отсюда же дается этому дѣлу и должное направленіе и руководство.

Строющійся теперь сибирскій желѣзный трактъ усилитъ движеніе русскихъ на отдаленный востокъ нашего отечества. Вступая въ тѣ или иныя общенія съ инородцами, русскіе этимъ путемъ незамѣтно будутъ содѣйствовать вкорененію въ инородцевъ русской вѣры и русской культуры.

Мракъ, покрывавшій сибирскую страну, постепенно разгоняется, и уступаетъ мѣсто всеоживляющему свѣту. Наступаетъ время, когда и надъ этою страною точно такъ же, какъ и надъ нашимъ кореннымъ отечествомъ, возсіяетъ свѣтозарный крестъ, и наши потомки еще разъ убѣдятся въ непререкаемости словъ:

Симъ побѣдиши!

2007099288